

**РУССКИЙ ПЕРЕВОД
ПЛУТОВСКОГО РОМАНА
О СОВИЗЖАЛЕ И ЕГО СУДЬБА
В РОССИИ**

**BIBLIOTEKA
PRZEKŁADÓW ROSYJSKICH XVII–XVIII WIEKU
Z LITERATURY STAROPOLSKIEJ**

**БИБЛИОТЕКА
РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ XVII–XVIII ВВ.
ДРЕВНЕПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Eliza Małek

**РУССКИЙ ПЕРЕВОД
ПЛУТОВСКОГО РОМАНА
О СОВИЗЖАЛЕ И ЕГО СУДЬБА
В РОССИИ**

WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
ŁÓDZKIEGO

ŁÓDŹ 2014

Eliza Małek – Uniwersytet Łódzki, Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej, 90-522 Łódź, ul. Wólczańska 90

RECENZENCI

Jelena Juchimienko, Galina Kosmolinskaja

REDAKTOR WYDAWNICTWA UŁ

Bogusława Kwiatkowska

SKŁAD I ŁAMANIE

AGENT PR

PROJEKT OKŁADKI

Barbara Grzejszczak

Praca powstała w Zakładzie Literatury i Kultury Rosyjskiej, Wydział Filologiczny UŁ

Praca naukowa finansowana w ramach programu Ministra Nauki
i Szkolnictwa Wyższego pod nazwą „Narodowy Program Rozwoju Humanistyki”
w latach 2012–2013

NARODOWY PROGRAM
ROZWOJU HUMANISTYKI

© Copyright by Uniwersytet Łódzki, Łódź 2014

Wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego
Wydanie I. W.06422.13.0.M

ISBN 978-83-7969-050-3

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego
90-131 Łódź, ul. Lindleya 8
www.wydawnictwo.uni.lodz.pl
e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl
tel. (42) 665 58 63, faks (42) 665 58 62

Druk i oprawa: Quick Druk

Введение

В первых трех выпусках «Библиотеки русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы» читатель мог познакомиться с двумя из трех переводов *Апофегмат* Беняша Будного¹ и переводом *Повести утешной о купце* того же автора², настоящий, четвертый выпуск серии посвящен изучению судьбы русского перевода-переделки плутовского романа о Совизжале.

Книжка о Тиле Уленшпигеле и его похождениях *Ein kurtzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel, geboren uß dem Land zu Brunßwick*, опубликованная впервые в 1510 или 1511 г. в Страсбурге, оставила глубокий след в ряде европейских литератур. На польский язык она была переведена уже в начале XVI столетия и опубликована в краковской типографии

1 Ср.: Е. Małek, *Первый древнерусский перевод «Апофегмат» Беняша Будного. Исследование и издание текста*, Łask 2011 (ср. также электронную версию книги на сайте <http://repozytorium.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/1122>) и Е. Małek, S. Nikołajew, *Петровский перевод «Апофегмат» Беняша Будного*, Łódź 2012.

2 Е. Małek, *«Повесть утешная о купце» Беняша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью)*, Łódź 2013.

И. Ветора, вероятно, еще до 1540 г. Древнепольский перевод *Эйленшпигеля* выдержал до XVIII в. не менее 12 переизданий, а получивший в Польше имя Совизжала (Sowizdrzał / Sowizrział), забавный и смешной герой стал патроном целого цеха плебейских авторов XVII в.

Переведенный с польского и напечатанный в России во второй половине XVIII в. плутовской роман об Эйленшпигеле / Совизжале не был до сих пор предметом комплексного исследования. Настоящее исследование и публикация должны заполнить этот пробел и дать по возможности исчерпывающий ответ на все вопросы, связанные с появлением перевода, его качеством и бытованием на русской почве.

Структура работы обусловлена задачами исследования. Она состоит из двух частей: собственно исследования и трех приложений. Исследование, помимо *Введения*, включает восемь глав и *Заключение*. В первой главе (*История изучения русского перевода «Совизжала смешного и забавного»*) излагается история изучения перевода. Во второй (*Путь «Совизжала» в Россию*) делается попытка ответить на вопрос, когда и каким путем польский роман о Совизжале мог проникнуть на русскую почву. В третьей главе (*Источник и характеристика перевода*) речь пойдет о печатном переводе *Совизжала смешного и забавного*: здесь, в частности, постараемся определить возможный источник перевода и определить дату его появления, а также охарактеризовать переводческие стратегии и способы адаптации иностранного текста к русской литературной культуре. В четвертой главе (*Заимствования «с других языков» и «из русских сочинений» в «Похождении Совест-Драла»*) рассказывается о разворачивании текста перевода за счет включения в книгу о Совест-Драле других текстов

(анекдотов, песен, смеховых курантов и т. п.), почерпнутых из рукописных или печатных источников. В пятой главе (*Описание и характеристика изданий*) перечисляются все известные в настоящее время издания и прослеживается эволюция текста перевода, в шестой (*Литературная культура переводчика*) пойдет речь о переводчике-адаптаторе и его литературных компетенциях.

В седьмой главе (*Читательское восприятие и реминисценции «Похождений Совест-Драла» в русской литературе и критике*) собраны всевозможные свидетельства читательской и литературной рецепции перевода. В последней, восьмой – характеризуется *Похождение ожившего нового увеселительного шута Совест-Драла* – анонимное сочинение, являющееся своеобразной попыткой продлить жизнь, приобретшего популярность увеселительного шута-плута.

В *Заключении* подводятся итоги и формулируются некоторые задачи дальнейшего исследования *Похождений Совест-Драла Большого Носа*.

В Приложении I впервые публикуется текст первого известного в настоящее время издания *Похождений нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута, Совест-Драла Большого Носа*, в Приложении II – *Похождения ожившего нового увеселительного шута Совест-Драла Большого Носа*, в Приложении III – тексты двух стихотворных жарт на сюжеты, заимствованные из романа о Совизжале.

Думается, что настоящее исследование имеет существенное значение не только для истории польско-русских литературных связей, но и для истории русской литературы XVIII в. Перевод-переделка польского *Совизжала*, отвечавший потребностям русской культуры второй половины XVIII в., стал фактом русской литературной жизни,

а его научное переиздание, как и публикация оригинального продолжения романа, т. е. *Похождений ожившего нового увеселительного шута Совесть-Драла*, даст возможность познакомиться с этим мало изученным фрагментом истории русской письменности всем желающим.

Считаю приятной обязанностью выразить благодарность хранителям Российской национальной библиотеки, Библиотеки Академии наук РАН и Российской государственной библиотеки за возможность ознакомления с сохранившимися экземплярами изданий перевода, а также за согласие на публикацию титульных листов и выбранных фрагментов изданий *Похождений Совесть-Драла*.

Глава I

История изучения русского перевода *Совизжала смешного и забавного*

В списке произведений древнепольской литературы, переведенных на русский язык, роману о похождениях Эйленшпигеля / Совизжала принадлежит важное место. Несмотря на это история изучения русского перевода *Совизжала* намного короче и беднее, чем, например, история изучения переводов *Великого Зерцала*, *Римских деяний*, *Фавстиков польских* и других памятников, которые распространялись исключительно в виде рукописных списков.

Существование перевода плутовского романа о Совизжале отметили в конце XIX в. библиографы. Г. Геннади в своем списке редких русских книг указал на издание 1781 г. (в трех частях) и – со ссылкой на А. Ф. Смирдина – издание 1798 г., включающее комедию *Расточитель*³. Н. В. Губерти в *Материалах для русской библиографии* поместил информацию об изданиях *Похождений нового увеселительного*

3 Г. Геннади, *Русские книжные редкости. Библиографический список редких книг*, Санкт-Петербург 1872, с. 54 (№ 52).

*шута*⁴ и даже сопоставил его с немецкой народной книгой, но, как отметил П. Н. Берков, «никакого внимания к польскому источнику русской книги [...] не обнаружил»⁵. Известный коллекционер книг И. М. Остроглазов, описывая редкие издания из своего собрания, обратил внимание на третье (1781 г.) издание *Похождений Совест-Драла*⁶.

Переводом *Совизжала* заинтересовался А. Пельтцер, который исследовал происхождение анекдотов в русском фольклоре. Кратко изложив историю польского *Совест-Драла*, ученый заметил, что:

[...] отдельные рассказы о нем (т. е. о *Совизжале* – Э. М.) ходили уже в XVII в., но полная редакция повести появилась лишь в XVIII в. Различие между русской переделкой и западными ее оригиналами состоит в том, что в русской редакции отсутствует сатирический элемент. «Русский *Совестдрал*, – замечает проф. Тихонравов, – в половине XVIII в. получает у нас особый оттенок; он сделался каким-то деревенским петиметром и волокитой». В остальном все три редакции (т. е. немецкая, польская и русская – Э. М.) сходятся, и центральной личностью в них является шут⁷.

В. В. Сиповский в *Очерках из истории русского романа* высказал предположение, что

4 Н. В. Губерти, *Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом. 1725–1800*, вып. 3, Москва 1891, с. 601–607.

5 П. Н. Берков, *Русско-польские литературные связи в XVIII в.*, [в:] *Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов*, Москва 1960, с. 80.

6 Н. М. Остроглазов, *Книжные редкости*, Москва 1892, с. 287.

7 А. Пельтцер, *Происхождение анекдотов в русской народной словесности*, «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. XI, Харьков 1899, с. 78.

прежде, чем попасть в нашу (т. е. русскую – Э. М.) печатную литературу в 1781 году, это популярное сочинение, несомненно было распространено у нас или в виде рукописного перевода, или в виде устных пересказов, – по крайней мере, следы влияния этой старинной книги можно отыскать и в русской сказке о похождениях плутов, прикидывающихся дураками, и в сборниках фавстических⁸.

Однако и он, подобно Губерти, о польском источнике перевода вовсе не упоминает.

В. Шкловский в своих работах о писателях-лубочниках несколько раз упоминал и *Похождения Совест-Драла*. В монографии о Матвее Комарове писал, между прочим, что

Первое издание *Похождений нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совест-Драла Большого Носа* отличается от второго по объему почти вдвое. Это развертывание совершалось самым простым образом. В книгу о бельгийско-польском шуте вставлялись куски с такими мотивировками: «По сходности мысли песня выписана из российских сочинений»⁹.

В другом месте, говоря о втором издании, ссылается на публикацию 1798 г., но какое из более ранних изданий называет первым, так и не удалось выяснить. Замечания исследователя содержат фактические ошибки (так, например, отмеченные Шкловским амплификации были уже в первом издании) и страдают большой неточностью, но в целом они ценны тем, что ученый верно указал на характерный для XVIII в. способ «развертывания» объема книг. Он же считал, что образ Ваньки

8 В. В. Сиповский, *Очерки из истории русского романа*, т. 1, вып. 2: (XVIII век), Санкт-Петербург 1910, с. 877.

9 В. Шкловский, *Матвей Комаров – житель города Москвы*, Ленинград 1929, с. 279.

Каина из анонимного романа XVIII в. «в отдельных частностях своего литературного бытия цитирует некоторые места *Приключений Совесть-Драла*»¹⁰, а «рождение и крещение Чулковского героя напоминают крещение Уленшпигеля (он же Совестьдрал)»¹¹.

Упоминание о *Похождениях Совесть-Драла* находим в учебнике русской литературы XVIII в. Г. А. Гуковского. В главе *Плутовские и бытовые повести* он отмечает популярность романа, странное русское имя героя и – вскользь – польский источник перевода:

Сюда относится, например, – писал Гуковский, – популярная в XVIII веке книжка «Похождения шута и плута Совестьдрала», восходящая к народным легендам об Эйленшпигеле; самое имя «Совестьдрал» – это испорченный перевод имени знаменитого германского героя «Эйленшпигель», что значит «Совиное зеркало», – в польском переводе «Сове Здрадло», а отсюда уже Совестьдрал с новым осмыслением имени¹².

А. В. Кокорев, занимаясь изучением русских стихотворных фацеций, обратил внимание на печатные издания юмористической литературы, в списке которых поместил также первое и третье издание *Похождений нового увеселительного шута Совесть-Драла*¹³, но, к сожалению, на сходство группы жарт о шуте-плуте с похождениями Совесть-Драла не обратил должного внимания.

¹⁰ Там же, с. 64.

¹¹ В. Шкловский, *Чулков и Левшин*, Ленинград 1933, с. 106.

¹² Г. А. Гуковский, *Русская литература XVIII в. Учебник для высших учебных заведений*, Москва 1939, с. 219.

¹³ А. В. Кокорев, *Русские стихотворные фацеции XVIII в.*, [в:] *Старинная русская повесть. Статьи и исследования*, под ред. Н. К. Гудзия, Москва–Ленинград 1941, с. 217–218.

И только П. Н. Берков в своем очерке, посвященном русско-польским связям XVIII в., пишет, что *Похождения Совест-Драла* – это «первый русский перевод народной книги о Совизжале, снискавший большой успех у читателей и выдержавший, вместе с контрафакцией, пять изданий в течение 20 лет»¹⁴. На основе сопоставления глав и отдельных анекдотов из недатированного текста польского *Совизжала*, опубликованного К. Бадецким, с *Похождениями Совест-Драла*, ученый пришел к выводу, «что и по форме и последовательности они совпадают, особенно в первой части русского издания»¹⁵, хотя не исключал возможности использования русским переводчиком какого-то переиздания XVIII в. Обратив внимание на включение в текст перевода русской песни «Что мне нужды в свете сем / Страсти разбирати», Берков ошибочно предположил, что она появилась там «взамен польских стихов», а некоторые другие поэтические вкрапления в текст перевода «представляют перевод польских стихов „Sowizrzala krotofilnego u smiesznego”»¹⁶. На самом деле в польском тексте *Совизжала* никаких стихов нет, вернее, их нет в текстах походов. Зато те, которые читаются на титульном листе польских изданий (двустилишие под гравюрой и стихотворное обращение *К читателю*), а также эпитафия Совизжалу, завершающая последнюю, 95 историю, в перевод не вошли.

Интересны наблюдения исследователя над языком перевода (например, предположение об устранении полонизмов умелым редактором) и составом *Походов Совест-Драла* (Берков отметил

14 П. Н. Берков, *Русско-польские...*, с. 80 (издания не перечисляются).

15 Там же.

16 Там же, с. 81.

включение в перевод популярных «произведений русской „низовой” литературы»), а также рассуждения «о существовании устных пересказов» отдельных книг романа о Совизжале. Бесспорной заслугой Беркова было обращение внимания на необходимость более тщательного изучения перевода и указание на нерешенные проблемы¹⁷.

Неоценимый вклад в изучение перевода внесли составители *Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века*, которые выявили и описали 6 изданий *Похождений Совест-Драла*¹⁸. На них сошлутся авторы примечаний к изданию современного перевода немецкой народной книги об Эйленшпигеле, которые отметили, что «в основу переделок „Тиль Уленшпигеля”, издававшихся в России в конце XVIII в.»¹⁹ был положен польский перевод романа (хотя неверно определили дату его появления, как 1617 г.).

Из польских авторов о необходимости изучить перевод *Совизжала* писал Р. Лужный. Ученый в своих синтетических обзорах ссылается на работы Беркова, подчеркивая, что «*sprawa rosyjskiego Eulenspiegla czeka jeszcze na swego badacza*²⁰». Такие исследования были предприняты, а их результаты

17 П. Н. Берков, *Русско-польские литературные связи в XVIII в.*, Москва 1958, с. 27–32. Далее сокращенно: Берков 1958 с указанием соответствующей страницы.

18 Ср.: *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800*, т. 2: К–П, Москва 1964, с. 457–459.

19 Ср.: *Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель*, изд. подгот. Н. А. Москалева, Б. И. Пуришев, Р. В. Френкель, Москва 1986, с. 300.

20 R. Łużny, *Nurt tradycji staropolskiej w procesie literackim rosyjskiego Oświecenia*, «Ruch Literacki» 1973, z. 4, с. 218. См. также: Р. Лужный, *Древнепольская традиция в литературе русского Просвещения*, [в:] XVIII век, сб. 10: *Русская литература XVIII в. и ее международные связи*, Ленинград 1975, с. 176–183.

опубликованы в ряде наших статей и в монографиях, посвященных переводам польской повествовательной прозы в России XVII–XVIII вв. В них более подробно характеризуется сам перевод, а также его судьба на русской почве²¹. На некоторые новые факты, связанные с рецепцией *Совизжала* в русской критике и литературе XVIII–XIX вв., указал в рецензии на мою монографию С. И. Николаев²².

Несмотря на уже проделанную документационную работу по выявлению и учету изданий русского перевода *Совизжала смешного и забавного*, все еще появляются исследования, в которых данные *Сводного каталога* игнорируются. Так, например, Г. А. Фафурин в своей диссертации пишет, что

Переводы с польского языка были достаточно редки и некоторые из них выдерживали по несколько изданий. Так, в 1798 г. изданием И. и М. Глазуновых было выпущено третье издание «Похождений Совест-Драла» на русском языке. Это издание, в отличие от двух первых, дополнено частью 3-й, содержащей восемь «похождений» и комедию Детуша «Расточитель» (с. 104–250), включенную в последнее «похождение». Эта комедия, в том же переводе, под заглавием «Мот, или Расточитель», с указанием – «переведена с польского языка Акимом Апухтиным», была напечатана в 1778 г. отдельным изданием²³.

В последнее время *Похождения Совест-Драла* привлекли внимание американской славистики

21 Полный перечень моих работ см. в разделе «Список литературы».

22 С. И. Николаев, *Старопольская проза в России в XVII–XVIII веках*, «Русская литература» 1984, № 3, с. 241–245.

23 Г. А. Фафурин, *Книгоиздательская и книготорговая деятельность Иоганна Якоба Вейтбрехта (1744–1803). Из истории русско-немецких книжных связей второй половины XVIII века. Диссертация [...] кандидата филологических наук*, Санкт-Петербург 2004, с. 103.

М. Моррис. К сожалению, исследовательнице остались неизвестны важнейшие работы по изучению этого памятника, в том числе и данные *Сводного каталога* (она ссылается на опубликованную в 1891 г. библиографию Н. В. Губерти). Более того, в своих рассуждениях о качестве перевода М. Моррис ни разу не ссылается на польский текст *Совизжала*, которого попросту не знает (в списке использованной литературы упомянута лишь антология польской совизжальской литературы, в которой нет ни одного фрагмента романа), а в качестве примера свободного обращения переводчика с текстом *Эйленипигеля* автор рассматривает *Похождения ожившего Совесть-Драла*, которые, как известно, переводом не являются²⁴.

Фрагменты русского перевода *Совизжала смешного и забавного* были недавно опубликованы²⁵, но на их основании трудно составить представление о тексте перевода в целом. В этой ситуации необходимость научного издания полного текста русского перевода не вызывает сомнения. Дополнения, уточнения, а иногда и верификации (пересмотра) требуют наши прежние наблюдения

24 Ср.: M. Morris, *Creativity as a Major Driving Force in the Eighteenth-Century Russian „Translation” of Till Eulenspiegel*, [в:] *Translators’ Strategies and Creativity. Selected Papers from the 9th International Conference on Translation and Interpreting. Prague, September 1995*, ed. by A. Beylard-Ozeroff, J. Králová, B. Moser-Mercer, Amsterdam–Philadelphia 1998, с. 81–86 и ее же *The Literature of Roguery in Seventeenth- and Eighteenth-Century Russia*, Evanston, IL: Northwestern University Press 2000.

25 В работе Е. Małek, *Русская нарративная литература XVII–XVIII веков. Опыт указателя сюжетов*, Łódź 1996 (далее – *Опыт*) опубликовано 6 фрагментов первого издания *Похождений Совесть-Драла*, а в: Е. Małek, *Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв.*, т. I, Łódź 2000 (далее – *Ук. I*) опубликовано 4 фрагмента первого и шестого издания *Похождений Совесть-Драла*.

над временем, качеством и рецепцией перевода. Недостаточно освещен вопрос использования мотивов и жанровой модели романа о Совизжале в русской литературе и фольклоре. Поэтому считаем целесообразным вновь обратиться к данной теме и провести комплексное исследование с учетом всех возможных контекстов, чтобы дополнить и уточнить наши наблюдения, а также изучить попытки творческого использования жанра плутовского романа о Совизжале на русской почве.

Глава II

Путь Совизжала в Россию

Плутовской роман об Эйленшпигеле / Совизжале не мог не вызвать интереса у русского читателя, который знал сказания о Соломоне и Китоврасе²⁶ и уже в начале XVII в. познакомился с баснословной биографией Эзопа²⁷, а позже с переводами *Хитроумных проделок Бертольдо* Джулио Чезаре Кроче²⁸. Простейший путь вел, разумеется, через Польшу, где перевод немецкого романа о похождениях плебейского героя (кстати сказать, это был один из первых его переводов на иностранные языки) появился в печати еще в 1530–1540 гг., а впоследствии выдержал больше 12 переизданий.

26 См.: А. Веселовский, *Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Моролфе и Мерлине*, Санкт-Петербург 1872.

27 Подробнее об этом см. в: Е. Małek, *К истории восприятия плутовского романа в России XVII–XVIII вв. (Эзоп, Совизжал)*, «Slavia Orientalis» 1992, nr 4, с. 37–49 и Э. Малэк, *Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения*, Санкт-Петербург 2008, с. 263–298 (далее – Малэк 2008).

28 Г. А. Космолинская, *Русский Бертольдо. Судьба итальянского комического романа в России XVIII века: рукописи, издания, читатели*, Москва 2011.

Историки русской книги утверждают, что первое недатированное издание *Похождений Совест-Драла* появилось в 1774 г. или не раньше 1775 г.²⁹, но заметка, помещенная в январском номере «Свободных часов» за 1763 г., в которой высмеиваются плохие переводные романы, заполнившие книжные магазины Москвы, и выражается надежда на то, что у русских читателей появится возможность прочесть на родном языке

«eleve de la nature», «l'an deux a mille quatre cent quarante», «tableau de la vie», «дон Кишота» и «неистового Роланда», дабы скорей забыть «Совест-драла», «повести о белой кошке Э^{**}» и других подобных оным сочинений, обременяющих лавки наших книгопродавцев³⁰,

дает право предположить существование печатного издания перевода *Похождений Совест-Драла* уже в начале 1760-х гг. Возможно, первое издание попросту не сохранилось до нашего времени. Такое предположение не лишено оснований, так как издание, которое в настоящее время считается первым, сохранилось, насколько мне известно, всего в 2 экземплярах.

Есть также факты, позволяющие утверждать, что польский текст романа об Эйленшпигеле был известен в России по меньшей мере с середины XVII в., когда, как установил С. И. Николаев, польская печатная книга стала активно проникать на территорию Московского государства³¹. В. В. Мочалова обнаружила в собрании Российской государственной библиотеки в Москве старейший из

29 Ср.: *Сводный каталог...*, с. 457–459.

30 «Свободные часы» 1763, № 1, с. 61.

31 См.: С. И. Николаев, *Польская книга в России в XVII – начале XVIII в. (К методике разысканий)*, [в:] *Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения*, Ленинград 1988, с. 103–108.

сохранившихся экземпляров польского издания *Совизжала*, датируемый началом или серединой XVII века³². Экземпляры польских изданий *Совизжала* имелись также в библиотеке знатного вельможи первой половины XVIII в. – А. П. Волынского³³ и в библиотеке Александро-Невской лавры³⁴.

П. Н. Берков обратил внимание на пересказ одного из походов Эйленшпигеля, сделанный В. К. Тредиаковским.

Сказывают, г[осударь] м[ой], – пишет Тредиаковский, – про некоторого польского шута, именем Семизрала или Севизрала, не знаю, что он некогда обещался в некакой камере показать или высокую живопись, или богато и искусно вытканый обои, однако с таким уговором, что кто будет законного отца сын, тот имеет все оное видеть. Все видели и изрываясь хвалили, хотя в камере кроме пустых стен и не было ничего, для того, что никто не хотел быть зазорным сыном³⁵.

Как форма имени, так и название Совизжала «польским шутом» однозначно указывают на источник пересказа: Тредиаковский опирался на польский вариант плутовской биографии Эйленшпигеля, а его неуверенность в выборе правильной формы имени героя, а также явная ссылка на людскую молву («сказывают»), свидетельствуют о том, что в первой половине XVIII в. если не вся биография, то по меньшей мере некоторые анекдоты о Совизжале передавались в России изустным путем.

32 В. В. Мочалова, *Мир наизнанку. Народно-городская литература Польши XVI–XVII вв.*, Москва 1985, с. 95.

33 С. П. Луппов, *Библиотека Артемия Волынского*, [в:] *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978*, Ленинград 1979, с. 125.

34 С. И. Николаев, *Старопольская проза...*, с. 243.

35 В. К. Тредиаковский, *Сочинения*, т. III, Санкт-Петербург 1849, с. 241. Цит. по: Берков 1958, с. 22.

В рукописном сборнике из коллекции Российской национальной библиотеки С. И. Николаев обнаружил написанную в 1769 г. эпиграмму К. А. Кондратовича, в которой критически оценивается «навозная слава» Совизрала:

Слава Совизралова есть навозна слава,
Пусть для щей сия ему будет впредь приправа!
(РНБ, F.XIV.17, л. 70 об.)

Автор эпиграммы, несомненно, имел в виду польский текст, в котором господствует принцип *Naturalia non sunt turpia*, значительно смягченный, как увидим ниже, в русском переводе. Сопоставляя высказывания Тредиаковского и Кондратовича, Николаев пишет:

Поскольку форма имени явно отличается от транскрипции в русской переработке («Совест-Драл»), то очевидно, что Тредиаковский и Кондратович знали оригинал. Но было ли это чтение или отзвуки устной традиции? Наши представления о степени знакомства писателей середины XVIII века со старопольской юмористикой слишком неотчетливы для определенного ответа. Разумеется, переводу должно было предшествовать ознакомление с оригиналом, однако степень его (а именно она может объяснить появление того или иного перевода) не изучена ни для XVII, ни для XVIII века³⁶.

Этот вопрос решить сложно, но исключить такой путь передачи текста романа о плуте Совизжале нельзя. Изучение рукописной *Истории о пане Твердовском и о его славных действиях*³⁷,

36 С. И. Николаев, *Старопольская проза...*, с. 243.

37 Ср.: Ю. К. Бегунов, *Сказания о чернокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новонайденная «История о пане Твердовском»*, «Советское славяноведение» 1983, № 1, с. 78–90 и Е. Б. Смилянская, *Университетские фрагменты «Истории о пане Твердовском»* (к изучению «фраустовской» темы в русской литературе первой

имя которого появляется и в *Похождениях ожившего Совест-Драла* (анонимный автор пишет, что он «до того додумался, что как пан Твердовский, шляхтич польский, хотел дать на себя чёрту подписку»), и в других произведениях русских писателей XVIII в., подтверждает предположение о возможности устной трансмиссии текстов польской письменности, в том числе и рассказов о Совизжале, в русскоязычной среде. Сам С. И. Николаев в своей более поздней работе пишет о роли устной традиции в польско-русских связях и в качестве примера приводит включение в проповедь Феофана Прокоповича анекдота, который, по мнению ученого, «явно выхвачен целиком из устной языковой стихии»³⁸.

Еще до выхода в свет *Похождений нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута, Совест-Драла Большого Носа* анонимный автор рукописных «увеселительных» жарт обработал сюжет рассказа о том, как Эйленшпигель расписывал стены во дворце ландграфа Гессенского, известный, как мы уже упоминали, Тредиаковскому. Жарта *О господине с курioзным*, читавшаяся между прочим в рукописи БАН (собр. Тимофеева, № 2) рассказывает о некоем знатном господине, который, захотев украсить свой дворец, призывал мастера, который бы «полаты ево изрядно размолевал, // все действия фамилии их описал». Соглашается изобразить в картинках родословную господина некий шут, «курioзный». Он, подобно Совизжалу, требует от заказчика больших денег за свою работу и ставит условие не мешать ему и его артели во время расписывания стен, «Дабы тем

половины XVIII в.), [в:] *Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета*, вып. 5, Москва 1993, с. 188–203.

³⁸ С. И. Николаев, *Литературная культура Петровской эпохи*, Санкт-Петербург 1996, с. 60.

молярство ево не искусилось, // от нечистого глаза и вовсе не помрачилось». Наивный господин принимает условия куриозного, и когда через полгода сжигаемая любопытством дочь господина идет с разрешения отца посмотреть результаты шутова «молярства», тот предупреждает ее о необыкновенных свойствах картин, якобы недоступных глазам незаконнорожденных. Дочь, разумеется, ничего не видит, но, не желая опорочить перед отцом свою мать, очень хвалит работу куриозного. Вслед за дочерью рассматривает мнимые картины мать и так же расхваливает их перед мужем. Когда плут узнает, что на следующее утро придет в палаты сам заказчик, быстро покидает его дом, успев еще написать на стене следующие слова:

Кто глуп, оставайся той в вине.
А я сделал здесь куриозные смехи,
Сам пошел до другой утехы³⁹.

Анонимный автор жарты *О господине с куриозным* сохраняет все опорные точки сюжета, меняя лишь немного завязку (в романе инициатива расписать покои ландграфа исходит от самого Совизжала, который, называется хорошим живописцем и получает желаемый заказ) и последовательность посещения членами семьи заказчика расписываемой палаты (в романе первым идет посмотреть работу Совизжала ландграф, потом его жена со своими фрейлинами, в жарте – дочь и жена господина идут раньше, чем он сам). Но сохраняя сюжетную схему анекдота, автор жарты убрал из рассказанной истории все иноземные реквизиты и непонятные

39 Цит. по списку БАН, собр. Тимофеева, № 2, л. 3 об. Полный текст жарты *О господине с куриозным* перепечатан в: *Опыт*, с. 166–168 и в: Малэк 2008, с. 161–163. Кстати, подобные письма сочиняются переводчиком-адаптатором и в печатном варианте *Похождений Совест-Драла*.

ему мотивировки действий. Не упустил также возможности обличить реальные и мнимые женские слабости: введение образа любопытной дочери господина позволяет высказать подозрение в супружеской неверности ее матери и лишает ее тех черт трезвости и рассудка, какими была в романе наделена жена ландграфа. Здесь уместно напомнить, что антифеминистическая установка характерна для всего цикла «увеселительных» жарт.

В цикле стихотворных жарт о шуте-плуте, встречавшихся в довольно большом количестве списков преимущественно XVIII в., читается еще одна жарта, сюжет которой выдает знакомство ее автора с польским *Совизжалом*. Жарта *Как шут землю в Польше купил*⁴⁰ восходит к той главе *Совизжала*, которая не была включена в печатные русские издания романа, следовательно, ее автор или читал польский текст в оригинале, или познакомился с содержанием данной главы посредством устного рассказа. Стоит также отметить, что со временем сюжет жарты о шуте, купившем землю в Польше, стал связываться с именем Балакирева и что устные варианты этого анекдота, записанные русскими и советскими фольклористами, аналогично жарте *Как шут землю в Польше купил* (и в отличие от лубочных анекдотов, где «события истории „На чужой земле“, – как пишет Н. Б. Иванова, – не имеют мотивировки»⁴¹) объединяют рассказ о проделке шута, обидевшего королеву, с сюжетом «На чужой земле». Не исключено, что фольклорные варианты следуют в данном случае за жартой.

40 См. публикацию текста в статье А. В. Кокорева, *Русские стихотворные фацеции...*, с. 268–270. По списку РНБ, собр. Титова 4781 жарта опубликована в: Ук. I, с. 234–236.

41 Н. Б. Иванова, *Анекдоты о шуте Балакиреве в лубочной литературе и фольклоре*, [в:] *Фольклор народов РСФСР. Межузовский научный сборник*, Уфа 1978, с. 96.

Глава III

Источник и характеристика перевода

Несмотря на то, что в настоящее время мы уже располагаем хорошим научным изданием польского текста романа о шуте-плуте Совизжале, точный источник русского перевода установить не удалось. Русский переводчик, правда, сообщил, что он переводил с польского языка, но не указывал выходных данных оригинала и при этом отнесся к нему весьма свободно: выбирая из обширного текста только часть рассказов о похождениях Совизжала, он местами старался передавать текст достаточно верно, но местами его просто пересказывал и по-своему дополнял.

Поскольку редакционные изменения в очередных изданиях польского *Совизжала смешного и забавного* незначительны, то мы будем сличать текст русского перевода с текстом опубликованной недавно редакции С, которая кажется самым вероятным источником перевода⁴².

42 Ср.: *Sowiżrzał krotocwilny i śmieszny. Krytyczna edycja staropolskiego przekładu «Ulenspiegla»*, wyd. R. Grześkowiak, E. Kizik, Gdańsk 2005.

1. Модификация заголовочного комплекса

В польских изданиях XVII в. книга неизменно именовалась как *Sowiźrzał krotochwilny i śmieszny* (Совизжал веселый и смешной) и делилась на 95 довольно автономных «историй». Переводчик разбил текст на две части, каждая из которых включала по 20 рассказов о заглавном герое, а он сам получил наименование Совесть-Драла Большого Носа. Шутливая номинация оказывается продуманным средством идентификации и характеристики героя. Семантика «большого носа» раскрывается уже в самом заглавии, которое обещает читателю рассказ о похождениях «Совесть-Драла Большого Носа, **великого в любовных делах плута**», а позже неоднократно используется в тексте перевода, главным образом в тех главах, в которых описываются любовные похождения героя (например, в 19 главе I части). Но первый раз упоминание о великом носе молодого Совесть-Драла появляется уже в конце второго похождения, где рассказчик говорит, что:

Совесть-Драл не был человек мастеровой, намерения и охоты к учению не имел и, будучи уже шестнадцати от роду лет, чрез одни свои шутки и выдумки находил везде для себя хорошее место по старой пословице: *шутам везде хорошо*. Притом природа одарила его красотою лица, только нос весьма был большой; хотя он и ростом был более двух аршин, однако нос у него не против росту был⁴³.

Фрагмента, выделенного жирным шрифтом, в польском оригинале, разумеется, не было.

43 Похождения нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совесть-Драла, Большого Носа, ч. I–II, Санкт-Петербург (б. г.), ч. I, с. 4. Далее все цитаты из русского перевода (если это специально не оговаривается) приводятся по этому же изданию в тексте.

Для русского читателя, знакомого с фациями и стихотворными жартами о девушке, которая выбирает себе в мужья парня с большим носом, так как надеется на то, что и «природный уд» будущего супруга не будет уступать по величине его носу⁴⁴, намек не нуждался в пояснении.

Интересную параллель к новому прозвищу Совесть-Драла находим в лубочном *Разговоре между женихом и свахой*. Герой картинки заявляет, что пришел уже «в совершенные лета» и хочет жениться, а потом так расхваливает свою красоту и зрелость: «[...] я, как сама видишь, чем не молодец?! **и нос у себя имею с немалый огурец!**»⁴⁵.

Карнавально-насмешливая кличка героя, возможно, отсылает и к лубочной картинке о Фарносе Красном Носе⁴⁶. С большим красным носом изображались и другие «комические персоны», а фразеологизмы «оставить с носом», «показать

44 Сюжет «Глупая девушка выбирает мужа с большим носом» встречаем в переведенной с немецкого фации *О девице* и в стихотворной жарте *О прелестной девице* из цикла так называемых фигурных жарт. Ср.: Ук. I, с. 64–66 и Э. Малек 2008, с. 127–128. Ср. также пословицу: *Не сказывай жене, у ково нос велик* из сборника А. И. Богданова начала XVIII в. (цит. по изданию: *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков*, изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова, Москва–Ленинград 1961, с. 102). Сохранился интересный для нашей темы портретный шарж А. Орловского (первая четверть XIX в.), на котором изображен модно одетый мужчина с большим носом в виде фаллоса. Воспроизведение шаржа см. в: «Литературное обозрение» 1991, № 11, с. 113.

45 Цит. по: Д. Ровинский, *Русские народные картинки*, кн. 1: *Сказки и забавные листы*, Санкт-Петербург 1881, с. 359. Картинка воспроизведена в: Д. Ровинский, *Русские народные картинки. Атлас*, т. I, № 103, Санкт-Петербург 1881.

46 О том, что наш переводчик хорошо знал лубочные тексты и владел раешным стихом, которым пользуются авторы лубочных картинок, еще пойдет речь ниже.

нос», «утереть нос» в народной речи означали 'обмануть', 'одурачить'⁴⁷.

В самом имени Совесть-Драла может также скрываться намек на поведение героя, который без малейшего зазрения совести обманывает и обкрадывает людей, а нередко доводит их до смерти. Аналогичные номинации встречаются в русской литературе второй половины XVIII в. нередко. Так, например, в «Сатирическом вестнике» Н. И. Стрехова появляется ростовщик с именем Совестьгуб (1790, ч. II, с. 11), а в другом выпуске этого журнала издатель вводит персонаж по имени Совсехдралов (ср.: «на мавзолее, воздвигнутом Совсехдралову, и находится следующая надпись...», ч. V, с. 98).

Стоит также обратить внимание на определение «новый увеселительный шут», появившееся в заглавии русского перевода *Совизжала*. Оно, несомненно, отсылает к циклу рукописных жарт о увеселительном шуте-плуте, использующих, между прочим, сюжеты, известные по роману об Эйленшпигеле / Совизжале (о них упоминалось во второй главе).

Придав образу Совесть-Драла черты волокиты, переводчик очистил роман от большей части скатологических элементов. В его редакции количество шуток, основой которых был лозунг *Naturalia non sunt turpia* заметно сокращается. Так, например, в русском переводе отсутствуют такие главы польского оригинала, как: *Historyja, jako Sowiźrzał do dworu przysłał, a pan go nauczył, iż gdzie by nadszedł konopie, aby w nie napługawił; i tak uczynił, imniemał, żeby jednarzecz była gorczyca i konopie* (10), *Historyja, jako Sowiźrzał sługą kościelnym został we wsi Budenstatu a jako się pleban w kościele splugawił* (12), *Historyja, jako Sowiźrzał jednemu chłopu polewkę*

47 Ср.: В. Я. Пропп, *Проблемы комизма и смеха*, Москва 1976, с. 37.

przystroił a sadłem śmierdzącym ją omaścił (42), *Historyja, jako Sowiźrzał, będąc u kusznierza, jemu świetnice splugawił* (50), хотя сохраняется рассказ о прорицательных ягодах и о других шутках Совесть-Драла со слабительными средствами, которыми он охотно «снабжает» своих антагонистов.

2. Отбор и расположение «историй»

Существенные изменения наблюдаем также на уровне организации текста. Из 95 «историй» польского *Совизжала* переводчик-адапатор выбрал всего 36, а их расположение в переводе не всегда совпадает с расположением в польском тексте. Для большей наглядности сопоставим заглавия обеих частей *Похождений Совесть-Драла* с оригиналом, включая и те главы, которые не имеют в нем прямых соответствий и которые, как представляется, были полностью сочинены переводчиком.

Похождении нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совесть-Драла Большого Носа.	SOWIŹRZAŁ krotochwilny i śmieszny. Początek, żywot i dokonanie jego dziwne W Brunszwiku na bronie tak jest wymalowany:
Часть I, содержащая в себе 20 похождений.	[obrazek]
Переведена с польского и дополнена с других языков. В Санктпетербурге	Sowiźrzał stary zejdzie się w dary.
	Do Czytelnika Panowie, wiedźcie, starzy i młodzi, krotochwile zażywać nie szkodzi, tylko pilnie czas trzeba obaczać, żeby z kresu nie chciał wykraczać; bo żadnemu, który cnotę miłuje, ta krotochwila nic nie ujmuje.

Первое похождение Совесть-Драла
Где Совесть-Драл имел свое рождение и кто его был крестный отец

NAPIERWSZA HISTORYJA, jako się Sowiźrzał narodził i trzykroć jednego dnia krzczon był, a którzy jego kmotrowie byli

Похождение второе
Как все почти того села крестьяне на молодого Совесть-Драла отцу его жаловались

2. Historyja, jako wszyscy kmiecie z swoimi żonami na młodego Sowiźrzał skarzyli, powiedając, jakim by on silnym zuchwalcem i oszczercą był, k temu siedząc na koniu za ojcem na ludzi milczkiem zadek wypinał

Похождение третье
Каким образом Совесть-Драл по веревке ходить начал учиться

3. Historyja, jako Sowiźrzałów ociec z Knetlingu się precz brał ku Sole, wodzie tak rzekącej, a tamże umarł, a jako się syn jego na powrozie chodzić uczył

4. Historyja, jako Sowiźrzał wymógł a wymówił, że pacholęta na dwieście par botów z nóg wyzuli, a potem o nie za łby szli

Похождение четвертое
Мать хочет Совесть-Драла сделать художником

5. Historyja, jako matka Sowiźrzał karala, że się rzemieślna żadnego uczyć nie chciał

Похождение пятое
Каким образом Совесть-Драл обманул мать, а потом хлебника

6. Historyja, jako Sowiźrzał jednego piekarza o wór chleba pełny oszukał, a matce swej doniósł

Похождение шестое
Что спящему Совесть-Дралу в улье приключилось

<9>. Historyja, jako Sowiźrzał podpiwszy sobie, wlażł do ula pszczelnego, a jako dwa chłopci w nocy przyszli, ul ukraść chcieli i uczynił, że się oni dwa społem rwali, a ula na drodze odbieżeli

Похождение седьмое
Как Совесть-Драл нанялся у одного плебана в служители и как он там обходился

11. Historyja, jako Sowiźrzał u plebana ujednał się, a jemu pieczone kokoszy z różna pojadał

Похождение восьмое
Как поступал Совесть-Драл в новой своей должности

Источник не установлен.

Похождение девятое
Находясь при костеле, что еще
Совест-Драл сделал

Источник не установлен.

Похождение десятое
Как Совест-Драл всех в богадель-
не больных в один день вылечил

17. Historyja, jako Sowiźrzał w jed-
nym szpitalu wszystkie chore a nie-
mocne okrom lekarstwa za jeden
dzień uzdrowił

Похождение одиннадцатое
Совест-Драл в городе Брунсвиге
нанялся у одного хлебника при-
спешником

19. Historyja, jako Sowiźrzał
w Brunswiku się ujednał za towarzy-
sza piekarskiego

Похождение двенадцатое
Чего Совест-Драл в жизни своей
берегся и какие для него были лю-
безные вещи

21. Historyja, jako Sowiźrzał zawsze
na płowym koniu jeździł, a około
dzieci nierad bywał

Похождение тринадцатое
Что сделал Совест-Драл, находясь
при датском короле

23. Historyja, jako Sowiźrzał konia
swego złotemi podkowami dał pod-
kować, które król duński płacić mu-
siał

Похождение четырнадцатое
Что с Совест-Дралом случилось,
когда он, по причине приключив-
шейся королю опасной болезни,
а потом и смерти, оставил датский
двор

27. Historyja, jako Sowiźrzał mar-
grabię heskiego swoim malowaniem
zwiódł, powiedając: „Kto by bękar-
tem był, ten mego malowania wi-
dzieć nie może”

Похождение пятое на десять
Совест-Драл в пражском училище
с ректором и профессорами спо-
рил

28. Historyja, jako Sowiźrzał w Pra-
dze w Czechach, w kolegium z na-
uczonymi się gadał a przegadał je

Похождение шеснадцатое
Каким образом Совест-Драл
в Саксонии разослал письма свои
всем портным, чтобы они съеха-
лись в город Росток, где он нахо-
дился, с изъяснением, что желает
их обучать портному искусству,
какового они еще не могли до сих
пор знать

48. Historyja, jako Sowiźrzał we
wszystkiej saskiej ziemi krawcom dał
powiedzieć, żeby ich chciał kunsztu
takowego nauczyć, który by im i ich
dzieciom miał wielki pożytek przy-
nieść

Похождение седьмое на десять
Что Совесть-Драл в городе Ерфор-
те сделал с козою и ректором

Похождение осьмое на десять
Каковое было Совесть-Дралу при-
ключение по пришествии его
в Рим

Похождение девятое на десять
Что Совесть-Драл в городе Франк-
форте с жидами и с купческою
женою сделал

Похождение двадцатое
Что Совесть-Драл сделал в селе Ер-
бишки с купцом и его женою?

Похождении нового увеселитель-
ного шута и великого в делах лю-
бовных плута,

Совесть-Драла Большого Носа.

Часть II

В Санктпетербурге

Похождение первое
Что сделал Совесть-Драл, сделав-
шись пивоваром

Похождение второе
Что Совесть-Драл сделал с отцом
плебаном, будучи у большого боя-
рина

Похождение третье
Что сделал Совесть-Драл в той де-
ревне с крестьянскими женами

Похождение четвертое
Что сделал Совесть-Драл с порт-
ным в городе Берлине

29. Historyja, jako Sowiźrzał, w Er-
forcie będąc, osła czytać uczył na sta-
rym psalterzu

33. Historyja, jako Sowiźrzał do Rzy-
mu przyszedł, aby papieża oglądał,
i który go za kacerza osądził

34. Historyja, jako Sowiźrzał
w Frankforcie Żydy na tysiąc zło-
tych przyprowadził, sprzedając im łajno
za prorockie jagody

Источник не установлен.

45. Historyja, jako Sowiźrzał w Ein-
beku piwowarem został a psa jedne-
go, którego zwano Chmiel, miasto
chmiela uwarzył

37. Historyja, jako Sowiźrzał na ple-
banie w Ryzenberku konia wymatał
łotrowską swoją spowiedzią

30. Historyja, jako Sowiźrzał we wsi
w turyńskiej krainie niewiastom sta-
re kożuchy prał i odnawiał je

46. Historyja, jako Sowiźrzał w Ber-
linie u krawca jednego robił a, pod
kadzią siedząc, szyl

Похождение пятое
Каким образом Совесть-Драл на-
смеялся одному дворянину

Похождение шестое
Что сделалось Совесть-Дралом за об-
ман целовальника

Похождение седьмое
Что Совесть-Драл сделал с одним
французом

Похождение осьмое
Что с Совесть-Дралом сделала одна
деревенская старуха

Похождение девятое
Как Совесть-Драл обманул одного
богатого деревенского мужичка

Похождение десятое
Что Совесть-Драл сделал в городе
Берлине с бабами, торгующими
молоком

Похождение первое на десять
Что Совесть-Драл сделал с нищи-
ми слепыми

Похождение второе на десять
Что с Совесть-Дралом после нищих
последовало?

53. Historyja, jako Sowiźrzał w Lip-
sku żywą kotkę w zajęczą skórkę za-
szył, włożywszy ją do woru, kusznie-
rzom za żywego zająca sprzedał

55. Historyja, jako Sowiźrzał szynka-
rza jednego w Lubeku oszukał, a ko-
new wody za konew wina mu dał

56. Historyja, jako Sowiźrzał w Lu-
beku miano obiesić, a jaką prędką
niecnotą szubienice uszedł

63. Historyja, jako Sowiźr[zał] w Pa-
ryżu końmi kupczył, a jeden Francuz
koniowi jego ogon wyrwał

65. Historyja, jako jedna stara baba
ze wsi z ubożego Sowiźrzał naśmia-
ła się, kiedy był kaletę swoją stracił

66. Historyja, jako Sowiźrzał jedne-
go chłopca o postaw zielonego luń-
skiego sukna przed Olczą oszukał
i sukno na nim wymatał

68. Historyja, jako Sowiźrzał w Ere-
mie mleka kupił od wiejskich nie-
wiał, a kazał je w jedną kadź wlać

69. Historyja, jako Sowiźrzał ślepym
powiedział, iżby im dwanaście złó-
tych dał i mniemał każdy, żeby któ-
ry z nich té dwanaście złotych miał,
taki<e>ż drugi rozumiał, żeby je
inny miał, a no żaden z nich nic nie
miał

71. Historyja, jako Sowiźrzał w jed-
nym mieś<c>ie w saskiej ziemi le-
żącym na kamieniu siał, a kiedy go
pytano, czemu by tak czynił, odpo-
wiedział: „Na lotry zasiewam”

Похождение третье на десять Что Совесть-Драл сделал с одною крестьянскою женою	Источник не установлен.
Похождение четвертое на десять Как Совесть-Драл поступил с од- ним голландским купцом	83. Historyja, jako Sowiżrzał pieczo- ne jabłko jeść chciał, a to jeden Ho- land jeden jemu zjadł, lecz on zna- mienicie mu to oddał
Похождение пятое на десять Каким образом Совесть-Драл, бу- дучи у короля саксонского шутом, разбогател	Источник не установлен.
Похождение шестое на десять Будучи Совесть-Драл у одного го- сподина, всегда столом его был недоволен	87. Historyja, jako Sowiżrzał w księ- stwie brunświckim pastuchą został
Похождение седьмое на десять Как Совесть-Драл делал профессо- рам запросы	92. Historyja, jako był Sowiżrzał do Paryża do kolegium przyszedł
Похождение восьмое на десять Как счастье Совесть-Дралу везде служило	Источник не установлен.
Похождение девятое на десять Совесть-Драл сожалел, что не успел исполнить следующих трех вещей	94. Historyja, jako Sowiżrzał swo- ich grzechów żałował i żał mu było trzech niecnót, których był nie wy- pełnił
Похождение двадцатое Какое Совесть-Драл перед своею кончиною сделал распоряжение	95. Historyja, jako Sowiżrzał swoje dobro na trzy części rozdzielił, jedną część przyjaciółom swoim, drugą pa- nom molińskim, a trzecią plebanowi

Из сопоставления видно, что переводчик опу-
скает обращение *К читателю*, в котором поль-
ский автор (или, скорее, издатель) оправдывается
перед читателем за наличие в тексте «старого Со-
визжала» непристойных шуток, так как в XVII в.
они уже перестали восприниматься как эстетиче-
ски нейтральные⁴⁸. Поскольку перевод, как мы уже

48 Ср.: R. Grześkowiak, E. Kizik, *Wstęp*, [в:] *Sowiżrzał krotochwilny i śmieszny...*, с. XXXV–XXXVI.

сказали, очищен от части скатологических шуток, необходимости извиняться перед читателем не было.

Меняется также поэтика и содержание заглавий отдельных рассказов. Даже в тех случаях, когда переводчик полностью сохраняет сюжет, он может по-другому расставить акценты, обращая внимание читателя на другой аспект поведения героя, как, например, в случае перевода 27-й «истории».

27. Historyja, jako Sowiźrzał margrabie heskiego swoim malowaniem zwiódł, powiedając: „Kto by bękartem był, ten mego malowania widzieć nie może”

Похождение четырнадцатое. *Что с Совест-Дралом случилось, когда он, по причине приключившейся королю опасной болезни, а потом и смерти, оставил датский двор*

Причиной изменения заглавия может быть объединение двух глав польского текста в одну. Так, например, похождение третье использует материал 3 и 4 «историй» польского *Совизжала*, а в заглавии сохраняется лишь указание на попытку Совест-Драла овладеть искусством «по веревке ходить» (*Каким образом Совест-Драл по веревке ходить начал учиться*), в то время как в польском тексте читатель получал информацию о переезде семьи из Кнетлингена к реке Заале, о смерти отца и только после этого о попытках героя овладеть техникой ходьбы по канату (3. *Historyja, jako Sowiźrzałów ociec z Knetlingu się precz brał ku Sole, wodzie tak rzekącej, a tamże umarł, a jako się syn jego na powrozie chodzić uczył*) и проделках Совизжала (4. *Historyja, jako Sowiźrzał wymógł a wymówił, że pacholeta na dwieście par botów z nóg wyzuli, a potym o nie za lby szli*).

Можно сказать, что заглавия русской версии романа о Совизжале, как правило, намного лаконичнее заглавий польского оригинала, в которых заявка на содержание главы более подробная.

Единственное исключение из этого правила наблюдаем в переводе заголовка 48-й истории.

3. Изменения в композиции романа

Композиция романа о Совизжале отличается, как известно, необычайной рыхлостью. Это по сути «сборник веселых шванков», дополненный «анекдотами, заимствованными из различных книжных и устных источников. [...] в книге один плутовской шванк быстро следует за другим. Их смена обычно мотивирована тем, что изменялось местопребывание Уленшпигеля»⁴⁹ – писал Б. Н. Пуришев о немецком тексте романа. То же самое можем сказать и о его польской редакции. Русский же переводчик выбрал из польского текста только часть рассказов о Совизжале, стараясь, однако, не нарушать их хронологической последовательности, главным образом в начале и в конце романа (он переводит подряд рассказы 1–6, 94–95, составляющие композиционную рамку романа). Благодаря этому русский читатель знакомится с биографией героя-плута со дня его рождения до самой смерти. И, забегая вперед, скажем, что перевод этих фрагментов отличается самой большой верностью оригиналу.

Рассказы о похождениях взрослого Совизжала и его переездах из одной местности в другую, многочисленных дорожных встречах с людьми разных сословий и профессий, выбираются более произвольно, хотя и здесь можем найти целые «блоки», переведенных подряд (27–28, 33–34, 63–69) или через одну (17, 19, 21, 23) историй. Переводчик старался притом сгладить композиционную расплывчатость

49 Б. И. Пуришев, *Немецкие народные книги*, [в:] *Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель*, изд. подгот. Н. А. Москалева, Б. И. Пуришев, Р. В. Френкель, Москва 1986, с. 276–277.

романа о Совесть-Драле и создать впечатление более плавного повествования, поэтому время от времени сочинял своеобразные «скрепы», сглаживающие швы между отдельными шванками. Так, например, седьмая глава первой части открывается фразой: «Когда Совесть-Дралу наскучило жить при своей матери, то вздумал еще он быть слугою. Итак, пошел к одному плебану...» (ч. I, с. 13); глава одиннадцатая начинается информацией, что «Собранные недозволенным образом деньги весьма недолго держались у Совесть-Драла. Расточая их повсюду, вскорости он обеднял и в сем состоянии прибыл в город Брунсвиг». Еще пространнее и обстоятельнее начало второй главы II части:

По нескольких днях явился Совесть-Драл к своему милостивцу и принят им был весьма благосклонно. Тогда было летнее время, которое отозвало его из города в деревню. Рассматривая положения места, крестьянские селения, взаимное их обращение и прочие любопытства достойные вещи, нашел он между прочим тут и почтенного плебана, имеющего весьма набожную повариху и складную лошадь. Итак, определил он при удобном времени сыграть с его преподобием комедию. (ч. II, с. 7–8)

Интересно оформлен переход от четырнадцатой к пятнадцатой главе первой части. Рассказ о насмешке Совесть-Драла над графом, которому он обещал расписать дворцовые комнаты, заканчивается словами:

Избегнув мщения раздраженного графа, определил Совесть-Драл не называться впредь живописцем. Итак, оставя графский дом в немалом неудовольствии, принял он намерение побывать в городе Праге, куда благополучно и отправился⁵⁰,

50 В польском тексте говорилось только, что Совизжал покинул Марбург и поклялся больше живописным искусством не заниматься: «Tak-że Sowizzał z Marburku wyszedł i odrzekł się malarzem więcej być».

а следующая глава открывается фразой, подхватывающей информацию из предыдущей главы: «По прибытии в Прагу Совесть-Драл уведомил о себе, что он упражнялся долговременно в науках». Подобным образом оформлен переход от 13 к 14 походу к I части и некоторые другие.

Похождения нового увеселительного шута Совесть-Драла, в отличие от польского *Совизжала*, печатались частями, следовательно в конце первой части необходимо было предупредить читателя, что он может надеяться на продолжение рассказа о шуте-плуте. Первая книжка заканчивалась информацией, что Совесть-Драл пошел «искать себе спокойного места», и уверением, рассчитанным на привлечение внимания потенциального читателя, что о дальнейшей судьбе героя «во второй части его походов будет объявлено». В начале II части, подхватывая заявку о намерениях героя найти спокойное место, переводчик-адаптатор оповещает читателей, что их надежды на остепенение плута Совесть-Драла могут не оправдаться:

В конце первой части Совесть-Драловых походов, – говорит рассказчик, – упомянуто было, что пошел он искать себе спокойного места, по чему всякий и заключит, что, оставя непристойные свои предприятия, придет он в раскаяние, пойдет путем правым и остальное своей жизни время употребит на исполнение должностей, человеку и гражданину предписанных. Но как таковая перемена редко воследовать может с людьми, обдержимыми гнусными пристрастиями, то и Совесть-Драл, любя всегда новосты и довольствуясь переменою званий, искал своего спокойствия совсем от других отлично. И так, испытав многие должности, вздумал еще побывать пивоваром [...]. (ч. II, с. 3)

И в подтверждение этих слов предлагает читателю рассказ, навеянный текстом 45-й истории о Совизжале (*Historyja, jako Sowiżrzał w Einbeku piwowarem został a psa jednego, którego zwano*

Chmiel, miasto chmiela uwarzył). Сохраняя мотив службы плута у пивовара и форму насмешки над мастером, построенной на двойной интерпретации приказания (на этот раз Совесть-Драл бросает в чан для варки пива пса по кличке Хмель вместо положенной дозы хмеля, мотивируя свое поведение желанием как можно лучше исполнить повеление), переводчик пересказывает его по-своему и значительно расширяет за счет рассказа о любовной связи дочери пивовара с Совесть-Дралом (в польском тексте такого сюжета вовсе не было).

Дальше следует еще 19 походов, выбранных из польского оригинала или сочиненных переводчиком «в совизжальском» стиле, а после 20-й главы II части читатель находит информацию, что повествование о приключениях заглавного героя завершено («Конец Совесть-Драловых походов»). Итак, сюжетная жизнь Совесть-Драла закончена, однако чтобы сбалансировать объем II части с размером первой, издатель прилагает еще два приложения: *Собрание разных историй* (ч. II, с. 56–65) и *Разные повести* (ч. II, с. 66–80), материал для которых почерпнут, как сообщалось в рассказе о похоронах Совесть-Драла, из собранных им бумаг. И только здесь можно было оповестить читателя, что рассказ завершен, а продолжения не будет: «Конец второй и последней части».

4. Качество перевода

Польский и русский языки близки по лексике и своему синтаксическому строю, поэтому в переводах с польского очень часто имеем дело с лексическими и синтаксическими кальками. В переводе *Совизжала смешного и забавного* таких погрешностей нет. Из лексических калек анонимный

переводчик оставил только те варваризмы, которые нужны были для воссоздания конфессионального колорита (плебан, бискуп, кардинал, папа, костел, мша, синагога и т. д.). И чтобы у читателя не возникали затруднения с их пониманием, он скрупулезно объясняет, что плебан – это приходской поп, костел – католическая церковь и т. д.

Синтаксическая структура предложения в переводе может сохраняться, но может подвергаться модификациям. В нашем переводе встретим замены простого предложения сложным, замены сочинения подчинением и наоборот, замены союзного типа связи бессоюзным и т. п.

Чтобы наглядно показать работу переводчика, сопоставим первое и последнее похождение с соответствующими фрагментами оригинала:

Napierwsza historyja, jako się Sowiźrzał narodził i trzykroć jednego dnia krzczone był, a którzy jego kmotrowie byli

We wsi Knotowicach w saskiej ziemi, niedaleko lasu jednego, Sowiźrzał, dobre dzieciątko się narodziło. Jego ojcu imię było Kulas Sowiźrzał, a matce Hanna.

Jakoż się im to dziecię udało, wnet do Plemienice na krzest nieśli, a imię jemu Dyla Sowiźrzał dali. I był niejaki Tylach Lachowic, obywatel plewiński, jego kmotrem i przy tym inni dobrzy ludzie. Gdy tedy Dyla Sowiźrzał okrzczon był, one kmoszki i inne matuchny wedle starego zwyczaju poszły do karczmy na dobre piwo i podpili sobie dobrze po onej gorącej a niebliskiej drodze, a to, co przepili, musiał ociec zapłacić. Potym, gdy się z dziecięciem ku domu wrócili, idąc po ławkach przykrych tuż wedle wody,

Первое похождение Совесть-Драла
*Где Совесть-Драл имел свое
рождение и кто его был крест-
ный отец*

В селе Кнотовицах Саксонского государства, близ одной рощи родился Совесть-Драл. Отца его звали Руляс Совусдрел, а мать – Анною.

Как скоро он родился, тотчас был отнесен для окрещения в костел (а), и дано ему имя Дыла Совесть-Драла. Крестным отцом был у него один из начальнейших того села крестьян. По окрещении крестная его мать с своими подругами, последуя старому обыкновению, зашла в кабак, где на счет отца новокрещенного ребенка напилась допьяна. И как шли домой по крутому берегу близ одного запущенного пруда, то некоторая из кум, которая несла ребенка,

kmoszka, co dziecię niosła, potknęła się i upadła do głębokiego jeziora z dziećciem wespół. Oboje się barzo umazało, a wszakże krom urazu dziećcięcego – i jako dawno powiedają: „Złe nigdy nie zginie” – i z wielką trudnością oboje z błota dobyto. Potym poszli do domu, a uchędożyli zasię dziećcie.

Tak-że ubogi Sowiźrzał trzykroć jednego dnia był krzczon: naprzód w kościele w krzczilnicy, powtóre w kałuży głębokiej, potym doma w kotle. I to napierwszy znak jego nieszczęścia był, które jego, póki żyw, naśladowało, jakoż się to dalej opisuje⁵¹. (с. 5)

95. Historyja, jako Sowiźrzał swoje dobro na trzy części rozdzielił: jedną część przyjaciółom swoim, drugą panom molińskim, a trzecią plebanowi

Chorując Sowiźrzał co dalej to gorzej, postanowił swój testament i na trzy działy swój statek rozdzielił: jeden dział swoim przyjaciелom, drugi panom molińskim, трети plebanowi tam będąцemu. A wszakoż tym способом, jeśliбы Pan Бóg nań dopuścił śmierć, aby go na święцоным miejscu schowano, a obchód działa-но jako innemu krześциjanowi, a по czterech niedzielach, aby отворзли wielką skrzynię, którą przy sobie miał, a tę był dobrze опатрзыł i swe do niej klucze miał, а со бы kolwiek w niej naszli, aby się pięknie tym społem rozdziелели, а около tego nie swarzyли. То jego поручеństwo trzy strony барзо wdzięcznie przyjęły.

зазевавшись, упала с ним в пруд; но как пословица говорит, что *худое скоро не пропадает*, то и их оттуда вытащили. После, пришедши домой, обмыли робенка водою.

И так убогий Совест-Драл три раза в один день был крещен: первый – в костеле, другой – в пруде, а третий раз дома в ушате. Что первым знаком было его несчастья, которое гнало даже до гроба, как то следующее покажет.

а) Так называется католическая церковь. (ч. I, с. 1–2)

Похождение двадцатое
Какое Совест-Драл перед своею кончиною сделал распоряжение

Совест-Драл, будучи долгое время болен, роздал все свое имение бедным и, не чувствуя никакого в своей болезни облегчения, предпринял сделать духовную, в коей остатки своего стяжания разделил он на три части. Первую отделил своему хозяину, у которого в то время на квартире находился. Вторую – своим друзьям и приятелям. А третью – своему духовному отцу. А притом своих друзей просил, чтоб после его кончины делали они целый месяц всякий день за его душу поминовения, не опуская еще его в яму. и ежели он по прошествии того времени не оживет, то разделили

51 Здесь и далее все цитаты из Совизжала приводятся по публикации: *Sowiźrzał krotochwilny i śmieszny...* с указанием соответствующей страницы в тексте.

W tym Sowiźrzał umarł. Sprawwszy wszystkie rzeczy wedle jego poruczeństwa, a po czterech niedzielach panowie, pleban i przyjaciele Sowiźrzałowi przyszedli i otworzyli onę skrzynię, spodziewając się w niej jakiego skarbu. Otworzywszy ją, nic innego nie znaleźli, tylko kamienia nie mało. Jeden na drugiego patrzył, gniewno im było. Panowie z plebanem powiadali – ci, którzy skrzynię opatrowali, że skarb z niej potajemnie wyjęli a na to miejsce kamienia nakładli i zasię zamknęli. Przyjaciele się tego domniemali, iżby pleban z kapłany to wziął. I rozeszli się w gniewie. Panowie chcieli Sowiźrzała dać zasię wykopać, jedno iż się zarażenia od niego bali, tak długo leżącego.

Tamże leży w swym grobie, a na pamiątkę jego dali grób jego kamieniem przyłożyć, pod którym do dzisiejszego dnia jeszcze odpoczywa:

Kamienia tego aby żaden nie ruszał,
Aby Sowiźrzał w pokoju odpoczywał.

– i ten napis w Lumburgu jest
na kamieniu ryty. (с. 281–203)

бы между собою его имение, а прежде скончания месячного поминаения сундуков бы его не трогали. Сие под клятвую утвердивши, скончался он с веселым духом.

По истечении месяца, в который ежедневно на хозяйские деньги его поминали, хозяин, друзья и духовный его отец собрались вместе и пошли делиться завещанным от Совесть-Драла имением. Когда хозяин всем прочим присутствующим и с нетерпеливостью ожидающим видеть Совесть-Драловы пожитки отворил сундуки, то вдруг надежда о получении хорошегоклада в них исчезла; ибо увидели они сундуки, наполненные токмо кирпичом и камнями, да на дне писанными бумагами, с которых при сем некоторые сообщаются.

КОНЕЦ СОВЕСТИ-ДРАЛОВЫХ
ПОХОЖДЕНИЙ (ч. II, с. 55–56)

Легко заметить, что первое похождение переведено достаточно верно. Переводчик следует за оригиналом, переводя предложение за предложением, стараясь по мере возможности передать синтаксическое построение текста, сохранить культурные координаты иноязычного оригинала и даже варваризм костел, значение которого объясняется в подстрочном примечании. Перевод последней «истории» уже такой верностью оригиналу не отличается. Отступления от оригинала появляются в заглавии, а в первом предложении переводчик меняет акценты. Совесть-Драл (словно

герой православного жития) раздает свое имение больным, видимо уповая, что благодаря этому может выздороветь, но когда оказывается, что он не почувствовал «никакого в своей болезни облегчения», пишет духовную, в которой завещает остатки своего «стяжания». Меняется также концовка главы: сохраняя информацию о посмертной шутке Совесть-Драла, переводчик опускает описание поведения адресатов завещания и информацию о камне на могиле Совизжала, зато упоминание о камнях в сундуке покойника дополняет известием о кирпичах и бумагах, с содержанием которых обещает познакомить читателей (что и делает).

4.1. Соотношение прямой и косвенной речи

Переводчик довольно часто заменяет прямую речь косвенной и наоборот. Так, например, в истории о Совизжале открывается монологом героя, а в переводе мысли Совесть-Драла переданы рассказчиком. В том же похождении первая часть обращения Совизжала к слуге пекаря передана в форме прямой речи, но вторая уже дается в пересказе повествователя. В следующем примере формы прямой и косвенной речи в переводе тоже не сохраняются. Сравним:

Miły Boże wszechmogący,
wspomóż – pomyślił Sowiżrzał – ja-
kobych ja matkę swoją mógł ubłagać,
gdzie bym chleba dostał, a owę opa-
rzył.

I poszedł z onej strony, gdzie
matka jego mieszkała, aż do Stasfur-
ta miasta. Tam obaczył jednego pie-
karza bogatego i szedł do jego domu,
i rzekł:

Сидя Совесть-Драл с своею
матерью в один день голоден, по-
мышлял, каким бы образом до-
стать хлеба себе и матери, почему,
взяв матернее благословение, по-
шел доставать хлеба; пришед же
в близ отстоящей от своего жили-
ща город, приметил одного доста-
точного хлебника и взошел к нему
на двор, сказал:

– Chcesz-li panu memu za dzie-
sięć groszy chleba posłać? (с. 19)

Gdy już Sowiźrzał od domu ja-
koby kuszą zastrzelił, odszedł, tedy
oną dziurą z woru jedną żemlę za
drugą do błota puszczał. Potym wór
na ziemi postawił, aby trochę odpoc-
zynął. Rzekł do chłopca:

– Biada mnie na ten chleb uma-
zany, zaprawdę nie śmiem go tak
panu swemu nieść. Wróc się zasię do
domu, a tym rychlej przynieś insze-
go za ten, a ja ciebie tu doczekam.

Pacholę skokiem bieżało po in-
szy. (с. 19)

– Cóż się to dzieje? Wszak-em
wam był mistrza a lekarza znamie-
nitego zjednał, co was miał wyleczyć
i baczyłem to dobrze po was, żeście
już byli na nogi wszyscy powstali
i z szpitala wybieżeli.

I powiedzieli ojcowi swemu,
jako się z nimi obchodził, grożąc i za-
kazując, aby żaden nie powiedział:

– I który by na jego zawołanie
pośledniejszy był, tego chciał na
proch spalić. A tak za niewolą naszą
musieliśmy, co nam barzo trudno
przyszło, wybieżeć.

Ociec natychmiast porozumiał,
że on lekarz z łotrowskimi figłami
się obierał, jego oszukał, a w tym uje-
chał i musiał onych pieniędzy z jał-
mużny zebranych stradać, na które
Sowiźrzał wesoło trawił. Tak-że oni
chorzy zostali jako i pierwiej, lecz pie-
niądze zginęły. (с. 56)

– Отпусти, пожалуй, для мое-
го господина на десять алтын хле-
бов. (ч. I, с. 8–9)

[...] когда он уже был в дале-
ком расстоянии от хлебникова
дому, то упустил нарочно один
хлеб в грязь и, остановившись,
вскричал:

– Ах, вот несчастье! Что мне
делать? Какое мне оправдание
принести пред моим господином?

После работника просил сбе-
гать домой и переменить хлеб,
а сам хотел подождать. Работник,
поверя так честному человеку, по-
слушался и побежал домой за хле-
бом [...] (ч. I, с. 9)

– Нетщетно трудился в при-
искании вам врача, ибо он вас тот-
час поставил на ноги. Я сам был
свидетелем, как вы строим к нему
вышли.

Больные пересказывали над-
зирателю подробно, какое он
с ними употреблял средство, и со-
вершенно уверили, что он был об-
манут г. доктором, и что пропали
невозвратно все на милостыни со-
бранные деньги. (ч. I, с. 25)

4.2. Ономастическое и культурное пространство перевода

Мы уже обращали внимание на удачную модификацию имени заглавного героя, который из Совизжала превратился в Совесть-Драла Большого Носа. Из первого похождения читатель узнает еще, что во крещении «дано ему имя Дыла Совесть-Драла» («Dyla Sowiżrzał»), но первая часть крестного имени героя больше нигде не появляется.

Из других имен собственных переводчик сохраняет в неизменной форме только имя матери Совизжала – Анны; имя отца (польское Kulas, т. е. хромой, восходившее к немецкому Кляус) передается как Руляс, имя крестного отца, а также имена святых и папы римского вовсе опускаются. Зато в тех фрагментах *Похождений Совесть-Драла*, которые являются плодом фантазии переводчика, появляются новые имена: обольщенная Совесть-Дралом купеческая жена носит имя Епихиды Перфильевны (ч. I, с. 97), а ее мужа – «франкфортского купца» – зовут Ермилом Перфильичем (!); прикидывающийся представителем краковского бискупа Совесть-Драл выступает под именем аббата Франциска (ч. I, с. 21), в походе 18 II части появляется игуменья по имени Смарагда (ч. II, с. 52)⁵².

Для характеристики персонажей переводчик прибегает к сравнениям героев с мифологическими или литературными персонажами. Так, например, о кривой плебановой кухарке иронически

⁵² Здесь не учитываются собственные имена и топонимы из включенных в перевод авизий (ч. II, с. 20–23) и дополнений к диспуту Совесть-Драла с ректором и профессорами университета в Праге (ч. I, с. 40–52).

скажет, что она «прекраснее Елены и целомудреннее Сусанны» (ч. I, с. 15), об убогом французе, который имел «привычку всякий день ходить на конную площадь для торговли хороших лошадей, но то несчастье, что никогда оных не покупал», скажет, что он был «не богатеe Ируса» (ч. II, с. 29), и т. д.

Совизжал переезжает из одной местности в другую, поэтому важное место в тексте романа занимают топонимы. В польском тексте, как правило, сохраняются топонимы немецкого оригинала, зато русский переводчик оставляет названия городов, по-видимому, ему известных (например, Прага, Париж, Норинберг, Брунсвиг, Берлин, Висмар), а наименования деревень и части городов опускает, сообщая лишь, что герой поехал в какой-то ближе не определенный город или деревню. Вот несколько примеров таких замен.

I **poszedł** z onej strony, gdzie matka jego mieszkała, aż **do Stasfurta miasta**. (с. 19)

W ziemi brunswickiej wieś leży, która przynależy do powiatu majdeburskiego, a tę zowią Budenstet. Tam Sowiźrzał przyszedł i prosto się skłonił do plebańskiego dworu. (с. 32)

Przyszedł do Marburku, do dworu margrabie. (с. 86)

Czasu jednego Sowiźrzał przyszedł do **Norenbergu**. (с. 54)

Jako Sowiźrzał do **Brunswika** przyszedł, udał się ku domu piekar-skiemu. (с. 60)

[...] пришед же в **близ отстоящий от своего жилища город** (ч. I, с. 9)

Когда Совесть-Дралу наскучило жить при своей матери, то вздумал еще он быть слугою. И так пошел к одному плебану. (ч. I, с. 13)

По случаю попался он к одному графу (ч. I, с. 34)

Приехав в город **Норинберг** (ч. I, с. 23)

[...] прибыл в город **Брунсвиг**. Проведав о состоянии некоторых жителей, пошел он прямо к хлебнику. (ч. I, с. 26)

Загадочный топоним появляется в рассказе о том, как Совесть-Драл сеял камни в саксонском городе Вера, а на вопрос, что он делает, отвечал, что сеет плутов. В русском переводе читаем, что герой «приехал в один город, еще ему не известный, называемой **Нечисток**» (ч. II, с. 41). Происхождение и этимология этого онима пока не ясны.

И другой пример. В последней главе I части, сочиненной самим переводчиком, Совесть-Драл, выехав из «Франкфорта, прибыл [...] в село Ербишку и стал на квартире у богатого купца, который имел у себя толстую жену и жирную лошадь.» (ч. I, с. 100). Топоним Ербишки, по всей вероятности, подобно ониму Нечисток, – это авторский неологизм (возможно, с эротическим подтекстом).

В целом, ономастическое пространство перевода беднее, чем в польском *Совизжала смешного и забавного*, так как переводчика, видимо, больше интересовали похождения героя, нежели их привязанность к определенной местности, малоизвестной русскому читателю.

4.3. Семантические и идейные модификации

Переводчик *Совизжала смешного и забавного* не только проводит селекцию шванков (историй), но и внутри переведенных текстов позволяет себе многочисленные купюры и / или обширные вставки. В главах 5–20 I части и во II части (за исключением двух последних походов) модификация исходного текста намного глубже и серьезнее, чем в рассказах, открывающих и завершающих роман.

В качестве примера рассмотрим обработку 53 истории *Совизжала* (*Historyja, jako Sowiżrzał w Lipsku żywą kotkę w zajęczą skórkę zaszył*,

włożywszy ją do woru, kusznierzom za żywego zająca przedał), в которой рассказывалось о том, как Совизжал в Лейпциге зашил живую кошку в заячью шкуру и продал ее в мешке скорнякам за живого зайца. В русском переводе-переделке объектом насмешки Совест-Драла является спесивый дворянин, а не цех скорняков, и похождение получает новое заглавие: *Каким образом Совест-Драл насмеялся одному дворянину. Узнав, как сообщает рассказчик,*

что сей благородный болван имел основателем своей фамилии некоего бродягу, с поздно проходящих пошлину сбиравшего, коему наследником был сын, чрез разные откупы разбогатевший, а преемник сего, на собранные несправедливо деньги столь же несправедливо дворянство присвоивший, то и вздумал он некогда сие родословие употребить в пользу. (ч. II, с. 17–18)

Когда дворянин собирается устроить в своем саду охоту на зайцев, Совест-Драл едет в город и поступает точно так, как Совизжал из польской версии романа, т. е. покупает кошку, зашивает ее в шкуру зайца и прячет в мешок, а потом, переодевшись в платье крестьянина, продает зайца слуге дворянина. Тот приносит мнимого зайца в дом господина, чтобы в нужный момент выпустить его для травли собаками. Дальше события развиваются стремительно:

Как только слуга принес мешок в сад перед гостей, то купленная скотина, услышавши собак, тотчас чрез свой голосок показала свою природу. Гости, удивляясь сему, требовали, чтоб он был из мешка выпущен. Итак, мешок был открыт, и выпущенный мнимый заяц, укрываясь от собак, бросился к гостям в ноги, а собаки за ним; и как много тут было злых собак, то не только кошачьего зайца разорвали, но и гостей попотчивали. Итак, вместо увеселения все пришли в замешательство, и некоторые гости

с неудовольствием разошлись, а хозяин остался вместо похвалы в великом стыде.

Совест-Драл не упускает притом способности прокомментировать поведение дворянина-высочки и читает гостям сочиненную им эпиграмму:

Хотя произведут глупца и в знатный чин,
Хотя дадут ему всего богатства света;
Но будь лишь он вовек без гласа и ответа,
Все будут ведать то, чей был он точно сын.

А после того, чтобы угодить дворянину и задержать в его доме гостей, читает им смехотворные авизии (о включении их в текст перевода скажем в следующей главе).

В выбранных для перевода главах *Совизжала* оказалось много анекдотов, героями которых были служители католической церкви (костела): начиная от простых приходских священников (плебанов) и представителей монашеских орденов (прежде всего иезуитов, отождествляемых с польскими монахами), и самим папой римским кончая. В них высмеивались всяческие недостатки католического клира. Служители культа изображались как глупые, необразованные, жадные и развратные. Но наш переводчик решил «дописать» еще несколько новых эпизодов, в которых Совест-Драл обнажает глупость плебанов. Похождения восьмое (*Как поступал Совест-Драл в новой своей должности*) и девятое (*Находясь при костеле, что еще Совест-Драл сделал*) I части являются своеобразным продолжением сюжетной ситуации похожеждения седьмого *Как Совест-Драл нанялся у одного плебана в служители и как он там обходился*, восходившего к 11 главе польского *Совизжала* (*Historyja, jako Sowiżrzał u plebana*

ujednał się, a jemu pieczone kokoszy z różna pojadł). В них Совесть-Драл продолжает насмехаться над плебаном и его подслеповатой кухаркой. В восьмом похождении он обманывает священника, который после ссоры с кухаркой «приискал Совесть-Дралу место при костеле и определил его дьячком во оной». Но вместо «истории» о том, как Совизжал нагадил в церкви (так поступает Совизжал в 12 главе польского текста), автор перевода сочиняет рассказ о выманивании у плебана и его кухарки большой суммы денег, которые якобы должны вернуться в «костельную сумму» сторицей, если плебан покажет пример милосердия и раздаст их (как научал в проповеди) неимущим. Когда обман раскрывается, плебан не осмеливается наказать плута, так как хочет «наружно показаться истинным блюстителем своего слова», а действие кончается «тем, что Совесть-Драл в келье плебана предан был проклятию». В следующей главе Совесть-Драл снова появляется в плебанском доме и, выдавая себя за аббата Франциска, представителя краковского бискупа, который якобы послал его проверить набожность священника, спаивает его, а потом крадет у него все ценные вещи. Здесь же рассказчик характеризует Совесть-Драла следующим образом:

Он родился для нанесения пакостей человеческому роду; он не почитал преступлением такого действия, которое приносило ему душевное увеселение, хотя бы оно и чувствительно ближнего оскорбляло. Он думал, что свет есть такой феатр, на коем никому не воспрещено делать язвительных шуток. (ч. I, с. 20)

А рассказ завершает словами: «Действие кончилось тем, что плебан упал, а Совесть-Драл, пользуясь сим случаем, выкрался из дому, побежал в село и, наняв лошадей, отправился в Норинберг».

Таким образом новосочиненное похождение Совест-Драла снова подключается к тексту польского *Совизжала*: следующая глава – это перевод 17 «истории» о том, как герой в «богадельне больных в один день вылечил» (*Historyja, jako Sowizżzał w jednym szpitalu wszystkie chore a niemocne okrom lekarstwa za jeden dzień uzdrowił*).

И еще один пример. Семнадцатая глава I части – это тоже не столько верный перевод, сколько пересказ с дополнениями к 29 анекдоту польского *Совизжала*, озаглавленному *Historyja, jako Sowizżzał, w Erforcie będąc, osła czytać uczył na starym psalterzu*. Сохраняя мотив обучения животного грамоте и его привязку к «визиту» Совест-Драла в Ерфорт, переводчик-адаптатор, во-первых, заменяет осла козой⁵³, во-вторых, сочиняет большой монолог Совест-Драла, в котором тот, отвечая на провокационное предложение ректора, говорит:

– Г[осподин] ректор! Я затем прошу месячного срока, что из всех у тебя в науке находящихся, коих я видел, конечно выбрали мне такую непонятную, с которой и сам ты совладеть не можешь. Но оставим сие. Я слышал, что вы употребляете их молоко, которое почитается лекарственным, а более от чахотки, и ежели это правда, то ты, будучи так худ и слаб, выгнав оную из легкого, преобразился в старую лихорадку. Я хочу на тебя смотреть, но страшусь, чтоб рвота меня не замучила; я думаю показать тебя нежному полу, но опасаюсь, чтоб, обозрев тебя, не отвратили они от всех мужчин своих взглядов. Жаль,

53 Ср. фацицию *Как жена научила грамоте медведя*, восходящую, как полагают исследователи, к анекдотам Эйленшпигеля. В ней жена попа учит грамоте **медведя** по некой книге. «Попадья же прикормила прежде **медведя** и приучила к себе, и, **прием книгу**, прокладова между листьем хлебом, и учила медведя хлеба искати, листы обраща-ти». Цит. по списку РНБ, собр. Титова, № 2131, л. 48 об.

что ни единое редкостей хранилище до сего времени в стенах своих тебя не заключает. (ч. I, с. 60–61)

В третьих, заменяет «старую псалтырь» оригинала «ветхой книгой»: здесь, видимо, имеем дело с автоцензурой. На Руси учили грамоте по Псалтыри, но обучение животного (осла, козы или медведя) по этой священной книге могло восприниматься как кощунство. Сама же «техника обучения» сохраняется. Совесть-Драл кормит козу овсом!!! Но коза выучила лишь одну гласную, в то время как осел за короткое время научился различать две гласные И и А.

I wziął onego osła Sowiźrzał na swoją pracę.

Brał się potem na jedną gospodę, tam trafił na gospodarza dziwnego i najał sobie u niego masztalnię, aby tam jego żak stał. I dostał starego psalterza, który mu do żłobu włożył, a między karty owsa nasuł. Osieł, szukając owsa, przewracał karty tam i sam, aż wszytek owies wyjadł. A gdy już nie miał co jeść, zawołał:

– I-a, i-a!. (с. 97–98)

Совесть-Драл, на то согласившись, принял свою ученицу и, сыскавши ветхую книгу, начал ее учить следующим порядком. Когда время приходило кормить козу, то Совесть-Драл за всякий в книге листок насыпал овса и клал оную книжку пред нее, коза для сыскания овса всякий листок в книге оборачивала. Наконец, когда не ставало овса, то кричала она: «а-а-а». И таким порядком скорее месяца привыкла в книге оборачивать и без овса листы. (ч. I, с. 61)

Из других новаций назовем еще сокращение срока обучения и места проведения «экзамена»: в польском тексте Совизжал приглашает ректора и его сотрудников в конюшню («do masztalnię»), чтоб показать первые свои успехи в обучении осла, в русском – Совесть-Драл приводит козу к ректору, а когда тот не видит ничего удивительного в том, что коза кричит «а-а-а», и отказывается заплатить учителю договорную сумму, угрожает, что ректор не только будет кричать, как коза, но и потеряет

ректорство, если не сдержит данного Совест-Дралу слова. Напуганный ректор «велел Совест-Дралу дать тотчас довольное награждение», а Совест-Драл говорит:

Прощай, г[осподин] ректор, почитай ты себя счастливым, что Совест-Дралов жар на сем пункте кончился. Впредь опасайся трогать того, который всегда тебе может вредить по пословице: *малая искра большое поле сжечь может*.

В польском же тексте читаем:

a Sowiźrzał swego ucznia opuścił [...] i poszedł w drogę z one-mi pieniędzmi. I pomyślił sobie: – Mam-li ja osły rozumu uczyć, barzo to trudna na mię i nie uczynię temu dosyć, mo-gęć też bez tego żyw być. (с. 98)

Очень интересна глава *Каким образом Совест-Драл, будучи у короля саксонского шутом, разбогател* (ч. II, гл. 15), тоже полностью сочиненная переводчиком. Она строится на приеме реализации пословицы *кто старое помянет, тому глаз вон*. Взяв за основу главы рассказ о том, как Совизжал «работал» шутом при дворе польского короля, а также, возможно, какие-то мотивы из цикла жарт о увеселительном шуте-плуте⁵⁴, он сочинил рассказ о службе Совест-Драла у саксонского короля. Совест-Драл, подобно шуту-плуту, забавляет короля, а его шутки направлены против придворных, которых он бесцеремонно осмеивает.

54 В списках XVIII в. этот цикл открывается такими стихами: «У некоего короля при дворе шут был, // Довольно короля и прочих людей веселил. // Какие он шутки чинил, не описати, // И ниже описанные токмо кратко показать» (Цит. по рукописи ГИМ, собр. Забелина, № 500). Одним из объектов осмеяния был маршалок, которого шут из жарты ставит весьма неприятное положение, пачкая дерьмом ягоду, которую вельможа хотел подарить любимой фрейлине.

4.4. Перевод культурно маркированных реалий

В переводе *Совизжала смешного и забавного* найдем также немало примеров передачи культурно маркированных западноевропейских реалий их русскими контекстуальными аналогами. Проиллюстрируем применение этого приема несколькими примерами.

Každy ubogi, który nie ma, co by jadł, musi po niewoli prosić abo z świętym Mikołajem trzymać, a gdy co ma, tedy z świętym Marcinem wesoło sobie używa. (с. 18)

Sowizrzal przyszedł do domu matki swej, aby jej wór chleba przyniósł, rzekąc:

– Używaj, matko miła, póki co masz. Kiedy już wszystko strawisz, będziesz z świętym Mikołajem pościła. (с. 19)

I było prawie w wigilią świętego Mikołaja. Sowizrzal, swój towar na się wzięwszy, szedł przed kościół, tam wszystkie ony sowy i kotki dobrze sprzedał, a pieniędzy więcej z nich utargował, niżli piekarzowi za ciasto dał. Dowiedział się wnet tego piekarz, było mu to bardzo niemiło i biegał ku kościołowi świętego Mikołaja, chcąc, aby mu strawę płacił i ten koszt, który na robotę nałożył. A w tym Sowizrzal już był z pieniędzmi zniknął, a piekarz szkodować na tym musiał. (с. 62)

Что ж касается до вашего пропитания, так вы знаете, что никто с голоду не умирал, именем Христовым многие кормятся; неужели одни вы оставлены будете? (ч. I, с. 9)

И так, Совесть-Драл, приехавши с припасом домой, сказал своей матушке:

– Кушай, матушка, на здоровье хлебец, пока его тебе станет, а после еще для тебя Совесть-Драл достанет. (ч. I, с. 10)

По счастью его был в то время праздник, на которой собравшееся множество народа сей новой товар с великим для Совесть-Драла барышем раскупили. Хлебник, об этом проведавши, хотел было у Совесть-Драла все полученные за кошки и вороны деньги взять, но Совесть-Драл, давно уже научившийся таковых простаков проучивать, поскорее из города с деньгами убрался и ничего хлебнику не дал. (ч. I, с. 27)

В данных примерах непонятная русскому переводчику отсылка к западноевропейским реалиям

(по мнению Гжеськовяка и Кизика – ироническое высказывание Совизжала из первого примера апеллирует, с одной стороны, к энцикликам папы Николая I о необходимости строго соблюдать посты (он сам, по преданию, постился еще в грудном возрасте), с другой – к имени св. Мартина, епископа турского и папы римского, в день памяти которого (11 ноября) принято рассчитывать с наемными слугами и устраивать для них богатые пиры, во время которых они угощались жареными гусями⁵⁵) опускается. В русском переводе Совест-Драл говорит о том, что голодные или нищие именем Христовым кормятся, т. е. по-православному просят о милостыне Христа ради. Ирония сохраняется. Можно сказать, что подысканный переводчиком контекстуальный аналог передает коммуникативное намерение (здесь иронию), но культурные реалии оригинала стираются.

И другой пример. В ниже приведенном фрагменте довольно живописное описание драки между обманутыми Совизжалом ребятами заменяется кратким, но для русского читателя совершенно понятным сообщением, что «ссора [...] жестоким кулачным кончилась боем». Здесь переводчик мог ожидать, что читатель знает как реальные, так и литературные кулачные бои. Картины таких сражений воспевались между прочим в *Оде кулачному бойцу* Баркова и в бурлескной поэме В. Майкова *Елисей, или раздраженный Вахх*.

Na koniec około nich się poswarzyli i za głowę chodzili, tak że jeden na wierzchu, drugi na spodku leżał, jeden płakał, drugi:

– Biada mnie! – wołał, a trzeci się temu śmiał. (с. 14)

Но как в таком замешательстве нельзя было всякому своего сапога так скоро признать, то произошла из того между ими ссора, которая жестоким кулачным кончилась боем. (ч. I, с. 6)

55 Ср. комментарии издателей в: *Sowiżrzał...*, с. 18 и Б. И. Пуришев, *Немецкие народные книги...*, с. 302.

В польском тексте *Совизжала смешного и забавного* нередко говорится (вслед за немецким оригиналом) о том, каким образом Совизжал общал жителям городов о своих талантах. Посмотрим, как эти реалии передаются русским переводчиком.

Czasu jednego Sowizrażał przyszedł do Norenbergu. Tam przybił u kościelnych drzwi listy, które świadczyły, żeby on był lekarzem, sam też o sobie powiedział, że wszelkie niemocy może leczyć. (с. 54)

Przyszedłszy do Erfurtu miasta, w którym też znamienite i sławne jest kolegium, tam swoje listy rozbił tędy i owędy, a zwłaszcza na kolegium, aby o nim wiedzieli. (с. 96)

Sowizrażał przez swoje listy i posły osławił się przed cechem krawieckim, wszystkim mistrzom i towarzyszom jako: po słowieńskich miastach, w saskiej ziemi, holstyńskiej, bokmarskiej, mekielburskiej, po wielu innych stronach. Którym wiele dobrego życzył, przy tym oznajmując im, żeby był w Rostoku, aby do niego przyszli, chcąc i ślubując im, żeby ich jednej nauki i kunsztu chciał nauczyć, z której by oni i dziatki, póki by żywi byli i wiecznie, mieli wielki pożytek. (с. 158–159)

Приехав в город Норинберг, велел он себя тотчас по всему городу объявить искуснейшим врачом. (ч. I, с. 23)

Как в городе Ерфорте было славное училище, то Совесть-Драл в оном объявил себя искуснейшим учителем. (ч. I, с. 60)

Совесть-Драл по нескольких днях прибыл в Росток и ославился там между цеховыми портными, а потом к ним вздумал рассеять по **польским**, немецким и другим городам свои грамотки. В оных уверял всех портного дела мастеров и подмастерьев, что он желает им великого добра и для того просит к себе в город Росток [...] (ч. I, с. 54)

В первых двух примерах немецкий обычай прибивать объявления на дверях костелов и общественных зданий передается очень обобщенно: Совесть-Драл просто «объявляет себя» врачом или учителем. Во втором случае интересно решение переводчика о привязке действия романа к Польше: Совесть-Драл рассылает свои письма не только

по немецким, но и по польским городам (в оригинале – *po słowieńskich miastach*). Такая привязка Совизжала к польской территории проявляется и в отождествлении иезуитов с польскими монахами (ср. авторское примечание: «Езуит – польский монах»), а также во введении в повествование одного из походов краковского бискупа, отсутствующего в польском оригинале.

Зато необходимо воздать должное переводчику в тех случаях, когда он берется переводить пословицы и пословичные выражения. Здесь он неоднократно находит очень удачные эквиваленты польских паремий. Приведем несколько примеров:

[...] *wedle starego przysłowia: blaźni się nalepiej mają.*

[...] по старой пословице: *шутам везде хорошо.*

[...] *i jako dawno powiedają: złe nigdy nie zginie.*

[...] но как пословица говорит, *что худое скоро не пропадет.*

A jako pospolicie mówią: *gdy kota nie masz, myszy świebodu używają.*

Пословицу говорят: *где кошки нет, там мыши берут верх.*

Переводчик с большим вниманием отнесся к языковым шуткам, каламбурам, всевозможным загадкам и словесным перепалкам, количество которых умножает за счет собственных выдумок и заимствований «из русских сочинений». В переводе сохранена и значительно дополнена та часть биографии Совизжала, в которой рассказывается о его прениях с представителями ученого мира (с ректором и профессорами пражского университета, парижской академии, с ректором эрфуртской коллегии). Смех в этих диалогах направлен на дискредитацию семиотической деятельности («книжной мудрости») и восхваление практической мудрости. Поражение противников простолюдином Совесть-Дралом имеет и практические последствия. Он

получает деньги, а его противники теряют доброе имя, а иногда здоровье и даже жизнь.

Язык перевода (на что обратил внимание П. Н. Берков⁵⁶) – разговорный, свободный от полонизмов. Русский колорит речи придают переводу рифмованное, построенное по принципу лубочных стихов заглавие и остроумные реплики героя, например: «Кушай, матушка, на здоровье хлебец, пока его тебе станет, а после еще для тебя Совесть-Драл достанет» (ч. I, с. 10).

Однако переводчик, ориентируясь в основном на русский разговорный язык, умеет в нужный момент употребить и славянскую лексику. Чаще всего он обращается к церковнославянскому языку в главах, героями которых являются служители культа (бискуп, плебан, папа римский, кардинал). Но иногда переводчик стилизует под славянскую речь высказывания Совесть-Драла, когда тот принимает на себя личину благочестивого человека. Контраст между заведомо низким поведением героя и его «высокой» речью является одним из средств создания комического эффекта. Процитируем фрагмент седьмого похождения I части, в котором все эти приемы налицо.

Pleban sam szedł do kuchni.
Rzecz do Sowiźrzała:

– Czemu się ty, bracie, z mej kucharki pośmiewasz?! A baczę też, że jedna kokosz na rożnie, a wszako dwie były. Gdzież się ta druga podziała?

Sowiźrzał rzekł:

– A wszako jeszcze wtóra jest. Otwórzcie jedno obie oczy i ujźrzcie, że jedna kokosz na rożnie się obraca. Takem też kucharce waszej

Честный отец спешил на поварню для рассмотрения сего дела и, видя одну только курицу, спросил Совесть-Драла:

– Для чего ты над сею горлицею смеешься? Не думаешь ли и меня уверить, что две курицы на сковороде находятся, когда я одну токмо вижу?

– Никак, – отвечствовал Совесть-Драл. – Когда очи вашего преподобия проникают во внутренность

powiedział, a ona się na mię popędziła.

Pleban się rozśmiał a rzekł:

– Tegoć nie umie moja kucharka, aby obiema oczyma patrzała, bo tylko jedno ma.

Sowiźrzał rzecze:

– To wy mówicie, a nie ja.

Pleban na to odpowiedział:

– Już się rzekło i zstało, niech to tak zostanie, aczkolwiek kokosz jedna poszła.

Rzekł Sowiźrzał:

– Tak jest, poszłać jedna, jam ją zjadł. W tym uczynilem waszę wolą, jakoście mi sami powiedzieli, żebym się miał dobrze mieć przy waszej stawie. I byłoby mi luto, żeby się wasze słowo miało zmienić, a sami te kokoszy pojeść, dlatego jedną zjadł.

Pleban dał tej rzeczy więcej pokój [...]. (с. 34)

сердец человеческих, то сея ли столь открытыя вещи обозреть не могут? Курица здесь одна, другую же во исполнение вашей воли съел я; ибо когда выговорили вы о разделении со мною своих избытков, то, признавая себя недостойным вашей смиренной трапезы и не обременяя вашу телохранительницу тою тягостию, кою она при подаче мне кушанья понести должнаствовала, сделал я над курицею первый опыт разделения.

– Изрядно, – сказал плебан.

– Но для чего назвал ты кривою мою кухарку?

– Для того, – отвечал Совесть-Драл, – что вы по своему сану любите правду и можете сами подтвердить, что у нее одного не достаёт глаза.

Бедный плебан со всею своею важною принужден был молчать. (ч. I, с. 14–15)

Названный «честным отцом» плебан пытается защитить свою подслеповатую кухарку, которую называет горлицей, а Совесть-Драл, подстраиваясь под его стиль и ссылаясь на его обещание, шутовски доказывает свое право разделить с плебаном его трапезу. (В польском оригинале повествование стилистически более однородно и выдержано в «среднем» стиле).

Ближе всего к тексту предполагаемого польского оригинала первые и последние главы. Остальные можно отнести к категории свободных пересказов и парафраз. Переводчик польского *Совизжала* знал вкусы своего потенциального читателя и, несомненно, подстраивался под его ожидания. Этому служили дополнения «с других языков», а также

«из русских сочинений». Но о них скажем в следующей главе.

Подводя итог нашим наблюдениям над языком перевода, следует еще добавить, что анонимный переводчик *Совизжала забавного и смешного* не отличается от других переводчиков XVIII в.

Свободная переделка источника или вольный перевод, – как справедливо писал В. П. Степанов, – делали работу переводчика XVIII века почти равноправной с оригинальным творчеством. Перевод приравнивался к русским условиям, быту, литературной традиции; он, как правило, отвечал насущным потребностям литературного и общественного развития⁵⁷.

57 В. П. Степанов, *Словарь русских писателей XVIII века. Принципы составления. Образцы статей. Словник*, Ленинград 1975, с. 5–6.

Глава IV

Заемствования «с других языков» и «из русских сочинений» в *Похождении Совесть-Драла*

Еще одной отличительной чертой работы русского переводчика *Совизжала смешного и забавного* является развертывание текста перевода за счет заимствований из печатной и рукописной литературы. Уже на титульном листе I части появляется информация, что книга о Совесть-Драле не только переведена с польского, но и «дополнена с других языков»⁵⁸.

Дополнения «с других языков» вошли во вторую часть *Похождений Совесть-Драла*. В последней главе II части в рассказе о посмертной шутке героя переводчик-адаптер поместил, как мы уже упоминали, характеризуя перевод, известие о бумагах, которые хозяин, друзья и духовный отец Совесть-Драла якобы нашли в сундуках, когда «собрались вместе и пошли делиться завещанным от Совесть-Драла именем»:

⁵⁸ Добавим, что во многих других переводных сборниках господствует такой же принцип. Так, к примеру, *Веселый и шуточный Меландр* составлен из текстов, «из разных писателей выбранных и к материям по приличию им самим (т. е. переводчиком – Э. М.) приносившимся».

Когда хозяин всем прочим присутствующим и с нетерпеливостью ожидающим видеть Совест-Драловы пожитки отворил сундуки, то вдруг надежда о получении хорошего клада в них исчезла; ибо увидели они сундуки, наполненные токмо кирпичом и камнями, да на дне писанными бумагами, с которых при сем некоторые сообщаются. (ч. II, с. 55–56)

Известие о бумагах появилось на месте краткой эпитафии Совизжалу и авторского комментария, «удостоверяющего» реальное существование героя.

Kamienia tego aby żaden nie ruszał,
aby Sowiżrzał w pokoju odpoczywał.
I ten napis w Lumburgu jest na kamieniu ryty. Koniec.

Давайте, чтоб сей камень никто не сдвигал,
Чтоб Совизжал под ним спокойно почивал⁵⁹.
И эта надпись выбита на камне в Люмберге. Конеч.

Тексты «завещанных» Совест-Дралом анекдотов печатаются в качестве приложений к его похождениям. Первое, озаглавленное *Разные повести* (ч. II, с. 56–65), содержит 16 кратких анекдотов довольно пестрого содержания, второе – *Собрание разных историй* (ч. II, с. 66–80) включает еще 10 рассказов, главным образом о женщинах и их непостоянстве.

Установить непосредственные источники помещенных в первом разделе текстов не удалось, но к большинству из них нетрудно найти соответствия и параллели в рукописном переводе немецкой мещанской новеллы, осуществленном не позже 1740-х годов⁶⁰, в рукописных стихотворных

⁵⁹ Перевод А. А. Илюшина. Цит. по: В. В. Мочалова, *Мир наизнанку...*, с. 96.

⁶⁰ Ср., например, рукопись РНБ, собр. Погодина 1777. Характеристику этого перевода см. в статье: В. П. Адрианова-Перетц, *Западноевропейская городская новелла в русской литературе XVIII в.*, [в:] *Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения М. П. Алексеева*, Москва–Ленинград 1966, с. 13–18.

жартах, а также в *Письмовнике* Курганова и других печатных собраниях анекдотов и новелл. К ним относятся, например: анекдот *О разбойнике*, который в другом пересказе встречаем в *Письмовнике*, *Товарище разумном и замысловатом*, *Забаве в скуке* (ср. Ук. I, с. 298), анекдот *Влюбившийся пастор* на сюжет «Проповедник (певчий) с ослиным голосом», который известен по тем же сборникам (ср. Ук. I, с. 291–292), анекдот *О нечаянном случае* (с мотивом, известным по *Повести о Шемякином суде*), забавный рассказ *О пасторе кальвинском и о монахе францисканского ордена* на сюжет «Перенос через реку» (ср. *Опыт*, с. 120–121) и др. Анекдот *Счастливый сон* имеет параллели в рассказе *Римских деяний*, а анекдот о разумном младенце (*Ответ Пика де Мирандола*) – соответствия в переводных сборниках *Забавы в скуке*, *Спутник и собеседник веселых людей*, а также в *Письмовнике* Курганова (ср. Ук. I, с. 260), а рассказ *Новопоставленный из приказных людей монах* – в *Товарище разумном и замысловатом* (ср. Ук. I, с. 289–290)⁶¹.

Второе присовокупление тематически более однородно. Оно содержит 10 «повестей» о злых женах. Все они тоже имеют параллели в рукописных и печатных сборниках переводной городской новеллы. К примеру, один из эпизодов рассказа *О плодородной и упрямой жене* на сюжет «Жена злая, оживленная угрозой снятия кожи», известен как по рукописным, так и печатным сборникам (ср. Ук. I, с. 117–118), второй эпизод – на сюжет «Преждевременные роды (12 колыбелей)» встречается в забавных жартах (ср. Ук. I, с. 285–286) и в нескольких печатных сборниках⁶².

61 О других параллелях к текстам из «бумаг» *Совест-Драла* см. в: *Опыт*, с. 10, 79, 89–91, 103–104, 139–140, 148–149, 163–164 и Ук. I, с. 297–298.

62 См. также: М. Ptasińska, *Сюжет о преждевременных родах в польской и русской литературах XVI–XVIII вв.*,

Интересно отметить, что подобный прием расширения книги за счет «чужих» текстов был в литературе XVIII в. весьма популярен. Так поступали авторы рукописных сборников, не иначе вели себя переводчики и издатели книжек для развлекательного чтения.

Но в *Похождениях нового увеселительного шута* есть также достаточно много вкраплений, заимствованных «из российских сочинений», что, впрочем, не всегда специально оговаривается. Посмотрим, как они композиционно связывались с текстом перевода. Приведем несколько примеров.

Двенадцатое похождение I части *Чего Совест-Драл в жизни своей берегся и какие для него были любезные вещи* заканчивается словами:

Питейный дом называл он (т. е. Совест-Драл – Э. М.)
отцом, а вино матерью, почему почти никогда из уст его
не выходила следующая песня:

ПО СХОДНОСТИ МЫСЛЕЙ, ПЕСНЯ СΙΑ ВЫПИСАНА
ИЗ РОССИЙСКИХ СОЧИНЕНИЙ.

Что мне нужды в свете сем
Страсти разбирати?
Если худо кто живет,
Мне не отвечать.
[...]
Кто похулит жизнь мою, кто ей насмеется,
Тот бы знал, что тем моя рюмка не прольется.
Я не слушаю того,
Мне вино милей всего.
Кто смеется в этом мне,
Сотью сам смеюся⁶³.

[в:] *Tradycja i inwencja. Wątki i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej (Łódź, 23–24 listopada 1998 r.)*, pod red. E. Małek przy współpracy O. Głównko, Łódź 1998, с. 97–98.

⁶³ Песня, как установил еще П. Н. Берков, вошла в *Новое и полное собрание российских песен* М. Д. Чулкова. Мне

Вторую песенку, источник которой нам пока не удалось установить, переводчик вкладывает в уста Совест-Драла, которого

караульные повели [...] из тюрьмы к судьям, откуда в провожании оных и бесчисленного народа влеком был с барабанною церемониею за город. А как уже приближался к своему назначенному месту, то, вдруг остановясь, запел судьям следующую песенку:

И во сне мне не мечталось,
И в уме не воображалось,
Чтоб веселый человек
От грабителей известных
Кончил с вольностью свой век.
Но угодно так судьбине,
Чтоб такой со мною ныне
Воспоследовал конец,
Коль я сам его творец.
[...]

Она напоминает многочисленные выпады против судей, какие включались в уста героев комических опер (ср., например, куплет Абдаллы из оперы Горчакова *Калиф на час* или забавную арию судьи из его же оперы *Счастливая тоня*).

Отметим заодно, что автор перевода с явной неприязнью и иронией относился не только к судьям, но и к спесивым выскочкам, которые за деньги покупали себе чины и звания. Выразительным примером уничтожающей критики таких именно людей может быть портрет дворянина из пятого похождения II части (о чем уже упоминалось в предыдущей главе).

В числе амплификаций, вводимых в текст перевода, появилось много писем, якобы написанных

известны также рукописные копии более раннего времени из собрания БАН (ср. сборник под шифром 16.6.33 и сборник 17.16.37). Ср. также: М. Д. Чулков, *Собрание разных песен с прибавлением*, ч. I, № 106, Москва 1783, с. 140–141.

Совест-Дралом. Большинство из них было, по всей вероятности сочинено самим переводчиком (в польском тексте Совизжал не пользуется эпистолярной формой), но есть и такие, которые позаимствованы из репертуара русской низовой литературы. Так, например, Совест-Дралу приписывается сочинение *Двусмысленного письма*, которое встречается в рукописных сборниках XVIII в., а с 1790 г. включалось в раздел *Светские песни, или Дело от безделья* Кургановского *Письмовника*⁶⁴. Оно, подобно «билетцам», предназначалось не только для чтения, но могло быть использовано и в быту, как форма забавного, шутливого письма, а может быть и остроумная форма отказа надоевшей любовнице. В публикации Курганова последняя строчка *Двусмысленного письма* давала возможность вставить на месте «ИМР» свое имя. Так именно поступил Совест-Драл, который, как сообщает рассказчик, послал

к своей любезной письмо следующего содержания. Читать его должно двояким порядком: по строчкам и через строку, из чего можно видеть, что имеет два смысла – отказ и любовь.

Милостивая государыня!
Показанная поныне моя к тебе любовь
Была притворная. Я чувствую, что омерзение
По вся дни умножается, и как тебя не увижу, то
Хуже и презрительнее ты мне становишься.
[...]
Я наверное знаю, что вы напишете
Глупо, и что от вас не может быть
Разумно. Прощайте и верьте, что остаюсь
Весьма вами недоволен и век мой не буду
Ваш верный и послушный **Совест-Драл**. (ч. II, с. 4–5)

64 Ср.: Н. Курганов, *Письмовник, содержащий в себе науку российского языка*, т. 2, Санкт-Петербург 1793, с. 110. Интересно отметить, что подобные «двусмысленные письма» сочиняются и в наше время, а некоторые из них выкладываются в рунете. Ср., например, письмо *Парень пишет девушке* на сайте http://blogs.privet.ru/user/alexis_076/94916378

Благодаря такому незамысловатому приему Совест-Драл мог восприниматься читателями как человек, одаренный литературным дарованием. Кстати, автор *Похождений ожившего нового увеселительного шута Совест-Драла* наделит своего героя талантом сочинять стихи по заказу (подробнее об этом см. в следующей главе).

Глава пятнадцатая I части, повествующая о диспуте Совест-Драла с ректором и профессорами пражского университета, сильно разрослась за счет механического присоединения 52 новых вопросов и ответов, отсутствующих в польском тексте. Текст нового шуточного диалога Совест-Драла с профессорами в принципе совпадает с текстом лубочной картинки 1820–1830-х гг. *Разговор между профессором и крестьянином*, опубликованным Д. Ровинским⁶⁵, с той лишь разницей, что в *Похождениях Совест-Драла* количество вопросов и ответов на 20 больше, чем в лубке, а текст, совпадающий с лубочным, лишен искажений, какие в лубочной картинке встречаются.

Лубочная картинка	<i>Похождения Совест-Драла</i>
Чего старается всяк <i>унегать</i> ?	Чего всяк старается <i>убегать</i> ?
худой дружбы тоесть <i>плача</i> , злой жены и <i>проних</i> .	худой дружбы, то есть <i>палача</i> , злой жены и <i>проч</i> .
Скажими вещами бережливо поступать должно?	С какими вещами бережливо поступать должно?

65 Ср.: Д. Ровинский, *Русские народные картинки*, кн. 1: *Сказки и забавные листы*, Санкт-Петербург 1881, с. 474–476. В тексте из сборника Ровинского нет вопросов, обозначенных в *Похождениях Совест-Драла* номерами 21, 23–26, 29–32, 34–35, 37, 40–42, 47, 50–51, а также последнего нумерованного ректорского вопроса.

Представляется, что переводчик скорее всего заимствовал этот вариант *Разговора между профессором и крестьянином* из каких-то рукописных источников, приписывая ответы крестьянина Совест-Дралу. Но не исключено, однако, что какая-то часть вопросов и ответов составлена им самим. К ним предположительно можно было бы отнести вопросы и ответы из заключительной части диспута, в которых появляется имя Совест-Драла (например, на вопрос «Кто в Праге более всех похвалы достоин?» наш герой отвечает: «Совест-Драл, ибо он от вас, как от собак, один отгрызается.») и где он формулирует свое крайне отрицательное мнение об ученых, названных профессорами пустословия, рассуждающими «о пустом и порожном, о монадах и прочих невразумительных содержаниях». Некоторые из вопросов и ответов напоминают апофегмы Диогена из *Кратких, витиеватых повестей* Б. Будного⁶⁶.

Еще одним произведением, включенным в текст перевода, были так называемые смехотворные куранты (авизии). В пятом похождении II части Совест-Драл насмеялся над спесивым выскочкой, «который, будучи заражен честолюбием, часто делал у себя пирушки, на коих и Совест-Драл всегда присутствовал». Чтобы каким-то образом сгладить неловкое положение и «видя, что уже гости начали расходиться, в угодность дворянину и для удержания оных представил сии новизны».

После этого приводится текст смеховых авизий, а завершается глава сообщением, что «Сии ведомости столько дворянину понравились, что он внес их в записную свою книжку и во всех местах издавал за величайшую редкость» (ч. II, с. 23).

⁶⁶ Новейшее издание памятника см. в: E. Małek, S. Nikolajew, «Апофегматы» *Беняша Будного в переводе Петровского времени*, Łódź 2012 (Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej 2).

Таким нехитрым образом автор подключает к тексту перевода забавные рассказы, сюжетно слабо или вовсе не связанные с основным повествованием. Попытку вписать текст курантов в сюжет рассказа об одураченном Совесть-Дралом дворянине можно усмотреть в редактировании ведомости из Ростoka: «В Ростoke у мещанина в ранжерее расцвели семдесят четыре кувшина и поспели стручья, в которых находится довольно для дворянства стерледей живых». Слова, выделенные курсивом, не встречаются ни в одной из рукописных копий смеховых курантов. Видимо, автор перевода осознавал изначальную «близость шутовского романа и малого юмористического жанра»⁶⁷, на которую обратила внимание В. В. Мочалова.

Следует напомнить, что автор нашего перевода не был ни первым, ни единственным из известных нам авторов XVIII в., которые использовали это произведение для расширения своего текста. Смехотворные куранты включались между прочим в обнаруженную Н. Н. Розовым рукописную *Гисторию о купце*. По мнению исследователя, составитель сборника, в котором читается данное произведение, почувствовал «жанровую близость „Гистории о купце” и „Авизий” (общими для обоих этих произведений являются элементы шутовства и скоморошества)», а переход от *Гистории о купце* к «Авизиям» оформил следующей фразой:

Имел оной старшина друзей таковых же подобных себе иноземцов и чрез их получал себе разные авизии, ис которых желающим многим людям продавал по 2 и 4 копейки каждую, с которых при сем прилагается список от слова до слова⁶⁸.

67 В. В. Мочалова, *Мир наизнанку...*, с. 132.

68 Цит. по: Н. Н. Розов, «Гистория о купце», *неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII века*, [в:] XVIII век, сб. 3, Москва–Ленинград 1958, с. 444. Ср. так-

Ю. М. Лотман писал, что «Введение внешнего текста в имманентный мир данного текста играет огромную роль. В структурном смысловом поле текста вводимый в него внешний текст трансформируется, образуя новое сообщение»⁶⁹. Русский переводчик *Совизжала смешного и забавного*, как правило, удачно подбирал «внешние» тексты, стараясь с их помощью ввести в текст романа о шуте-плуте новые акценты (антидворянские, античиновничьи). Таким образом переводной роман еще сильнее вписывался в русский литературный контекст.

же: Н. Н. Розов, *Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в.*, ТОДРЛ, т. XIV, Москва–Ленинград 1958, с. 483.

69 Ю. М. Лотман, *Избранные статьи в трех томах*, т. I: *Статьи по семиотике и топологии культуры*, Таллин 1992, с. 153.

Глава V

Описание и характеристика изданий

1. Описание изданий перевода⁷⁰

Первое издание (б. г.)

Похождении новаго увеселительнаго шута и великаго в делах любовных плута Совесть-Драла, Большаго Носа. Часть I, содержащая в себе 20 похождений. Переведена с польского и дополнена с других языков. В Санктпетербурге, [тип. Артиллер. и инж. кадет. корпуса], б. г., 8°, 1–62, 83–112 [=92] с.

Похождении новаго увеселительнаго шута и великаго в делах любовных плута Совесть-Драла, Большаго Носа. Часть II. В Санктпетербурге, [тип. Артиллер. и инж. кадет. корпуса], б. г., 8°, 80 с.

Сохранившиеся экземпляры:
БАН, РНБ.

⁷⁰ В описаниях изданий сохраняется морфология источника. Они базируются на данных *Сводного каталога* и дополняются наблюдениями над экземплярами, которые удалось посмотреть *de visu*.

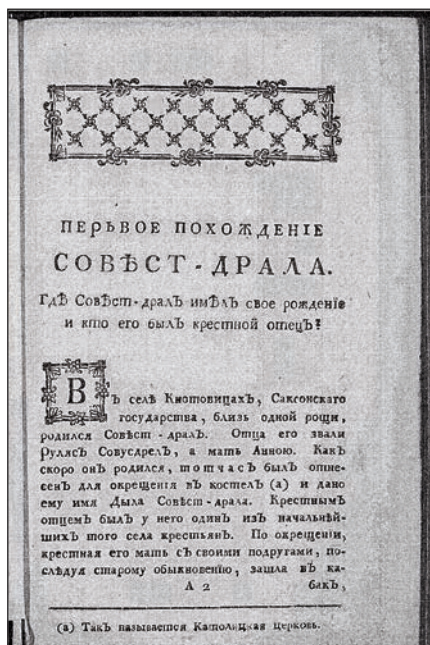
1. Титульный лист первой части
I издания *Похождений Совесть-Драла*
(Санкт-Петербург, б. г.)

Экземпляр РНБ (шифр: 340/105) – дефектный, в нем нет титульного листа I части, многие листы повреждены по краям, но текст сохранился полностью. На вклейке в начале книги – рукописное оглавление I части, а на обороте листа запись: «Это издание нигде не указано и до настоящего экземпляра не имелось в И. П. Библиотеке, в которую подарено. П. А. Картавовнин, 30 окт. 1902 года».

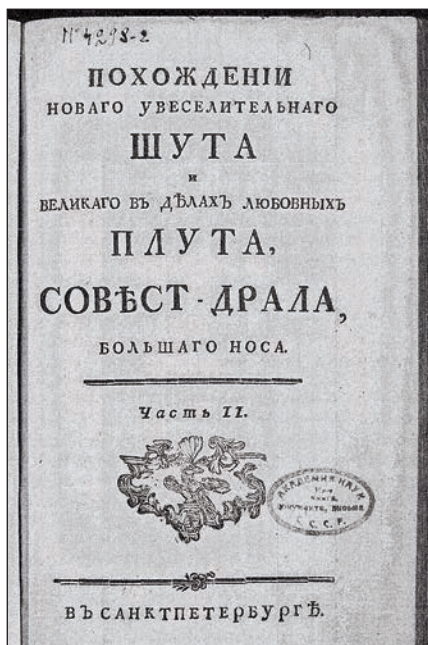
На экземпляре БАН (шифр: 1781/Похожде – ч. I–2, инв. 24604) карандашом приписана дата: 1777–1781. Наборный титульный лист украшен примитивной ви-

ньеткой внизу страницы. Каждая из частей книги открывается небольшой заставкой, а первые главы (похождения) обеих частей начинаются крупными инициалами, в остальных инициалов уже нет. Главы отделены друг от друга параллельной линией с цветочным орнаментом.

Во II части на с. 27 после главы 11 вместо параллельной линии появляется концовка в виде небольшого треугольника из цветов (видимо, пробел между главами был слишком малый, чтобы можно было в нем поместить начало следующего похождения). На с. 56 отмечен «Конец Совесть-Драловых походов», на с. 56–80 печатается *Собрание разных историй*, а на с. 80 указано: «Конец второй и последней части».

2. Начало *Первого похождения* первой части I издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург, б. г.)

3. Титульный лист второй части I издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург, б. г.)

Литература:

Смирдин 9246; Берков 1958, с. 27–33; СК, № 5578; Николаев 2008, с. 113–114.

Второе издание (Санкт-Петербург, б. г.)

Похождений новаго увеселительнаго шута, и великаго в делах любовных плута, Совесть-Драла, Большаго Носа. В Санктпетербурге, [тип. Мор. кадет. корпуса], ч. I, [между 1774–1781], 8°, 126 с.

Похождений новаго увеселительнаго шута, и великаго в делах любовных плута, Совесть-Драла, Большаго Носа. В Санктпетербурге, [тип. Мор. кадет. корпуса], ч. II, [между 1774–1781], 8°, 109 с.

4. Титульный лист первой части II издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург, б. г.)

5. Начало *Первого похождения* первой части II издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург, б. г.)

На с. 73 отмечается, что это «Конец Совесть-Драловых похождений», после текста романа на с. 74–87 напечатано *Собрание разных историй*, а на с. 88–109 – *Разные повести*. На с. 109 обозначается «Конец второй и последней части».

Каждая из частей книги открывается небольшой заставкой, а первые похождения обеих частей – инициалами. Очередные главы отделены друг от друга двумя параллельными чертами. Заставки появляются также перед началом *Собрания разных историй* и перед началом *Разных повестей*.

Сохранившиеся экземпляры:

ГПИБ.

Литература:

СК № 5577; Николаев 2008, с. 114.

Третье издание (б. м., 1781)

Похождения новаго увеселительнаго шу-та и великаго в делах любовных плута Совест-Драла, Большаго Носа. Часть I, содержащая в себе 20 походов. Переведена с польскаго и дополнена с других языков, [Москва], [Сенат. тип.] 1781, 8°, 102 с. (титульный лист не включен в счет страниц).

Внизу на титульном листе красивая заставка, в начале первой главы (с. 1) виньетка и инициал в рамке из лилий, перед началом глав 2–7, 12, 15, 16, 17 довольно изящные растительные заставки, главы 8, 10, 14, 18, 19, которые начинаются с новой страницы, заставок не имеют, перед остальными – примитивные заставки в виде двойной параллельной черты. Пагинация вверху листа, причем номера страниц окаймлены с левой и правой стороны небольшим цветочным узором.

Похождения новаго увеселительнаго шу-та и великаго в делах любовных плута Совест-Драла, Большаго Носа. Часть II, содержащая в себе 20 походов. Переведена с польскаго и дополнена с других языков, [Москва], [Сенат. тип.] 1781, 8°, 98 с. (титульный лист включен в счет страниц).

На титульном листе цветочная заставка, на с. 3 виньетка вверху страницы и инициал в рамке из растительных элементов, открывающий Первое

6. Титульный лист первой части III издания *Похождений Совест-Драла* (Москва 1781)

похождение, очередные главы отделены друг от друга таким же образом, как в I части. На 98 с. запись: «Конец второй части» – (не говорится, что это последняя часть). На с. 64 появляется новое заглавие: *Собрание разных Совест-Дралом историй*, подчеркивающее «соавторство» Совизжала. В первых изданиях говорилось лишь о том, что бумаги с публикуемыми текстами были найдены в сундуке Совест-Драла.

Похождение ожившаго новаго увеселительнаго шута и великаго в любовных делах плута, Совест-Драла Большаго Носа, часть третья. Печатано в Москве, [Сенат. тип.] 1781 года, 8°, с. 1–104, 250–258.

Титульный лист в счет не включается. На с. 105–250 печатается перевод комедии Ф. Богомольца *Расточитель* в переводе А. Апухтина (без указания имени автора и переводчика), довольно механически включенный в текст 8 похождения ожившего Совест-Драла. Заглавие на титульном листе заключено в наборную рамку, внизу – изящная заставка в виде овального портрета красивой женщины, окаймленного с двух сторон ветками из листьев. На 1 с. красивая виньетка, на 258 – концовка.

По наблюдениям А. Ю. Самарина все три книги *Похождений Совест-Драла* печатались И. Ф. Гиппиусом, который арендовал московскую Сенатскую типографию с 1780 по 1787 г. Он напечатал в ней большое количество произведений «переводной художественной литературы», причем среди «его изданий значительную долю составляли перепечатки книг [...], пользовавшихся устойчивым спросом у „массового“ читателя»⁷¹. Знаменательно, что им был также напечатан *Италиянский Езоп*,

⁷¹ А. Ю. Самарин, *Типографики и книгоцеты. Очерки по истории книги в России второй половины XVIII века*, Москва 2013, с. 228.

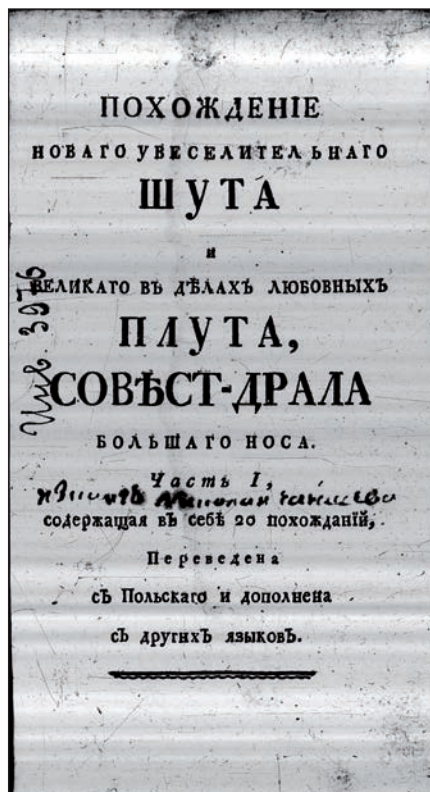
или *Сатирическое повествование о Бертолде Д. Кроче* (1782). Ученый обратил притом внимание на факт, что Гиппиус обвинялся в игнорировании «права авторов, переводчиков и предыдущих издателей»⁷².

Сохранившиеся экземпляры:

БАН, РНБ, РГБ, ГПИБ, МГУ (ч. 3), ЯИАМЗ.

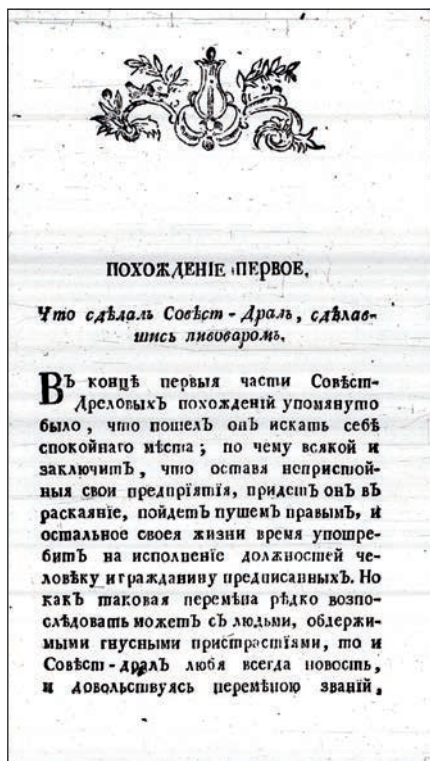
Литература:

Соп. 8611; Губерти III, 132; Остроглазов 287; Берков 1958, с. 28; СК № 5579; Николаев 2008, с. 114.

7. Титульный лист первой части IV издания *Похождений Совесть-Драла* (Москва 1785)

⁷² Там же, с. 230.

8. Начало *Первого похождения* первой части IV издания *Похождений Совесть-Драла* (Москва 1785)

Четвертое издание (б. м. [1785]–1788)

Похождение нового увеселительнаго шута и великаго в делах любовных плута Совесть-Драла, Большаго Носа. Часть I, содержащая в себе 20 походований (!).

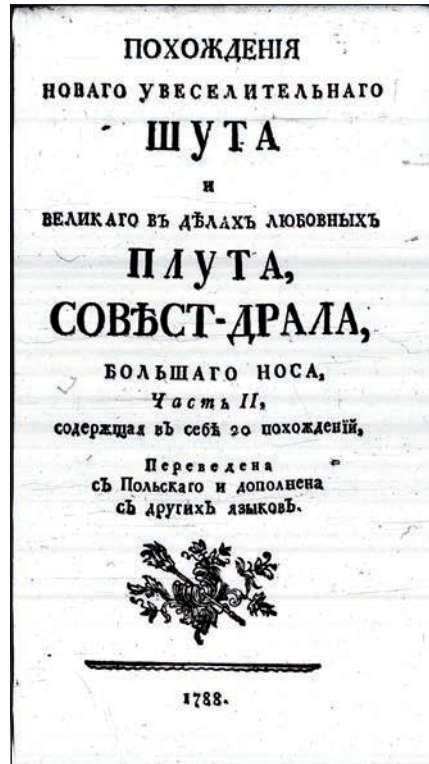
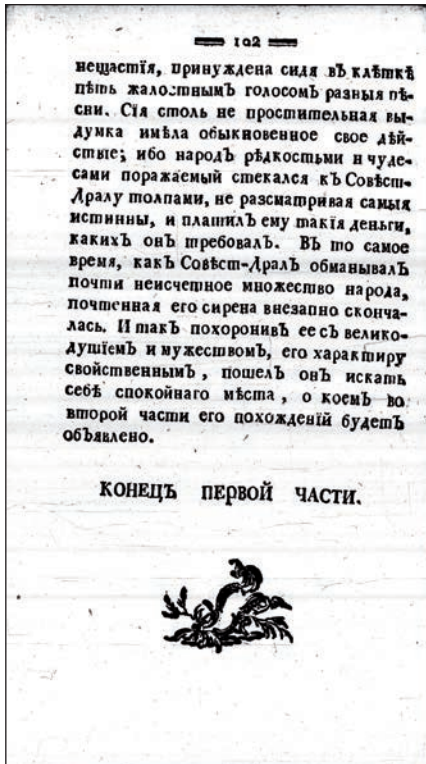
Переведена с польскаго и дополнена с других языков, [Москва, тип. Пономарева, не ранее 1785], 8°, 102 с.

Похождения нового увеселительнаго шута и великаго в делах любовных плута Совесть-Драла, Большаго Носа. Часть II, содержащая в себе 20 походований. Переведена с польскаго и дополнена с других языков, [Москва, тип. Пономарева], 1788, 8°, 1–72, 79–98 [=92] с.

Сохранившиеся экземпляры:

РГБ (П/85 П), БАН, РНБ (330/201), НБУВ.

Книга напечатана очень четким шрифтом, украшена изящными заставками и инициалами в начале каждой части, титульный лист I части без особых украшений с опечаткой в слове походований, во второй части на титуле – заставка перед годом издания, в конце первой и второй части – концовки. Но в просмотренных *de visu* экземплярах РНБ (330/201) и РГБ (П/85-П) имеется сбой в нумерации страниц: в I части после с. 42 дается

9. Титульный лист второй части IV издания *Похождений Совесть-Драда* (Москва 1788)

ошибочная пагинация 34, вместо 80 читается 08, во II части тоже встречаем ошибки пагинации: после с. 37 дается номер 19 вместо 38, следующая страница обозначена правильно как 39, после 65 ошибочно – 56, далее правильно – 67, после 72 страницы пронумерованы с 79 по 98, с тем, что после с. 87 ошибочно проставлена с. 58, далее правильно – 89. Общее реальное число страниц второй книги – 92.

Важно отметить, что обе части этого издания, хотя и публиковались с разрывом в несколько лет, переплетались в XVIII в. вместе и в собраниях частных владельцев (как и в современных библиотеках) хранились под одним номером.

Литература:

Берков 1958, с. 28; СК № 5574; Николаев 2008, с. 114.

Пятое издание (Санкт-Петербург 1793)

Похождение хитраго и забавнаго шута Совесть-Драла, Большого Носа. Переведенное с польского и дополненное с других языков. Часть первая. Иждивением И. Сытина, Во граде святого Петра 1793 года, 12°, 106 с. фронт. (илл.).

Похождение хитраго и забавнаго шута Совесть-Драла, Большого Носа. Переведенное с польского и дополненное с других языков. Часть вторая. Иждивением И. Сытина, Во граде святого Петра 1793 года, 12°, с. 107–202.

Похождение хитраго и забавнаго шута Совесть-Драла, Большого Носа. Переведенное с польского и дополненное с других языков. Часть третья. Иждивением И. Сытина, Во граде святого Петра 1793 года, 12°, с. 203–327.

Все три части переплетались вместе под общим заглавием *Похождение Совесть-Драла*. Однако, часть третья – это на самом деле не перевод с польского, но *Похождения ожившего Совесть-Драла*, которые печатались отдельно (о них пойдет речь в восьмой главе). Сплошная пагинация в трех частях.

Существуют два варианта издания. В первоначальном варианте (вариант А) имеется опечатка в общем заглавии книги – *Похождение Совесть-Драла*, а на титульных листах второй и третьей частей нет указания «Иждивением И. Сытина». Во втором (вариант Б) – заглавие набрано правильно, но в нем отсутствуют цензурные справки, которые в первоначальном издании печатались в начале каждой из частей.

В тексте имеется сбой в нумерации страниц (после с. 129 идут с. 230–231 вместо 130–131).

Похождение хитраго и забавнаго шута Совесть-Драла Большаго Носа. Переведенное с польского и дополненное с других языков. Часть третья. Иждивением И. Сытина. Во граде святого Петра 1793 года, 12^о, с. 203–327.

Вариант А – с визой исполняющего обязанности цензора Санкт-Петербургского полицмейстера Андрея Жандра (с. 204). Введение, которое в первом издании не имело заглавия, здесь названо Предупреждением.

Вариант Б – без цензурной визы и с указанием на типографию Сытина на титульном листе. Введение, которое в первом издании не имело заглавия, здесь названо Предупреждением.

Поскольку на обороте титульных листов каждой из частей печатается цензурная справка, то можно полагать, что *Похождения* выпускались отдельно, но могли тоже продаваться в полном наборе (чему способствовала сплошная пагинация всех частей). В приплетенном к экземпляру РНБ (шифр: 18.257.4.23) *Реестре продающимся книгам на Невской перспективе* читается объявление, что там можно купить «Похождение хитрого и забавнаго шута Совесть-Драла Большаго Носа, с картинкою. 1793 года, в 12. д[олю листа]», причем экземпляр всех трех частей без переплета продавался за 1 рубль, в бумажном переплете – за 1 рубль 10 коп., а во французском переплете – за 1 рубль 30 коп. Такое же объявление имеется в экземпляре из собрания БАН (шифр: 1793/118, ч. I–3).

Сохранившиеся экземпляры:

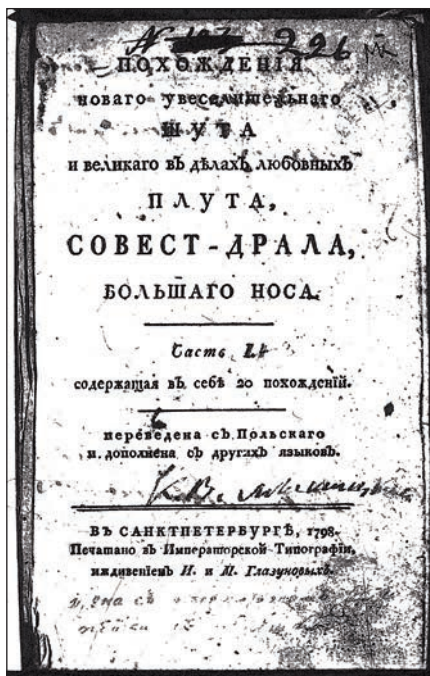
РГБ (вар. А и Б), БАН (вар. А), РНБ (вар. А – шифр: 18.257.4.23), ГПИБ (вар. А), ГМЗРК.

Литература:

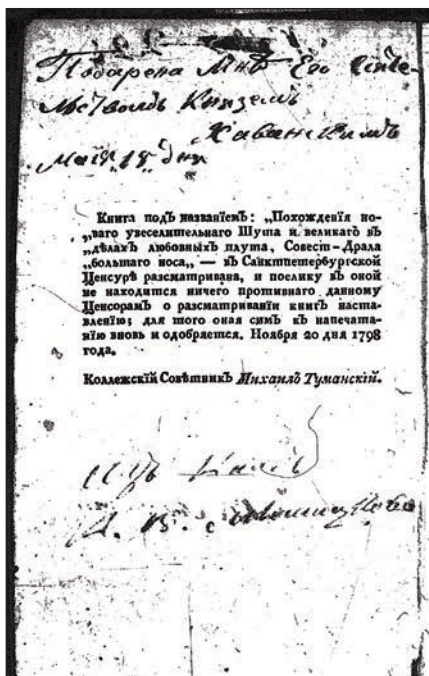
Соп. 8612, примеч.; Берков 1958, с. 29; СК № 5576; Николаев 2008, с. 114.

Шестое издание (Санкт-Петербург 1798)

Похождения новаго увеселительнаго шута и великаго в делах любовных плута Совест-Драла, Большаго Носа. Часть I, содержащая в себе 20 походов, переведена с польскаго и дополнена с других языков, в Санктпетербурге 1798. Печатано в Императорской типографии иждивением И. и М. Глазуновых, 12°, с. 1–116. На с. 116. – «Конец первой части».

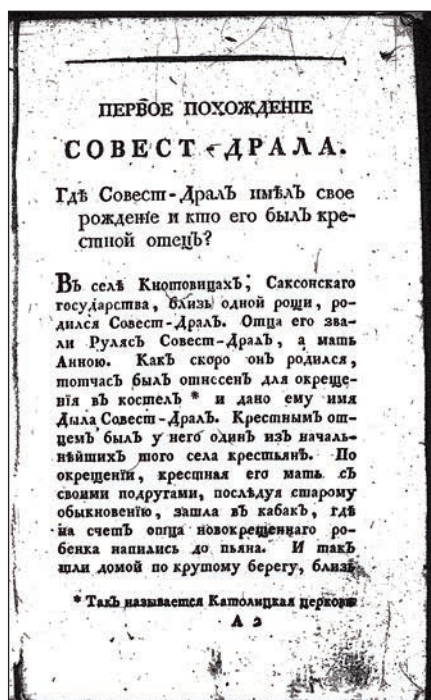
10. Титульный лист первой части VI издания *Похождений Совест-Драла* (Санкт-Петербург 1798)

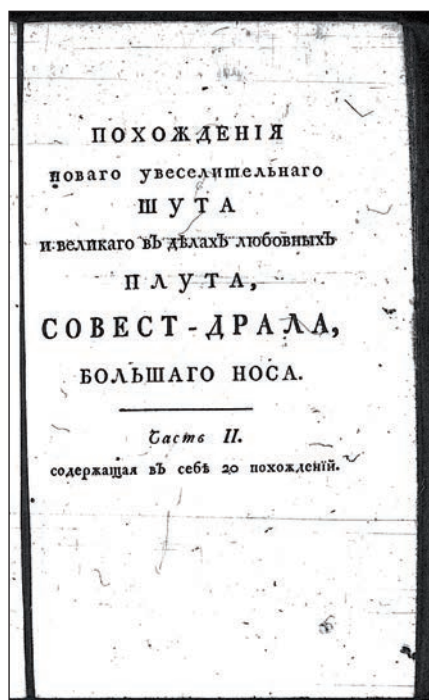
11. Оборот титульного листа первой части VI издания *Похождений Совест-Драла* (Санкт-Петербург 1798)

Похождения новаго увеселительнаго шута и великаго в делах любовных плута Совест-Драла, Большаго Носа. Часть II, содержащая в себе 20 походов, (б. м. и г.), с. 117–185 (на с. 186–197 – Собрание разных Совест-Дралом

историй, на с. 197– 216 – *Разные повести*). На с. 216 – «Конец второй части».

12. Начало *Первого похождения* первой части VI издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург 1798)

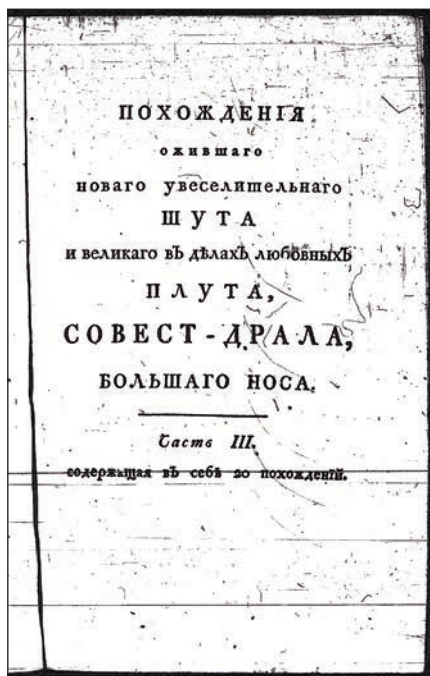
13. Титульный лист второй части VI издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург 1798)

Похождения ожившаго новаго увеселительнаго шута и великаго в делах любовных плута Совесть-Драла, Большаго Носа. Часть III, содержащая в себе 20 походов, (б. м. и г.), с. 217–492 (с включенной в текст 8 походов комедией *Расточитель*, с. 342–483). На с. 483 – «Конец».

Сплошная пагинация в трех частях. Без заставок и инициалов. Главы отделены друг от друга краткой горизонтальной чертой.

Сохранившиеся экземпляры:

РГБ, БАН, РНБ, МГУ, ГПИБ, ДГПБ.

14. Титульный лист третьей части VI издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург 1798)

Литература:

Соп. 8612, примеч; Берков 1958, с. 29; СК № 5580; Николаев 2008, с. 114.

Так завершается история печатных изданий *Похождений Совесть-Драла Большого Носа*. Но книга осела в книжных собраниях и продолжала вызывать интерес читателей еще много лет спустя, а ее герой стал притчей во языцех. Удивительно только, почему не сохранились списки с печатных изданий *Похождений Совесть-Драла* (нам во всяком случае не удалось выявить ни точных копий, ни выписок из сборника), в то время как другие печатные

книги этого круга, например, *Апофегматы* Б. Будного⁷³, *Письмовник* Курганова и др. в XVIII в. охотно переписывались.

2. Редакционные изменения

Текст перевода *Совизжала смешного и забавного*, если не считать колебаний в заглавиях (*Похождении* / *Похождедий* / *Похождение* / *Похождения*) в целом стабилен. Разночтения в переизданиях

⁷³ Ср. к примеру главу *Рукописные списки из изданий «Кратких, витиеватых повестей»*: от буквализма к творческому переосмыслению в монографии: Е. Małek, S. Nikolajew, «*Апофегматы*» *Беняша Будного...*, с. 96–114.

незначительны: это чаще всего перестановка или замена слова синонимом или морфологические варианты слов. Второе издание почти дословно повторяет первое, но в нем появились некоторые мелкие механические пропуски. Так, например, из приведенных ниже фрагментов текста выпали слова, набранные курсивом, а поскольку они сохраняются во всех последующих изданиях, то очевидно, что очередные издатели опирались на второе, а не на первое тиснение *Похождений Совест-Драла*.

Сидя Совест-Драл с своею матерью в один день голоден, помышлял, каким бы образом достать хлеба себе и матери, почему, взяв матернее благословение, пошел доставать хлеба; пришед же в близ отстоящий от своего жилища город, приметил одного достаточного хлебника и, взошед к нему на двор, сказал. (ч. I, с. 8–9).

Он схватил опять первого за волосы и так крепко об улей головою ударил, что тот, вышед из терпения, с великою яростию бросился на товарища и, ударив о землю, бил его без всякой пощады. (ч. I, с. 12)

В третьем издании объем книги значительно увеличивается, так как к первым двум частям была присоединена часть 3: *Похождение ожившего нового увеселительного шута, и великого в любовных делах плута, Совест-Драла Большаго Носа*, сочиненная анонимным автором, который в последнее, восьмое похождение «ожившего» Совест-Драла, включил еще готовый текст переведенной с польского комедии *Мот, или Расточитель*. Однако, говоря об эволюции текста перевода, мы будем концентрировать свое внимание на двух первых частях книги, так как часть третья содержит оригинальное русское произведение, о котором скажем подробнее в следующей главе.

Четвертое издание по *Сводному каталогу* было напечатано в двух частях в вольной московской типографии Матвея Пономарева, без указания места

издания, а первая часть и без указания года выпуска. В 15 главе I части вопросы и ответы Совесть-Драла (как и во втором издании) нумерованы. Из погрешностей издания назовем редкие пропуски знаменательных слов или более пространных фраз. Так, например, из цитируемого ниже фрагмента наборщик опустил слова, набранные курсивом:

А как она на сие согласилась, то закупил он у мясника кишок, которыми привязал ее к брюху белой *кобылы*. Сию *столь изрядно убранную кобылу* ввел в королевские палаты и говорил ему следующее поздравление [...].

Но это единственный замеченный нами столь пространный пропуск.

Издание шестое, вышедшее в 1798 г., включающее часть III с *Похождениями ожившего Совесть-Драла* и комедией *Расточитель*, практически повторяет третье. Исправления касались в основном пунктуации и орфографии, реже имели стилистический характер. Еще реже появлялись мелкие амплификации или уточнения. Ниже приводим несколько примеров:

3-е издание

1798

он святособлюдает его повеления

он *ненарушимо* соблюдает его повеления

Кои советники справедливы и неробки?

Какие советники справедливы и неробки?

при дверях смерти находящихся, в самой скорости привозили в город Росток

при самой *смерти* находящихся, *наискорейшее* привезли в город Росток

франкфортскому купцу Ермилу Перфильичу

франкфортскому купцу Ермилу *Поликарповичу*

умел скрыться вместе с новою своею любовницею от их гнева

умел скрыться вместе с новою своею любовницею от *предстоящей ему беды*

2-е издание (б. г.)

1781, 1788, 1798

Действие окончилось тем, что Совесть-Драл в келье Плебана предан был проклятию

купеческая жена, посадила его возле себя, и начали забавляться в юлу

Действие окончилось тем, что Совесть-Драл в келье Плебана предан был проклятию *и согнан*

купеческая жена, посадила его возле себя, и *начала* забавляться в карты

3. Редакция 1793 года

Особый интерес представляет пятое издание *Похождений Совесть-Драла*. Авторы *Сводного каталога* заметили, что в нем «Перевод несколько иной редакции, чем в остальных изданиях»⁷⁴, но в чем состоит отличие, не уточняли. П. Н. Берков предполагал, что издание «было выпущено как контрафакция», а текст перевода был лишь «в весьма незначительной степени отредактирован, в особенности в начале книги»⁷⁵. Сопоставление издания 1793 г. с предыдущими позволяет эти правильные, но предельно лаконичные характеристики уточнить и дополнить.

И так, первое, что бросается в глаза – это модификация заглавия как всей книги, так и ее частей. Только в издании 1793 г. произведение получает наименование *Похождение **хитрого и забавного** шута Совесть-Драла, Большого Носа*. Некоторые похождения тоже озаглавлены по-новому. Сопоставим заглавия первого издания с заголовками издания пятого, чтобы показать целенаправленность редакторской правки.

⁷⁴ СК 5576.

⁷⁵ Берков 1958, с. 29.

1-е издание**Издание 1793 г.**

Первое похождение Совесть-Драла. Где Совесть-Драл имел свое рождение и кто его был крестной отец

Похождение I. Где Совесть-Драл родился и кто был его крестной отец⁷⁶

Похождение седьмое. Как Совесть-Драл нанялся у одного плебана в слугители и как он там обходился

Похождение VII. Как поступал Совесть-Драл, нанявшись у одного плебана в слугители

Похождение девятое на десять. Что Совесть-Драл в городе Франкфурте с жидами и с купеческою женою сделал

Похождение XIX. Что начудесил Совесть-Драл в городе Франкфурте с жидами и с купеческою женою

Похождение первое. Что сделал Совесть-Драл, сделавшись пивоваром

Похождение I. Каких нагородил Совесть-Драл пакостей, сделавшись пивоваром

В редакции 1793 г. разрастаются иронические комментарии рассказчика к очередным выдумкам и похождениям Совесть-Драла. Сравним выбранные фрагменты из первого издания с изданием пятым.

1-е издание**Издание 1793 г.**

Что сделал Совесть-Драл с портным в городе Берлине

Что сделал Совесть-Драл с портным в городе Берлине

Выехав оттуда, прибыл Совесть-Драл благополучно в Берлин, где нанялся у одного портного подмастерьем. И как несколько времени у него побыв,

Выехав оттуда, прикатил наш чудесник благополучно в Берлин, где нанялся у одного портного подмастерьем. Чем чорт не шутит? Совесть-Драл

⁷⁶ Похождение хитраго и забавнаго шута Совесть-Драла, Большаго Носа. Переведенное с польского и дополненное с других языков, Санкт-Петербург 1793. Здесь и далее цитаты приводятся по экземпляру РНБ, шифр: 18.257.4.23 с указанием страницы в тексте.

сему мастерству немного обучился, то хозяин, некогда утрудясь, захотел поранее успокоиться. (ч. II, с. 15)

прежде сам портным уроки давал, а теперь в подмастерьи попал! Здравствуй, Большой Нос, в новом чине! Однажды хозяин, утрудясь, захотел поранее успокоиться. (с. 124)

Сколько Совесть-Драл ни был хитр и *проворен*, однако попал он на одну такую старуху, которая к великому его неудовольствию над ним подтрунила, а сие следующим происходило образом. (ч. II, с. 30–31)

Сколько Совесть-Драл ни был *плутват* и проворен, однако попал он на одну такую старуху, которая к великому его неудовольствию над ним подтрунила. *Попал плут на плута; нашла коса на камень! Кто кого перебьет?* Сие следующим образом произошло. (с. 142–143)

Опасаясь Совесть-Драл, чтоб не *воспоследовало с ним чего худого за причиненный им портным обман, оставил он город Росток и вздумал ехать в город Эрфорт*, в котором хотел поступить таким же образом, как и в городе Праге в ученом собрании.

Совесть-Драл, опасаясь, чтоб не *вздумал кто сделать с ним чего дурного за сделанный портным обман, выбрался из Росток и поскакал в город Эрфорт*, в котором хотел таким же образом напакостить, как и в Праге в ученом собрании.

Как в городе Эрфурте было славное училище, то Совесть-Драл в оном объявил себя искуснейшим учителем. Ректор того училища, давно будучи известен об его проказах и хотел над ним посмеяться, послал к нему козу, чтоб он выучил в одну неделю по книге читать, и обещал ему за то довольное награждение; а ежели не выучит, то жестокое наказание. (с. 59–60)

А как в городе Эрфурте было славное училище, то Совесть-Драл в оном объявил себя искуснейшим учителем. Ректор того училища, будучи давно известен об его проказах, хотел над ним посмеяться, послал к нему козу, чтоб он выучил ее в одну неделю по книге читать, и обещал ему за то довольное награждение; а ежели не выучит, то жестокое наказание. (с. 59–60)

Заключение девятой главы II части, в которой рассказывалось о том, как Совесть-Драл обманул одного богатого деревенского мужичка, снабжается дополнительным пояснением (выделяем его курсивом):

1-е издание

И так Совест-Драл, взяв от мужичка сукно, разделил оно с своими товарищами. (ч. II, с. 36)

Издание 1793 г.

И так Совест-Драл, взяв от мужичка сукно, разделил оно с своими товарищами. *Совест-Драл везде Совест-Драл, куска не проронит, плутовскою своею харею в грязь не ударится и миниатюрного носа своего не замазает. И тут кусок сорвал, да без вреда ж отъехал.* (с. 149)

И последний пример из двенадцатой главы I части, рассказывающей о том, как Совест-Драл обманул слепых нищих.

1-е издание

И так Совест-Драл, будучи причиною сих бедных злополучия, думал о способе, как бы их из одного несчастья свободить. Он пошел в город и зашел к одному плебану. (ч. I, с. 50)

Издание 1793 г.

И так Совест-Драл, будучи причиною сих бедных злополучия, думал о способе, как бы их из одного несчастья свободить. *Натура одарила Совест-Драла редкими качествами и разумом, на всякие плутни готовым. Думал немного, а вздумал.* Он пошел в город и зашел к одному плебану. (с. 152–153)

Как показывает сопоставление с первым изданием, в тексте издания 1793 г. обнаруживаем много стилистических изменений, целью которых было, как правило, снижение лексического регистра перевода. Поэтому нейтральная лексема *сделал* получает эквиваленты *начудесил*, *нагородил*, чтение *прибыл* *Совест-Драл* – *прикатил* *наш чудесник*, вместо высокого *удостоверили* – более низкое *убедили*, на месте лексемы *воспоследовало* читается лексема *случилось*, сложное выражение *принесли жалобы* заменяется простой глагольной

формой *жаловались* и т. д. Количество таких замен очень большое, и мы не можем удержаться от приведения еще нескольких примеров:

1-е издание	Издание 1793
от камердинерши	от домоводки
принужден был молчать	принужден был поджать губы
Почтенная его домостроительница	Старательная его домостроительница
Бедный плебан	Слабоумный плебан
едва двигался	едва стоял на ногах
простаков проучивать	простаков оплетать

Снижению лексического регистра перевода сопутствуют некоторые изменения в области синтаксиса, например, сокращение количества дееспричастных оборотов.

Автор редакции 1793 г. также частично обновил репертуар текстов, которые включались переводчиком в текст рассказа о Совизжале / Совесть-Драле. Так, например, в главе двенадцатой I части, в которой, как гласит заглавие, рассказывалось о том, «Чего Совесть-Драл в жизни своей берегся и какие для него были любезные вещи», вместо песни «Что мне нужды в свете сем / Страсти разбировати?», известной по песеннику М. Д. Чулкова, он поместил куплет из комической оперы Н. П. Николаева *Розана и Любим*:

Брату нашему вино
Вместо душеньки дано:
Им и дышим,
Им и слышим;
Им и спим и работаем,
Им кручину **разбиваем**:

Вить как льется в животок.
 Словно липовой медок,
 Что при песнях твой гудок!
 Примешь все за **табалу**,
 Как взыграет глу, глу, глу. (с. 38)

Написанная в 1776 г. *Розана и Любим*, была в 1778 г. поставлена в Москве и, как утверждает Н. Д. Кочеткова, «стала одной из излюбленных пьес в репертуаре Моск. театра, где часто ставилась в течение более двух десятилетий⁷⁷». Она была опубликована в 1781 г. (2-е изд. 1787), а песенки из оперы на музыку И. И. Керцелли охотно распевались и даже вошли в песенники⁷⁸. Интересующий нас куплет появляется в VI явлении первого действия. Его поет лесник, угощаемый барин-ном Щедровым:

Щедров. Вот я и сам с тобою выпью.

Лесник. Да кто с ней расстанется? а особливо наш-то брат? статимое ли дело! нам хмельное-то, государь, и во сне-то грезится.

Щедров. На, пей, пей...

Лесник (взяв в руки стакан, поет).

Голос

Брату нашему вино,

Вместо душеньки дано:

Им и дышим,

Им и слышим,

Им и спим, и работаем,

Им кручину **забываем**.

Вить как льется в животок,

Словно липовый медок,

Что при песнях твой гудок?

⁷⁷ Н. Д. Кочеткова, *НИКОЛЕВ Николай Петрович*, [в:] *Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 2: К–П, Ленинград 1999, с. 351.

⁷⁸ Ср., например: *Новый, полный всеобщий песенник, содержащий в себе собрание всех лучших и доселе известных, употребительных и новейших всякого рода песен*, Санкт-Петербург 1820, с. 828.

Примешь всё за **тоболу**,
Как взыграет глу, глу, глу.
(Указывая на горло.)
Тут-то глу, глу, глу.
(Пьет).

Щедров. Ха, ха! ай мужичок! смотри, пожалуй, он еще и с затеями?.. О! за эдакую песню не грех и еще поднести. Гей! поднеси ему еще.

Лесник. Золотой помещик!

Щедров. Спой же мне опять свою песенку, мне хочется у тебя ее перенять⁷⁹.

Песенка, спетая героем комической оперы, поправилась не только его барину, но и автору редакции 1793 г., который, видимо, пришел к выводу, что она еще лучше, чем песенка с инципитом «Что мне нужды в свете сем» подходит к контексту данной главы⁸⁰.

Интересно отметить, что только в этом издании на фронтисписе книги появилась иллюстрация. К сожалению, она никак не связана с сюжетом книги и кажется случайной.

Перед началом каждой из частей издания 1793 г. читается запись петербургского полицмейстера, исполняющего роль цензора: «Свидетельствовал и подписал коллежский советник и отправляющий должность С.-Петербургского полицмейстера Андрей Жандр» (с. 4, 108, 204). Интересно отметить, что в экземпляре РГБ (Сыт.-8/93-П), представляющим вариант Б, визы цензора отсутствуют. Видимо, П. Н. Берков, говоря о пятом издании как контрафакции, имел в виду именно вариант Б.

⁷⁹ Н. П. Николев, *Розана и Любим*. Цит. по: *Русская комедия и комическая опера XVIII в.*, под ред. П. Н. Беркова, Москва–Ленинград 1950, с. 179–180.

⁸⁰ Версия нашей редакции отличается от текста оперы, опубликованного П. Н. Берковым, лишь двумя мелкими различиями (они выделены жирным шрифтом).

В этой редакции *Похождений Совесть-Драла* на титульном листе третьей части появляется информация, что это тоже перевод с польского, дополненный какими-то текстами, заимствованными из других иностранных источников. Это, видимо, и ввело в заблуждение П. Н. Беркова, который обратил внимание на язык этой части, отметив, что отсутствие в нем полонизмов затрудняет установление имени переводчика.

Находки автора редакции 1793 г. не были, однако, подхвачены, и последнее издание *Похождений Совесть-Драла*, выпущенное в 1798 г. петербургской императорской типографией, повторяет, как уже говорилось выше, издание третье, о чем свидетельствуют наличие одних и тех же пропусков и включение в третью часть комедии *Расточитель*.

Глава VI

Литературная культура переводчика

В. Шкловский в своих рассуждениях о литературном быте второй половины XVIII в. сетовал, что

К сожалению, люди группы Чулкова и Попова мемуаров не писали.

Мы могли бы узнать о них из мемуаров дворянских.

Но в известных нам мемуарах нет ни одного упоминания ни о Чулкове, ни о Попове.

Их читали, но их не замечали.

Или замечали, обижаясь, и ругали, не называя по фамилии, так, как ругал Чулкова Сумароков⁸¹.

Мы могли бы то же самое сказать о переводчиках, имена которых не появлялись ни на страницах переведенных ими книг, ни в мемуарах. И должны констатировать, что имя переводчика *Совизжала забавного и смешного*, к сожалению, установить не удалось.

П. Н. Берков, правда, высказал предположение, что им мог быть А. Апухтин, перу которого принадлежит перевод с польского языка комедии *Мот, или Расточитель*, включаемой в некоторые издания *Похождений ожившего нового*

81 В. Шкловский, *Чулков...*, с. 127.

увеселительного шута *Совест-Драла*, но ученый сам от этой гипотезы отказался, так как язык перевода *Совизжала* сильно отличается от языка перевода комедии Ф. Богомольца⁸². И тем не менее Л. И. Ровнякова считала, что включение перевода комедии *Расточитель* в состав третьей книги *Похождений Совест-Драла* «может служить некоторым основанием для атрибуции А[пухтину] перевода всего сборника»⁸³.

А. Липатов, в свою очередь, допускал, что русский переводчик, вероятно, плохо знал польский язык, поскольку плохо перевел имя Совизжала: «zabawnie zinterpretował rosyjski tłumacz (zapewne nie najlepiej znający język polski) jako „Sowiest’-drał”»⁸⁴.

Не имея (пока) возможности установить имя переводчика, мы все же можем попытаться определить его литературные компетенции, его литературную культуру. Мы уже знаем, что переводчик, дополняя свой перевод-переделку польского *Совизжала*, создает свои собственные рассказы о новых приключениях *Совест-Драла* (похождения №№ I:8–9, I:20, II:15, II:18), сочиняет стихи, впрочем, неплохие, а также использует готовые тексты, заимствованные из репертуара оригинальной и переводной литературы. Все это показывает, что он неплохо владеет пером, умеет слагать стихи и очень хорошо знает рукописную «неполезную» литературу, из которой умело подбирает подходя-

82 Ср.: П. Н. Берков, *Русско-польские...*, с. 81–82.

83 Л. И. Ровнякова, *АПУХТИН Аким Иванович*, [в:] *Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 1: А–И, Ленинград 1988, с. 37.

84 А. Lipatow, *Rosyjsko-polskie związki literackie od średniowiecza do oświecenia. (Typy, ukierunkowanie, ewolucja)*, przeł. W. Cesluk-Grajewski, pod red. B. Galstera i in., [в:] *Tradycja i współczesność. Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1978, с. 37.

щие тексты. В их числе оказались юмористические авизии, известные в настоящее время в нескольких списках конца XVII–XVIII вв., большой блок смеховой вопросо-ответной литературы (*Разговор профессора с крестьянином*), шуточные песни о вине и другие стихотворения подобного типа.

Обратим внимание, что менее полную подборку смехотворных курантов (ведомостей), озаглавленную *Балакиревы ведомости*, поместил в своем журнале «Трудолюбивый муравей» (1771, № 12, с. 93–94) В. Г. Рубан, который ставил себе задачу дать своим читателям занимательное чтение, а шуточные песни о вине попали в сборник М. Д. Чулкова и в *Письмовник* Н. Курганова. Анекдоты (в других пересказах), включенные в приложение ко II части *Похождений Совесть-Драла*, (как было показано выше) встречались и в других сборниках. А это доказывает, что литературные пристрастия анонимного переводчика не отличались от вкуса Рубана, Курганова (об анонимных создателях рукописных вариантов тех же сочинений умолчим).

Переводчик-адапатор в своих обращениях к воображаемому читателю отказывается от нравоучения. Характеризуя амплуа Совесть-Драла в начале девятой главы I части, сочиненной им самим, скажет не без тени осуждения, что

Он родился для нанесения пакостей человеческому роду; он не почитал преступлением такого действия, которое приносило ему душевное увеселение, хотя бы оно и чувствительно ближнего оскорбляло. Он думал, что свет есть такой феатр, на коем никому не воспрещено делать язвительных шуток.

Но тут же добавит:

Задержав долго читателя скучным нравоучением, обращаюсь я к похождению Совесть-Драла, который,

посоветовав сам с собой, пошел к плебану без всякой застенчивости. (ч. I, с. 20)

Исследователи отметили уже, что *Похождения Совесть-Драла* лишены сатирического элемента, свойственного немецкой и польской версии романа об Эйленшпигеле / Совизжале. В них господствует шутка, иногда довольно язвительная, и установка на занимательность, вызванную быстрой и калейдоскопически пестрой сменой походов заглавного героя.

Переводчик очень хорошо знает и чувствует прелесть паремии. Он подыскивает хорошие эквиваленты пословиц, встречающихся в польском оригинале, вставляет в перевод русские поговорки и прибаутки и даже умеет развернуть пословицу в анекдот (ср. похождение 9 I части).

Ему небезызвестна также классическая литература: если не основательно, то хотя бы понаслышке знает *Метаморфозы* Овидия (он иронически пишет о превращениях своего героя, как и М. Д. Чулков в *Пересмешнике*), он начитан в библейских текстах и хорошо владеет библейской фразеологией. В переводе встречаем вкрапления из латинского и французского языков, т. е. с тех языков, какие преподавались во второй половине XVIII в. во многих учебных заведениях, доступных не только дворянам, но и людям других сословий.

Глава VII

Читательское восприятие и реминисценции *Похождений Сове́ст-Драла* в русской литературе и критике

1. Восприятие польского *Совизжала* и его перевода в России

Как мы уже говорили, польские издания *Совизжала* стали известны в России скорее всего в конце XVII – начале XVIII в. Можно предполагать, что, подобно другим польским печатным книгам, они завозились в Московское государство прямо из Кракова, Варшавы или же с территории Великого княжества Литовского.

Документально известно, что какое-то издание польского *Совизжала* было в библиотеке Артемия Волынского. В описи библиотеки казненного 27.06.1740 г. вельможи под номером 93 значился «Семизрал, на польском»⁸⁵. В. Тредиаковский, как

⁸⁵ С. П. Луппов, *Библиотека Артемия Волынского*, [в:] *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1978*, Ленинград 1979, с. 125.

уже упоминалось, тоже был знаком с польским текстом *Совизжала забавного и смешного*. Экземпляр одного из изданий *Совизжала* осел даже в библиотеке Александро-Невской лавры.

К сожалению, количество достоверных свидетельств о наличии польской книги о шуте-плуте в русских библиотеках или у частных лиц этим исчерпывается.

2. Владельцы печатных изданий *Похождений Совест-Драла*

Русский перевод *Совизжала*, судя по количеству переизданий, пользовался большой популярностью, а среди читателей *Похождений нового увеселительного шута* найдем представителей провинциального дворянства и аристократических кругов. Так, например, московское издание 1781 г. книги о Совест-Драле имелось в библиотеке вологодских дворян Брянциных⁸⁶. Стоит отметить, что в их библиотеке можно было найти и другие популярные приключенческие романы, например, *Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе*, а также *Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша и его сотоварищей* и тому подобные.

На экземпляре третьего издания из коллекции БАН (шифр: 1781/115) на обороте титульного листа I книги сохранилась владельческая запись почерком XVIII века (?) – «Из книг Петра Шапошникова

86 Ср.: *Каталог библиотеки вологодских дворян Брянциных (имение Покровское Грязовецкого уезда)*, сост. Н. Н. Фарутин, Вологда 2009, № 493. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.booksite.ru/usadba_new/brenko/3_62_2_p.htm

№ 22», а в конце книги на чистом листе неуклюжий рисунок пером мужской головы и карандашная запись – «читали». Тот же Петр Шапошников имел в своей библиотеке *Похождение ожившего нового увеселительного шута*, напечатанное в 1781 г. в Москве вместе с комедией *Расточитель* (она значится в его библиотеке под № 23) (БАН, 1781/115, ч. III). Экземпляр III-й части этого издания имеется также в Научной библиотеке МГУ.

На титульном листе I части четвертого издания, хранящегося в РГБ (шифр: П/85-П), сохранилась владельческая запись: «Из книг Николая Чаишева», а на форзаце читается информация, позволяющая судить, что *Похождение Совесть-Драла* не было единственной книгой («По описи № 72») в библиотеке Чаишева. К сожалению, никаких других сведений о любителе романа мы не нашли.

Книги, как известно, жили долго и передавались из рук в руки. На экземпляре третьего издания перевода *Совизжала смешного и забавного* из коллекции РГБ (Се-8°/81-П) сохранилось несколько записей конца XVIII–XIX в. Старшая из них находится на внутренней стороне переплета и гласит, что «Сия книга принадлежит Петру Шепелеву 1795 года, декабря 9 дня. Цена за оную книгу 1,80». Под записью находится красивый вензель из букв П и Ш, а еще ниже номер (№ 62) книги. По страницам 1–10 читается запись: «Сия книга Петра Шепелева». На титульном листе I части сохранилась запись «1828 года декабря 22 дня – К. А. Сок.». На нижней крышке переплета появились записи второй половины XIX в.: «Сия книга принадлежит Константину (нрзб.), 78 дом Жданова, горот Ростов 1859 года, октября 10 числа». Кто-то из владельцев, желая сделать книгу более нарядной, раскрашивал от руки все имеющиеся в книге заставки, виньетки и концовки (на титульном листе, на с. 1 и 102 текста

I части, на титульном листе и 3 с. II части). Последняя запись, датированная 8 апреля 1931 г., говорит, что книга была подарена Евгению Степановичу Толоцкому. Загадочная запись прояснилась, когда мы взяли в руки экземпляр 6 издания *Похождений Совесть-Драла* (РНБ, шифр: ИТ/98 П), на котором имеется красивый печатный экслибрис доктора технических наук, профессора Евгения Степановича Толоцкого. Инженер-кораблестроитель, главный конструктор ЦКБ «Балтсудопроект» оказался библиофилом, чье собрание книг 1801–1932 гг., приобретенное в 1961 г., находится в Отделе хранения основных фондов РГБ⁸⁷. Экземпляры третьего и шестого изданий *Похождений Совесть-Драла* из собрания Толоцкого, видимо, попали в Музей книги раньше этого года и поэтому составителями описи не учитывались.

П. И. Хотеев обратил внимание на обычай дарить книги, который «прочно укоренился в России в XVIII в.»⁸⁸ Оказывается, что *Похождения Совесть-Драла* тоже давались в качестве подарка. На одном из экземпляров издания 1798 г. из собрания РНБ сохранилась интереснейшая запись: «Подарена мне его сиятельством князем Хаванским майя 18 дни». К сожалению, владельческая подпись «Из книг А. В. [...]» неразборчива, и имени получившего этот княжеский подарок мы так и не узнали. Трудно также установить, кто из князей Хованских был дарителем книги: известно лишь, что на рубеже XVIII–XIX вв. жили князья – С. Н. Хованский

⁸⁷ Ср. информацию на сайте: <http://marc21.rsl.ru/index.php?doc=2452>

⁸⁸ П. И. Хотеев, *Об одном из видов книгораспространения в России XVIII в. (Книга как подарок)*, [в:] 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века». Ленинград, 2–4 октября 1985 г. Тезисы докладов, Ленинград 1985, с. 128.

(1767–1817) и А. Н. Хованский (1771–1857), но который из братьев упоминается в записи, узнать вряд ли удастся. Зато появление княжеского имени среди дарителей показывает, что книга о Совизжале ценилась не только незнатными или малообразованными людьми, но вращалась также в аристократической среде.

По наблюдениям И. Л. Карповой, книжка о приключениях плута Совест-Драла продавалась в Москве, и даже «академический магазин в 1774–1779 гг. не пренебрегал *Похождениями Совест-Драла* и *Историями Ваньки Каина* и *Картуша*»⁸⁹.

Более детальное изучение частных книжных собраний и библиотек, возможно, позволит выявить имена других читателей *Похождений Совест-Драла*.

Первые четыре издания *Похождений Совест-Драла* печатались без специального цензурного разрешения (во всяком случае ни в одном из них о действиях цензуры не упоминается), зато каждая из частей пятого издания (вариант А) и шестое издание снабжены соответствующей визой. Приведем последнюю из них:

Книга под названием «Похождения нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута, Совест-Драла Большаго носа» – в Санктпетербургской цензуре рассматривана, и поелику в оной не находится ничего противного данному цензорам о рассматривании книг наставлению, для того она сим к напечатанию вновь и одобряется. Ноября 20 дня 1798 года.

Коллежский советник Михаил Туманский⁹⁰.

89 И. Л. Карпова, *Газета «Московские ведомости» как источник по истории отечественного книжного дела второй половины XVIII века. Диссертация [...] кандидата исторических наук*, Москва 2009, с. 201.

90 Цит. по экземпляру БАН.

Как видим, цензоры не нашли в *Похождениях Совест-Драла* ничего предосудительного и разрешили к печати. Но книга о шуте-плуте Совест-Драле вызывала и другие эмоции.

3. Критические отзывы о *Похождениях Совест-Драла* и попытки творческого восприятия романа

Реакция «людей тонкого вкуса»⁹¹ на *Похождения Совест-Драла* была явно враждебной. Они, в отличие от цензоров, не находили в книге ничего достойного. Критически относились к книжкам подобного типа писатели, связанные с промасонским журналом «Беседующий гражданин» (1789), который был основан М. И. Антоновским⁹². В Предуведомлении к *Новейшему повествовательному землеописанию всех четырех частей света*, составленному под руководством того же Антоновского читаем между прочим:

За несколько лет пред сим, издавая в свет ежемесячное издание под названием «Беседующий гражданин» и помещая в оное главнейших трех родов сочинения и переводы, нравоучительные, исторические и касающиеся до изящных наук, с тем единственно намерением, дабы узнать вкус народный, и к которому наиболее оный из сих трех родов склонен, к несказанному обрадованию нашему, увидели мы и удостоверились опытом, что,

91 Выражение, заимствованное из отзыва «Санктпетербургского вестника» (1778, часть 2, сентябрь, с. 228) на книгу *Италиянский Езоп*, приводит Г. А. Космолинская в своей монографии: *Русский Бертольдо. Судьба итальянского комического романа в России XVIII века: рукописи, издания, читатели*, Москва 2011, с. 110–111.

92 См.: В. Э. Вацуро, *АНТОНОВСКИЙ Михаил Иванович*, [в:] *Словарь русских писателей XVIII века*, отв. ред. А. М. Панченко, вып. 1: *А–И*, Ленинград 1988, с. 35–37.

во опровержение тех обидных для российского народа мнений, якобы оный больше влечения имел к чтению поглощающих ум и благонравие растлевающих книг, каковы Фоблазы, Гостинные сыны, два Турка, Родственники Магометовы, новья Элоизы, Кандиды, Вертеры, Поизмятые розы, **Совестьдралы**, глупые и невкусные площадные сказки о Бовах и Ерусланах и сим подобных, во опровержение говорим толь обидных мнений, российский народ наиглавнейшее имеет устремление к чтению отечественного, а купно и других народов, землеописания и истории, яко первоначального источника просвещения и вернейшей указательницы прямого пути ко всем прочим полезным для рода человеческого познаниям – прилепление, делающее величайшую честь сердцам и умам российского народа⁹³.

Читательской популярности *Эйленшпигеля* / *Совизжала* во всех странах сопутствовали попытки творческого использования текста романа. Композиция плутовской биографии Эйленшпигеля, построенной по кумулятивному принципу, сама подсказывала формы освоения. Теоретически возможно было как расширение текста за счет новых эпизодов, так и вторичное его расчленение на мелкие повествовательные единицы типа шванка, фацеции и использование их в качестве «кирпичиков» для постройки новых произведений, а также усвоение жанровых особенностей названных произведений.

В. Шкловский считает, например, что М. Д. Чулков мог использовать текст романа о Совизжале в своем *Пересмешнике*. По его мнению «рождение и крещение Чулковского героя напоминают крещение Уленшпигеля (он же Совестдрал)»⁹⁴.

93 *Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света с присовокуплением самого древнего учения о сфере*, Санкт-Петербург 1795, с. IX.

94 В. Шкловский, *Чулков...*, с. 106.

Исследователь имеет в виду следующий фрагмент его биографии:

Благодаря больше природе за рождение мое, нежели жалуясь на судьбину за похищение жены, родитель мой меня окрестил на шестой неделе после появления моего на свет. Как в ту пору я был ни мал, однако имел столько смысла, как сказывают, чтоб ударить бабку в щеку, которая готовясь нести меня в церкву, напилась допьяна, и когда священник рассердись за сие кричал на нее; то я, как будто бы смысля его слова, в самое то время ударил ее правою рукою в левую щеку, отчего все люди пришли в удивление и смеялись столько, сколько можно в церкви⁹⁵.

Если предположение Шкловского верно, то либо Чулков знал польский текст *Совизжала* по пересказам, либо (как мы полагаем) перевод появился в свет до выхода двух первых частей *Пересмешника* в 1766 г.

Следы знакомства с плутовским романом о Совесть-Драле исследователь обнаруживает также в анонимном романе о Ваньке Каине. «Образ Ваньки Каина, – пишет Шкловский, – в отдельных частностях своего литературного бытия цитирует некоторые места *Приключений Совесть-Драла*»⁹⁶.

Автор *Сказки о Вавиле купеческом сыне*, вошедшей в сборник *Старая погудка на новый лад*, использовал, в свою очередь, похождение шестое *Что спящему Совесть-Дралу в улье приключилось*. Вавила, подобно Совесть-Дралу, забирается ночью в пчелиный улей, а когда воры пытаются унести улей, он дергает то одного, то другого за волосы, доводя до их до драки. В результате воры

95 Цит. по: М. Д. Чулков, *Пересмешник*, сост., подгот. текстов, послесл. и примеч. В. П. Степанова, Москва 1987, с. 12.

96 В. Шкловский, *Матвей Комаров...*, с. 64.

бросают улей, а Вавила спокойно спит в нем до самого утра⁹⁷.

Еще одним писателем, в творчестве которого исследователи находят следы влияния плутовского романа вообще и *Похождений Совесть-Драла* в частности, был В. Т. Нарежный, издавший в 1814 г. роман *Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова*⁹⁸.

В XIX в. роман о Совесть-Драле уже не переиздавался, но, видимо, все еще охотно читался. В библиотеке А. Смирдина, судя по описи 1828 г., было первое из известных нам в настоящее время издание *Похождений Совесть-Драла*⁹⁹. Отзывов любителей романа нам не встречалось: видимо, они принадлежали к разряду читающих, но не пишущих. Зато сохранилось довольно много высказываний людей пера как о самом романе, так и о его герое. Все виднейшие писатели того времени видели в *Похождениях Совесть-Драла* образец низовой, массовой литературы.

И так, например, А. С. Пушкин в статье *Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов*, опубликованной в «Телескопе», 1831 г., № 13 за подписью: Феофилакт Косичкин, высмеивает Булгарина и московского писателя А. Н. Орлова. Иронизируя над творческой манерой Булгарина и Орлова, поэт пишет:

97 Ср.: *Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок*, ч. II, Москва 1795, с. 24–32.

98 Ср., например: H. Mazurek-Wita, *Powieści Wasyła Nareżnego na tle prozy satyryczno-obyczajowej XVIII – początku XIX wieku*, Wrocław 1978 и Л. И. Рублева, *Романы В. Т. Нарежного: традиции и новаторство*, Москва 2002.

99 Ср.: А. Смирдин, *Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная, в 4-х частях*, № 9246, Санкт-Петербург 1828.

Фаддей Венедиктович гений; ибо изобрел имя *Выжигина* и сим смелым нововведением оживил пошлые подражания «Совестдралу» и «Английскому милорду»; Александр Анфимович искусно воспользовался изобретением г. Булгарина и извлек из одного бесконечно разнообразнейшие эффекты!¹⁰⁰

Отношение В. Г. Белинского и других критиков к беллетристике, понимаемой как «легкое чтение», противопоставляемое «серьезной литературе» (а *Похождения Совест-Драла* безоговорочно в эту категорию попадали), тоже было открыто неодобрительным. Поэтому если критик хотел скомпрометировать какого-нибудь писателя, то сравнивал его сочинение с книжкой о нашем шутильщике. Так, например, в статье *Русская литература в 1843 году* он писал:

Бывало, выйдет сатирический роман с походом какого-нибудь пройдохи, **вроде известных походов Совестдрала-Большого-Носа**, – роман, в котором уже самые имена действующих лиц – *Ухорезовы, Надуваловы, Шлюхины, Правосудовы, Беспристрастные, Бескорыстные, Миловидины, Правдолюбовы* и т. п. обнаруживали нравственную мысль сочинителя, – и что же? – самый отъявленный взяточник, самый бесчестный казнокрад, самый отчаянный шулер читал этот роман с удовольствием и везде расхваливал его вслух, говоря: «Какой славный слог! во всем чистейшая нравственность; добродетель торжествует, порок наказан – чего же больше? чудесный роман!»¹⁰¹.

Тогда же С. Т. Аксаков в письме П. А. Плетневу, имея в виду О. Сенковского (Sękowski), печатав-

100 А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10 т.*, т. 7: *Критика и публицистика*, Ленинград 1978, с. 172.

101 В. Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, т. 8: *Статьи и рецензии 1843–1845*, Москва 1955, с. 84–85.

шегося также под псевдонимом Барон Брамбеус, напишет:

Я слышал, что вы печатаете какое-то его сочинение, в котором также много подобных **несообразностей: книга еще не вышла, а неблагоприятные слухи уже бродят по всей России, и уже ваш литературный совестьдрал, Барон Брамбеус, торжественно объявил, что Гомер впал в мистицизм**¹⁰².

А в письме К. С. Аксакову от 15 августа 1838 г. Совестьдралом назовет профессора Московского университета и цензора – Ивана Михайловича Снегирева (1793–1868).

10-го числа я вступил в должность мою и уже сделал приемный экзамен, на котором подвизался со мною Виссарион [...] Я им очень остался доволен; он может быть весьма не рядовым преподавателем. Он кланяется тебе; спросил об адресе твоём и хотел писать. Ему дали другого цензора – Совестьдрала [...] Вероятно с приказанием давить медленностью и всякими прижимками¹⁰³.

И еще один пример. Н. А. Некрасов в рецензии на периодическое издание *Воскресные посиделки. Книжка для доброго народа. Третий и четвертый пяток* (Санкт-Петербург 1844), напечатанной в «Литературной газете» (1844, 6 июля, № 26, с. 448–449), иронически замечает, что эта книжка появляется в печати лишь потому, что находит читателей, и добавляет:

[...] много на Руси расходуется ежегодно «Английского милорда Георга», «Старика весельчака, рассказывающего

102 С. Т. Аксаков, *История моего знакомства с Гоголем*, изд. подгот. Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова, Москва 1960, с. 160.

103 Цит. по: *Литературное наследство*, т. 56, Москва 1950, с. 116.

давние московские были», «**Совестдрала Большого носа**», «Грошовых мертвецов», – отчего ж не расходиться и «Воскресным посиделкам»?

Разве они не то же в своем роде, что и все исчисленные нами книги? Велика Русь, и много в ней людей, которые, что ни дай им, все будут читать, была бы только «книжка» не с белыми страницами, а четко испещренная буквами, из которых «всегда что-нибудь выйдет»¹⁰⁴.

В рецензии Некрасова есть одно важное замечание: книжки, подобные *Похождениям Совест-Драла*, все еще находят читателей.

Интересный след рецепции романа о Совест-Драле Большом Носе находим в историческом романе М. Н. Загоскина *Искуситель* (1838). В третьей главе I части романа, озаглавленной *Ярмарка*, рассказывается о посещении героем ярмарки в провинциальном городе. Он становится свидетелем разговоров покупателей с книгопродавцом: «молодая дама с томными голубыми глазами» выбирает *Мальчика у ручья* Августа фон Коцебу и *Бианку Капеллу* Августа Готлиба Мейснера, кто-то запрашивает *Удольфские таинства* Анны Радклиф, «растрепанный франт» спрашивает: «Что последняя цена *Моим безделкам?*». Внимание героя привлекает еще один покупатель, который, как оказывается, хорошо знаком с книгопродавцом:

– Позвольте, позвольте! – прохрипел, расталкивая направо и налево толпу покупщиков, небольшого роста краснолицый и круглый, как шар, весельчак, в плисовом полевом чекмене и кожаном картузе.

– Здорово, приятель! – продолжал он, продравшись к прилавку. – Ну что? Как торг идет?

– Слава Богу, сударь!

– А знаешь ли, братец? Ведь я хочу с тобой ругаться.

104 Н. А. Некрасов, *Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах*, т. 11, кн. 1: *Критика. Публицистика* (1840–1849), Ленинград 1989, с. 178.

– За что-с?

– Что ты мне третьего дня продал за книги такие? «Житие Клевеланда», я думал и Бог знает что, ан вышло дрянь, скука смертная: какие-то острова да пещеры, гиль, да и только! **Вот вчера, спасибо, друг, потешил, продал книжку! Сегодня я читал ее вместе с женою – так и помирали со смеху, ну уж этот Совестдрал Большой Нос! Ах, черт возьми – какие бадяги корчит! Продувной малый!**

– Да-с, книга веселая-с!

– Дай-ка мне, братец! Говорят, также больно хороша «Странные приключения русского дворянина Димитрия Мунгушкина»¹⁰⁵.

Легко заметить, что весельчак оказывается любителем приключенческих романов: неслучайно он желает приобрести еще сочинение анонимного русского автора *Странные приключения Дмитрия Магушкина, российского дворянина*, опубликованное в 1796 г. Загоскин, рисуя портреты уездных любителей литературы рубежа XVIII–XIX вв., хорошо показал различие читательских ожиданий и умение книготорговцев удовлетворять запросы каждого из них, находить книги на вкус экзальтированных барышень и мечтательных щеголей, а также поклонников Совест-Драловых походов. Если сопоставим картину жизни уездного дворянства из романа Загоскина с описью библиотеки дворян Брянчаниновых, то увидим, что писатель нарисовал ее очень верно.

И другой пример. Характеризуя умственный кругозор титулярного советника Невежина, А. Измайлов в сатирических *Ведомостях* от ноября 1822 г. описал состав библиотеки покойного дворянина, в которой, наряду со сказками и переводными романами ужасов, в разделе русские романы оказались также *Похождения Совест-Драла*:

105 М. Н. Загоскин, *Искуситель*, [в:] его же, *Собрание сочинений*, т. 9, Санкт-Петербург–Москва 1901, с. 39.

Разыгрывается в лотерею оставшаяся по смерти... помещика титулярного советника Невежина библиотека, состоящая из десяти главных выигрышей, а именно: 1) *Азбучные игрушки, разные азбуки, Детские наставки, Драгоценные и бесценные подарки детям, содержащие в себе полное собрание многообразных предметов, касающихся до воспитания и образования юношества, также краткое понятие о разных науках и художествах, как то: о математике, философии, космографии, статистике, навигации, коммерции, медицине, истории вообще, истории российской, грамматике российской, риторике, поэзии, мифологии, архитектуре, живописи, скульптуре и музыке – с присовокуплением описания семи чудес света, способа приготовить чернила и т. п.*; 2) старинные русские сказки о *Бове королевиче* и о прекрасной королевне *Милитрисе Кирбитьевне*, *О Иванушке дурачке*, *О некоем купце* и о *приказчике* и пр., и пр. с картинками лубочной гравировки; 3) романы славнейшей английской писательницы г-жи Радклиф и прочих новейших сочинителей с ужаснейшими заглавиями, например: *Гробницы, Мертвецы, Пещеры смерти, Подземелья, Разбойники, Колокола аббатств, Таинства башен, лесов* и т. п.; 4) романы российских писателей, как то *Непостоянная фортуна, или похождения Мирамонда, Бессчастный Флоридор, Несчастный Никанор, или приключения российского дворянина, Эмилия, или следствие безрассудной любви, Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества* (соч. российского Теньера 1-го), ***Похождения Совестьдрала***, *Российская Памела, Русский Жилблаз* (соч. российского Теньера 2-го) и пр.; 5) истории: *История о Евдоне и Берфе* и о славном французском разбойнике *Барбароссе* (! так – Э. М.), *История славного вора и сыщика Ваньки Каина и товарища его Картуша, Повесть о Наполеоне Бонапарте* и пр.; 6) разные забавные и назидательные сочинения, как то: *Не любо, не слушай, а лгать не мешай, Феатр чрезвычайных происшествий, или анекдоты о разных шутах и мошенниках*, и пр.; 7) разные гадательные сочинения, к пользе и увеселению служащие, например: *Сорок таинств природы, или открытие чрезвычайных и удивительных фокусов, Сонник полный и подробный с истолкованием и объяснением каждого сна, Оракул*,

Астролог, Наука гадать на картах и т. п.; 8) *Новейшие, полные, избранные песенники, Российские Эраты* и пр.; 9) собрание драматических сочинений: трагедий, комедий, драм и опер, из которых ни одна еще ни на одном театре не была представлена, всего вообще 333 пиесы; 10) смесь, как то: разные мелкие стихотворения, напечатанные особо, письма к друзьям, панегирики благодетелям, разрозненные нумера журналов и газет, старые календари и пр., и пр. Билеты по 25 к. каждый, можно получить у всех букенистов¹⁰⁶.

Этим исчерпываются известные в настоящее время отклики на популярный роман, но надеемся, что публикация текста перевода позволит в будущем наши наблюдения дополнить и уточнить.

¹⁰⁶ А. Е. Измайлов, *Сочинения в 2 т.*, т. 2, Санкт-Петербург 1849, с. 612–614.

Глава VIII

Похождение ожившего Совест-Драла Большого Носа

В Польше, как известно, *Совизжал забавный и смешной* стал патроном целого цеха плебейских писателей, которые то подстраивались под повествовательную манеру романа, то заимствовали из него мотивы и сюжеты и, главное, усваивали тот тип юмора и сатиры, который неразрывно связывался с его именем. Некоторые из них (Ян Совизжал, Януариус Совизралиус) имя Совизжала использовали в качестве псевдонимов, а все стали называться «новыми Совизжалами» (ср. также издания *Nowy Sowiżrzał* (1596), *Nowy Sowiżrzał abo raczej Nowyżrzał* (б. г.), *Sowiżrzał nowy abo raczej Nowyżrzał* (1614), *Fraszki Sowiżrzała nowego* (1614), *Fraszki nowe Sowiżrzałowe* (1615), *Minucje nowe Sowiżrzałowe* (б. г.), хотя уже отказывались от злоупотребления скатологическим юмором, который в ренессансной Польше стал считаться признаком плохого тона:

Autorzy tzw. literatury sowiżrzałskiej, – как отметили Гжеськовяк и Кизик, – z jednej strony wskazywali patrona, któremu zawdzięczali prześmiewczą postawę wobec

ustalonego porządku społecznego, z drugiej jednoznacznie odcinali się od jego metod, wśród których poczesne miejsce zajmował humor skatologiczny, obecnie uznawany za nieprzyzwoity i niegodny naśladownictwa¹⁰⁷.

В России, как мы уже упоминали, некоторые сюжеты из *Совизжала забавного и смешного* попали в рукописную литературу (ср. жарты *О господине с курioзным, Как шут землю в Польше купил*), но попытка создать своего «нового Совизжала» была предпринята только после появления частичного перевода *Совизжала смешного и забавного*, т. е. во второй половине XVIII в.

Как бы подхватывая мысль В. А. Левшина, который, переводя для серии *Библиотека немецких романов* сокращение немецкого *Эйленшпигеля*¹⁰⁸, писал, что «каждый народ имеет своего Совяззеркала», Сенатская типография в Москве выпускает в 1781 г. книжечку *Похождение ожившего нового увеселительного шута и великого в любовных делах плута Совест-Драла Большого Носа*¹⁰⁹. На титульном листе *Похождение ожившего шута* обозначено как часть третья *Похождений Совест-Драла*, но отсутствует указание на источник текста, что должно было, по-видимому, служить сигналом для читателей, что герой, о котором в ней рассказы-

107 R. Grześkowiak, E. Kizik, *Z dziejów recepcji „Sowiżrzala” i jego skatologicznego humoru*, электронный ресурс: http://staropolska.pl/renesans/opracowania/Sowizrzal_1.html#f38

108 Ср.: Удивительная и редкая история Тила Совяззеркала, крестьянского сына родом из земли брауншвейгской, [в:] *Библиотека немецких романов*. Переведена с берлинского 1778 года издания В. Левшиным, ч. II, Москва 1780, с. 155–170. Переиздано в: *Разыскания*, с. 283–287.

109 *Похождение ожившего нового увеселительного шута и великого в любовных делах плута, Совест-Драла Большого Носа*, часть третья. Печатано в Москве 1781 года.

вается, тот же Совесть-Драл, но рассказ о нем сочинен русским автором¹¹⁰.

И в самом деле, *Похождение ожившего Совесть-Драла* не имеет никаких соответствий в польском оригинале и является исключительно плодом фантазии русского автора (есть, как нам кажется, основания отождествлять его с переводчиком двух первых частей романа¹¹¹), решившего оживить получившего читательское признание героя. Оживший Совесть-Драл такой же бесцеремонный шут и обманщик, так же охоч к шутке и на худое «столь же пометчив, искусен и проворен», как и герой двух первых книг, но на этот раз все его шутки связаны исключительно с утолением голода и похоти.

В. Шкловский справедливо заметил, что «при успехе книги часто пытаются развернуть ее основную тему», например, объявить ее частью трилогии. И добавил:

Удачливые герои, удачливые в смысле литературного успеха, трудно умирают, потому что без них трудно сохранить фабульное единство произведения. [...]

При фабульном продолжении произведений приходилось воскрешать героя. Так, например, в «Похождениях нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совесть-Драла Большого Носа» [...] Совесть-Драл умирает во второй части. [...] Для

110 Во всех работах, в которых упоминается русский перевод *Совизжала забавного и смешного*, *Похождение ожившего Совесть-Драла* рассматривается как часть перевода польского текста. Недоразумение вызвано тем, что в XVIII в. оно обозначалось издателями как продолжение двух первых частей перевода *Совизжала*. На несостоятельность такого подхода мы уже обращали внимание в более ранних публикациях.

111 Отметим, что в первых частях перевода большинство сюжетных амплификаций предвещало появление продолжения романа о влюбчивом Совесть-Драле Большом Носе.

возможности издать третью часть составителю книги пришлось немало потратить остроумия¹¹².

Похождение ожившего [...] Совесть-Драла Большого Носа открывается балагурным вступлением, в котором автор так оправдывается перед читателем:

Правда, что в конце второй части о похоронах проказника есть некоторой род тайной заковычки; однако все безделья, дай лишь только время, а за то, что не нарочно я сказал правду, открою всем ныне сокрытую тайну.

Не чудо ли сие, что мертвый Совесть-Драл
По свету белому опять проказить стал.
Есть чудо, скажет всяк, да чудо и не в мале,
Не чудом будет все, читай листы подале¹¹³.

Травестируя патетический тон классицистов, беседу с читателем о своем герое начинает следующими стихами:

Умолкни всяк и глас вниманием прерви,
А ты, о Совесть-Драл, из мертвых оживи!
Кто хитрости твоей последния не знает,
Тот мертвецом тебя и ныне почитает.
Узнают ону все, ты будешь не мертвец,
А будешь, как и был, живой еще плутец. (с. 5)

За предисловием (которое, впрочем, в первом (1781 г.) и в последнем (1798 г.) изданиях не имеет особого заглавия¹¹⁴) следует *Похождение 1: Каким образом Совесть-Драл умер и не умер*, в котором

112 В. Шкловский, *Матвей Комаров...*, с. 279.

113 *Похождение ожившего нового увеселительного шута и великого в любовных делах плута, Совесть-Драла Большого Носа*, Москва 1781, с. 2–3. Далее все цитаты из *Похождений ожившего Совесть-Драла* приводятся по этому же изданию с указанием соответствующей страницы в тексте.

114 П. Н. Берков назвал это предисловие крайне бестолковым. Ср.: П. Н. Берков, *Русско-польские...*, с. 81.

автор опровергает информацию о смерти героя, говоря, что «по сказкам это правда, а в самом деле пустяки», и доказывает, что Совест-Драл лишь притворялся больным, и хотя его смерть «в хитрых похоронах представлена была народу как новая трагедия», то он все еще живет. Мало того: он уверяет читателя, что вопреки тому, что говорилось в 19 походе II части, он и стариком вовсе не был, а «лет он был не больше тридцати пяти».

Оживший Совест-Драл во многом напоминает героя двух первых частей *Похождений*: он такой же бесцеремонный плут и обманщик, так же охоч к шутке и, как пишет сотворивший его русский автор, на худое «столь пометчив, искусен и проворен, что и сам сатана ему завидовал». Однако в отличие от своего западноевропейского тезки, он одержан лишь одной страстью, так как

склонность его больше всего простиралась к любовным делам, а без любовницы он пробыть не мог, как без воды рыба и без воздуха птица: но как рыба воду, а птицы воздушные места переменяют, то и он в любовных делах последовал сим тварям. (с. 6–7)

Таким образом, страсть к любовным похождениям, которой наделил Совест-Драла русский переводчик-адаптатор в первых частях, теперь становится ведущей чертой характера героя. и если оживший Совест-Драл кому-либо насолил, над кем-то посмеялся, то не столько из-за любви к шутке (даже грубой), сколько из-за жгучей необходимости овладеть очередным предметом своих воздыханий. Рассказчик, обращаясь к читателю, скажет:

Кто читал третьей Совест-Драла похождения части начало, тот коли не беспамятен, то знает, что сей проказник ни к чему больше не имел охоты, как поволочиться, полюбить, подбить, потаскаться, поамуриться,

посвататься, подмигнуть, подкивнуть, помахнуть, и подарить десятерым по черной ленточке, уверив притом, та-то и милее, что с черною лентою. (с. 61)

Новая биография Совест-Драла-волокиты довольно богата. Читатель узнает, что у него была жена, которая умерла в тот момент, когда в ее руки попала книжка об ожившем Совест-Драле. Тот, разумеется, ничуть не скорбел о потере, так как в скором времени влюбился в дочь некоего дворянина и «все свои мысли истощил на выдумки, каким бы средством получить желаемое». Он пускает в ход все свои таланты и, стараясь развеселить свою возлюбленную, то надевает одежду шута и смеется над своим носом, который «был так прекрасен, как пушкарский кафтан», то хочет «как пан Твердовский, шляхтич польский, [...] дать на себя черту подписку» (с. 229), лишь бы тот помог ему получить взаимность. На выручку влюбленному Совест-Дралу приходит старуха-сводня, с помощью которой он добивается желаемого и живет в полном благополучии до тех пор, пока родители не заметили «в девке возрастающую тягость» (с. 232) и не приказали своим слугам лишить Совест-Драла жизни. Но и на этот раз Совест-Драл спасается, прибегая к хитрой уловке: с помощью плебана, который, как сообщает рассказчик, «в любовных делах весьма сходствовал с его (т. е. Совест-Драла – Э. М.) мыслями», во второй раз на своем веку устраивает свою мнимую смерть и похороны, после чего без малейших угрызений совести крадет у благодетеля мешок с деньгами¹¹⁵, оставляя ему в обмен следующее стихотворное послание:

Отец наставник!
Почтенный, о плебан! Меня ты хоронил,

¹¹⁵ Здесь обыгрывается известный сюжет «Господь вознесся». Ср.: СУС: 1341В и Ук. I, с. 313–316.

И в землю опустил, я под землею гнил.
И если б ты погреб меня не у костела,
То б не осталось ни малой части тела,
Рассыпался бы весь телесный мой состав:
Твоей молитвою я ныне паки здоров.
[...]
Прости, драгой отец! Тебя я покидаю.
В разлуке быв со мной, кухаркой веселись,
Со мной навек, навек со мной простиись! (с. 21)

В следующих главах рассказывается о том, как Совесть-Драл, назвавшийся бароном де Назе, завел дружбу с маркизом Бонивалом, которому принес известие о смерти его брата Жуана, а потом хитро воспользовался его расположением и любовью, лишая своего нового приятеля его преданнейшей любовницы и значительной части семейных сокровищ. В пятой главе знакомимся с новыми приключениями нашего героя, влюбившегося на этот раз в молодую жену старого купца. Совесть-Дралу удастся с помощью кухарки одурачить старика, который поверил, что в его доме завелись черти, и вскоре сошел с ума, оставив обманщику свою жену и все накопленное им богатство¹¹⁶. Некоторые сюжетные ходы этой главы, например, подмена запертого в житнице любовника козлом и последующая компрометация старого мужа перед родственниками жены, могли быть подсказаны рассказами *О старом муже* (он известен по рукописному сборнику РНБ, собр. Погодина, № 1777) или *О жене, обманувшей своего мужа из Веселого и шутивого Меландра*¹¹⁷.

116 Ср. новеллу *Дьявол и отчаянный любовник* из *Пересмешника* М. Д. Чулкова.

117 Текст последнего опубликован в: *Опыт*, с. 60–62. Там же характеристика сюжета «Жена подменяет любовника козлом». Козел, как известно, издавна был воплощением сексуальности и – в сниженном виде – похотливости, а дьявол изображался с козлиным копытом.

Однако супружеское счастье барона де Назе не было продолжительным. Молодая его супруга, которая при жизни первого мужа не осмеливалась переступить порог своего дома, теперь возлюбила светскую жизнь и по законам светского обхождения вскоре нашла себе любовника из офицеров. Барон де Назе, не желая оставаться в долгу, соблазняет сестру офицера и, запасшись своевременно капиталом супруги, уезжает в другой город с твердым намерением вести спокойный образ жизни. Вскоре, однако, проигрывает в карты все награбленные деньги и решает вернуться к жене, но раскаяние приходит слишком поздно, так как к этому времени его супруга успела умереть в полной нищете в одном из монастырей.

Таким образом Совесть-Драл снова остался без жены и без средств к жизни. Поскольку голод терзал его все сильнее, то он решил найти себе занятие, разумеется, не слишком утомительное, которое позволило бы ему сносно жить. И так Совесть-Драл становится стихотворцем, рифмоплетом, пишущим по заказу различные «билетцы, потом элегийки, а напоследок о разных материях стишки»¹¹⁸. А как «стихоплетатели и комедианты на пирушках часто бывают вместе, то и Совесть-Дралу случилось обедать в шайке комедиантов, с ними познакомиться и себя отрекомендовать» (с. 100). Он пишет для них стихотворные объявления, а через некоторое время сам становится актером. Во время «пирушки», устроенной Совесть-Дралом для своих новых друзей по труппе, он приглянулся одной весьма краси-

118 «Стихи на случай» сочиняли многие писатели XVIII в., «поздравления в стихах [...] по заказу купцов за небольшую плату или подарок» писал, например, Рубан (ср.: С. И. Николаев, *РУБАН Василий Григорьевич*, [в:] *Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 3: *Р–Я*, Санкт-Петербург 2010, с. 71). Автор *Похождения ожившего Совесть-Драла*, несомненно, знал об этом, а может и сам получал подобные заказы.

вой комедиантке, которой, как позже выяснилось, была его давнишняя любовница – Лиза. Она не перестала любить Совесть-Драла и предложила ему восстановить прежние отношения. Перед трупной новые любовники разыграли трогательную сцену узнавания сестрой своего якобы погибшего брата и с тех пор могли встречаться наедине, не вызывая никаких подозрений.

Рассказ о возобновлении отношений Совесть-Драла с Лизой прерывается сообщением, что «на другой день представлена была на польском языке комедия *Расточитель*, которая состоит в нижеследующих действиях» (с. 104). Приведя текст разыгранной актерами комедии в переводе А. Апухтина (с. 104–250), повествователь возвращается к прерванному рассказу о Совесть-Драле, сообщая, что герой

сделавшись из бедняка богатым любовником, не мог далее преодолевать и скрывать природных своих склонностей. Он начал щеголять, играть в карты, в кости, пить, гулять и принадлежащим Лизе ссужаться с другими, от чего начал опасаться худых следствий. Потом собрал все свое имение, а к тому несколько и чужого, никому не сказываясь, выехал из города и где скрылся, неизвестно. (с. 257–258)

Так кончается рассказ о похождениях ожившего Совесть-Драла. Однако замысел завершения романа об «ожившем» Совесть-Драле остался не реализованным. Открытый финал восьмой главы давал еще надежду на продолжение рассказа о неунывающем герое, однако по неизвестным нам причинам новые похождения не были написаны¹¹⁹. Кстати, это далеко не единственное произве-

119 В третьем издании *Похождений ожившего Совесть-Драла* повествование тоже обрывается на 8 главе, хотя на титульном листе издатель обещал напечатать 20 «похождений».

дение XVIII в. без окончания. То же можно сказать о *Пригожей поварихе* М. Д. Чулкова, печатное издание которой:

помечено как «часть 1-я» и действие ее, – как пишет В. П. Степанов, – обрывается крайне неожиданно; читателю остается не ясно, умирает Ахаль, или его приготовления к смерти и траурное убранство комнаты всего лишь хитрая уловка, чтобы заманить к себе в дом Марто-ну и Свидаля. Поэтика же плутовского романа не терпит недоговоренностей¹²⁰.

Автор *Похождений ожившего Совест-Драла* больше не обязан следовать за чужим текстом, он располагает большей свободой в выборе способа повествования и стиля. Одно, с чем он, при желании сохранить относительное единство произведения, вынужден считаться, – это концепция главного героя. Анонимный автор *Похождений ожившего Совест-Драла* понимал это хорошо. Благодаря этому ни один поступок «ожившего» Совест-Драла не является чем-то неожиданным. Он, как подобает герою плутовского романа, стремится к земному благополучию, не заботясь ни-сколько о моральной стороне своего поведения. Кстати, автор, который нередко позволяет себе легкую шутку над своим детищем, тоже его не осуждает, а скорее любит его ловкостью, умением выходить победителем из самых затруднительных положений. Ведь плутовской роман не принимает на себя никакой учительной роли. Он служит развлечению, увеселению, а не утверждению добродетелей, и в этом плане противостоит как дворянскому классицизму с его теорией государственной пользы, так и сентиментализму с его идеализацией чувствительных сердец.

¹²⁰ В. П. Степанов, *Об авторе «Пересмешиника»*, [в:] М. Д. Чулков, *Пересмешиник...*, с. 345

Впрочем, в тексте найдем и явную пародию на сентиментальную поэтику. Трагическая история Лилии и Жуана, включенная в третью и четвертую главы *Похождений ожившего Совесть-Драла*, рассказана так, что читатель волей-неволей смеется над несчастными любовниками: их чувства выглядят неестественными, смерть Жуана – ненужной и надуманной. Столкновение двух поэтик особенно ощутимо в описании сцены встречи Совесть-Драла (барона де Назе) с Лилией, которой он передает предсмертное письмо Жуана.

С неописанным стремлением развернула его любопытная Лилия, но лишь вперила взор свой к совершенному исполнению своих желаний, то вдруг в перемене лица и в прежалостнейшем виде вскричала:

– Ах!.. возможно ль!.. О! судьба! какая весть!.. Увы! дражайший Жуан.

И впала в обморок. Барон вскричал, и сбежались ее горничные девушки, а как господин де Назе играл тогда роль особы почтенной, то по его совету графиню положили в постель и едва могли оживить спиртом. Очувствовавшаяся графиня нашла близ себя воздыхающего барона, который, сидя у ее кровати в креслах и выслав из спальни всех, начал говорить. (с. 41)

Здесь налицо все элементы сентиментального стиля: но наряду с карамзинским «аханьем» и «оханьем», в повествование то и дело вторгаются просторечные выражения, а рассказчик и Совесть-Драл относятся к Жуану и Лилии с явной иронией, что в пределах сентиментальной «чувствительной» повести, разумеется, совершенно недопустимо. Решительное отрицание сентиментальной слащавости слога и другие образно-стилистические решения автора русского *Совесть-Драла* напоминают прозу М. Д. Чулкова.

Еще одной отличительной чертой повествовательной манеры автора *Похождений ожившего Совесть-Драла* является сочетание прибаутчного

склада речи с античными реминисценциями. Почти на каждой странице его сочинения можно отыскать такие, как эти, рифмованные строки: «Барон де Назе – плут над плутами, а о матушке Лизеньке судите вы сами» (с. 55–56), «Он калмыцкого был рождения, а сказать без стоп, был калмыцкий поп, которого уже нет. Он им произведен на свет, глупец, скупец, он же и купец.» (с. 60–61), «Девка на рынок бегом, а дождик полил ведром» (с. 68). «Детине вздумать, как блинок скушать» (с. 13). А рядом с ними появляются иронические сравнения служанки старого купца с троянкой (с. 66), и Меркурием («Совест-Драл [...] чрез того ж Меркурия узнал»), Совест-Драл и Лиза названы пленниками Венеры («новосвидевшиеся наши Венерины пленники проспали до обеда») и т. д., и т. п.

В тексте *Похождений ожившего Совест-Драла* находим также множество пословиц и поговорок, которые вводятся в качестве оценочных формулировок, подкрепляющих авторскую позицию, для разъяснения поступков героев и т. п. В четвертой главе, например, рассказчик говорит, что «Совест-Драл родился шутом, взрос мошенником, ворочается обманщиком, а с чем опять умрет, не знаю, хоть и говорят старые: *Каков в колыбельку, таков и в могилку*» (с. 52). В другом месте, рассказывая о доверии маркиза Бонивала к обокравшему его Совест-Дралу, добавляет: «Не мимо ж говорится, что *простота хуже воровства*» (с. 55). Здесь мы найдем еще такие пословицы: *Филат тому и рад* (с. 87), *воля [...] добру жену портит* (с. 92), *Рыбак рыбака далеко в плесе видит* (с. 92), *Кто кого смога, тот того в рога* (с. 93), *Жену надобно любить как душу, а трясти как грушу* (с. 93), *в чужом глазе видим сучок, а в своем хоть бревно торчит, то не чувствуем* (с. 94), *Тише едешь, дальше будешь* (с. 4), *повадится кувшин по воду ходить, тут ему и голову положить* (с. 5), *а ты, Макавей,*

поговей (с. 16), пилось бы да елось, а дело на ум не шло (с. 28) и т. п., и т. д.

Есть в *Похождении ожившего Совесть-Драла* места, свидетельствующие о враждебном отношении автора к поэтике классицизма. Он любит прибегать к мифологическим сравнениям, однако применяет их по «ироикомическому» принципу. Так построено, к примеру, забавное четверостишие, посвященное встрече Совесть-Драла со служанкой старого купца, названной им троянкой, «для того, что имела тройные губы да и незакрытые кривые черные зубы».

Настал желанный час и уже она из врат своих течет
На рынок за крупой, при том и за мукою,
Кулечек на плече искривленном влечет
И тащит два мешка запачанной рукою. (с. 66)

Комический эффект вызван здесь несоответствием между предметом и формой изображения, контрастом высокого, возвышенного и сугубо бытового, низкого. В другом месте так описывается «побег» Совесть-Драла из «костельной тюрьмы»:

Как скоро лишь Совесть-Драл вырвался из костельной тюрьмы, то немедленно бросился к наполненному золотом мешку, и, подбежав к оному, как Еней своему отцу, говорил следующее:

– Ну, мой драгой мешок, садись ко мне на шею.
Я подогну плечо, и труд сей снести умею! (с. 21)

Похождение ожившего Совесть-Драла адресовано читателю, хорошо знакомому с рукописной и печатной «неполезной» книгой. В сочинении русского автора много аллюзий и намеков, отсылающих к популярным анекдотическим мотивам и сюжетам. Сошлемся на один выразительный пример. Уже в первых строках *Похождения ожившего Совесть-Драла* автор делает аллюзию к анекдоту о Сократе и его сварливой жене:

Хотя в первой и второй частях не сказано, что честной Совесть-Драл имел жену, или, лучше сказать, супругу, потому что она жила с ним супругою, однако при всем том надобно знать, что он ее имел, и как удалой детина, то в сем случае не хотел философствовать по-Сократову: ибо не токмо ни однажды не допустил себя до того, чтоб на него помойной излился дождик, но и когда начинался женниних речей гром, то, не учась электризации, по природной своей остроте отводил он сии тучи весьма искусно; сперва принимался он сколь можно звончае стучать по супружеским ребрам, а потом хватался за другую ее косу, как будто за проведенную от электрического шара проволоку, и потуль ее вертел, пока вступит в нее огненный пот и громовой треск утушится совершенно. (с. 1–2)

Без знания анекдота о Ксанфиппе, обливающей Сократа помоями, трудно было бы понять хитроумные сравнения анонимного автора. Но она была очень популярна и встречалась как в сборниках переведенных с польского *фацейий*¹²¹, так и в списках второго древнерусского перевода *Апофегмат* Беняша Будного. В версии Будного она звучала следующим образом:

[...] Ксанфипа, егда разкричася велми, Сократ, отшед, седе пред храминою, она же толми паче разяряся, облия его во окно. Тому мимоходящим смеющимся людем. Но Сократ, усмехаяся, рече: «Видех, яко по толиком гrome име быти дождь». (РГАДА, ф. № 1274, оп. 1, дело 3096, л. 4 об.)

Автор *Похождения ожившего нового увеселительного шута* очень хорошо ощущает родство совизжальских концептов с небылицами и вводит в текст своего произведения стихотворную небылицу, начинающуюся словами: «Небылицу я скажу, иль прямые враки, / Молошками на печи сено косят раки». Он ее рекомендует читателю как текст, написанный самим героем: «Извольте

121 Ср.: О. А. Державина, *Фацейии. Переводная новелла в русской литературе XVII века*, Москва 1962, с. 136.

теперь взять обещанную небылицу, ее Совесть-Драл написал прежде еще, нежели умер – не умер...». (Напомним, что и в I части *Похождений Совесть-Драла* переводчик использует небыличные смехотворные куранты). Презентация рассказчиком словесного мастерства и богатства фантазии ожившего Совесть-Драла в самом начале рассказа о его новых похождениях, должно быть, служит подготовке читателя к восприятию небыли. Рассказчик, как бы оправдываясь, говорит: «Я моего читателя из одного лабиринта ввожу в другой, дабы умножить его любопытство». С другой стороны, она может рассматриваться как заявка на поэтические таланты, которыми наделяет автор Совесть-Драла в последней главе (там он сочиняет по заказу разные стихи на случай).

В *Похождении ожившего Совесть-Драла* автор намного чаще, чем в переводе-переделке *Совизжала смешного и забавного*, обращается непосредственно к читателю, беседуя с ним о своем герое. Приведем два из таких обращений:

Господин читатель! Посуди ты сам, не достоин ли наш Совесть-Драл баронской степени? Как прелестно, нежно, тонко и скоропоспешно вздумал, а при всем том устоял и в чести, ни малейшаго не дав знака обмана, и что чуднее всего, что и не покраснел любезный Совесть-Дралушко. Вот то-то шут, вот то-то плут, вот то-то нос, премудрый нос!... (с. 43)

Господин читатель! Для твоей бессомненности я включаю весточку, что у Совесть-Драла с своими друзьями все было настроено прежде, а без того подумают, что либо он, вставши из мертвых, вживе чудит духом, или ребята его были языческие боги; но ни то, ни другое, а они были плуты; барон де Назе плут над плутами, а о матушке Лизеньке скажите вы сами. (с. 55)

Он также ведет беседы с героями, особенно в такие моменты, когда они попадают в неловкое

положение, как хотя бы заключенный «в костельной тюрьме» Совесть-Драл:

Ну, господин Большой Нос! Плебан за твой похоронный обед заплатил тебе дороже; он потерял свои деньги и жизнь, а ты еще жив, только денег лишился. Пустое, если цела голова, то вырастет борода, станет плутовать да воровать, так и с деньгами будешь; однако шутка на сторону, наш Совесть-Драл гораздо в великой тревоге. (с. 87–88)

Весьма интересна балагурная автохарактеристика автора-рассказчика, который так себя расхваливает:

[...] я малый скромный, ничего никогда до первой встречи не выболтаю; не честный ли я человек? Поэтому со мною можно всякому знаться, я не угольников сыночек, своей одежей никого не замараю, я благоуродный. Стой, что-то меня ударило в лоб; слышал я от старых людей, что есть в народе какая-то совесть, конечно, она плутовка в лоб меня щелкнула; добро, совесть, я тебя усыплю; хотя ты меня всегда беспокоишь, однако я в твою досаду благоуродным называться не перестану. (с. 93–94)

Хотя герой *Похождений ожившего Совесть-Драла*, подобно своему тезке из двух первых частей, переезжает из одного места в другое, то в тексте не найдем ни одного топонима, позволяющего локализовать его пребывание в определенном месте. Только в заглавии 5 похождения упоминается город Т. (*Похождение 5. Как Совесть-Драл, живучи в городе Т., влюбился в купеческую жену*). Некоторые бытовые детали (например, его сделка с плебаном, костел, в котором его заново хоронят, иностранные имена и титулы: Бонивал, Жуан, маркиз, барон, сравнение с «паном Твердовским» и пьеса, которую играли в театре на польском языке, а также пастор, помогающий старому купцу избавиться от чертей) как бы вписывают его в иностранное, нерусское пространство.

С другой, однако, стороны, оживший Совесть-Драл напоминает, известных по сатирической литературе волокит, а образы Совесть-Драловых любовниц – образы развратных женщин из новелл *Пересмешника*. Так, к примеру, описание притворной печали купеческой жены на похоронах мужа напоминает поведение молодой жены, оплакивающей смерть своего супруга. Ср.:

Вскоре принесли усопшего, и весьма много было о нем плачущих. Женщина весьма молодая рвалась больше всех и казалась быть отчаянною жизни: слезы ее сделали то, что я насилу мог удержаться и сам от жалости; она выла столь отчаянно, как будто бы любовница похоронила своего любовника, и по тому я узнал, что была она жена покойного. Во время обедни очень часто падала она в обморок, однако опять скоро воздерживалась, чтоб не сделать дурного положения; и притом же заметил я, что она очень часто на меня поглядывала. Когда начали отпевать новопреставленного, то я нечаянно взглянул на нее и увидел в руках ее маленькое зеркало. [...] Когда опустили в могилу ее мужа, то казалась она, как будто бы хочет последовать ему, и едва успела выговорить, чтоб просили меня к ней отобедать, повалилась без памяти. Люди ее понесли ее нечувствительную домой, куда и меня пригласить не позабыли¹²².

Печальная церемония кончена. Бедная, горькая, бездетная вдова, пока люди были, вся избилась, измучилась, а как ушли, то помаленьку стала успокоиваться. Вить не умереть же с печали, на кого дом покинуть, чужие руки легки, да не к сердцу. В таких же случаях обыкновенно добрые люди и разговаривают, а особливо старушки; оне как-то в этом искуснее молодых, или от того, что много всего на свете видали и ума набрались, или от того, что многих своих родственников перехоронили, да и пожитками их завладели. От чего бы то ни было, токмо старушки умеют утешать в печали не как молокососы. Благие советы уменьшили, а время вовсе истребило супружину горесть; она в два месяца забыла своего старика и вышла замуж за молодого любовника. (с. 90–91)

122 М. Д. Чулков, *Пересмешник...*, с. 69–70. Далее цитаты из *Пересмешника* приводятся по этому же изданию с обозначением соответствующей страницы в тексте.

В *Похождениях ожившего Совесть-Драла* есть еще несколько других сюжетных ходов, которые напоминают некоторые эпизоды из *Сказки о рождении тафтяной мушки*. К их числу отнесем, например, сцену передачи Совесть-Дралу письма незнакомым человеком и сцену свидания с женщиной в маске:

По окончании сей комедии на третий день на рассвете, лишь только Совесть-Драл проснулся, то вошел в его покои незнакомый человек и, поклонясь, вручил ему письмо следующего содержания [...].

А как уже настала ночь, и хотел он смущенные свои мысли сном успокоить, то вдруг услышав, что у его дверей кто-то потихоньку стучится, называя его по имени, тотчас оную отпер, и, увидя входящую в маске женщину, оторопел, и не знал что начать говорить; маска же, прямо сев на его постелю и несколько помолчав, начала говорить. (с. 250–253)

В литературе высказывалось мнение о родстве Совесть-Драла со щеголем. Но щегольство «ожившего» Совесть-Драла несколько ущербное. В изображении русских драматургов, например, щеголь, как отметил В. И. Покровский,

является приверженцем моды: заботится о своей шевелюре, раскрашивании лица, костюме. Преклоняясь перед Францией и всеми «уставами» моды, он исповедует презрение ко всему национальному. Чуждый всяких духовных интересов, ведет праздный образ жизни, падок на низменные удовольствия, легкомыслен и непостоянен по отношению к женщинам, беспечен к своим материальным благам, безрассудное отношение к которым доводит его до разорения¹²³.

«Оживший» Совесть-Драл совершенно равнодушен к моде (автор, следуя поэтике плутовского

123 В. И. Покровский, *Щеголи в сатирической литературе XVIII века*, Москва 1903, с. 70–71.

романа, не обращает внимания на одежду своего героя, концентрируя свое внимание на похождениях, приключениях), единственным элементом внешней характеристики «красавца» – Совесть-Драла выступает его большой нос. А «оживший» Совесть-Драл умеет извлечь выгоду из своего носа. В разговоре с купеческой дочерью он задает ей вопрос:

– Что вы думаете, сударыня, о моем носе? Он того и стоит, ибо имеет разные выгоды и достоинства...».
[...]

– А какие ж? – сказано ему.

– Великия, сударыня, с вашего дозволения... Нос мой мне служит при огне вместо тенника, к погашению свеч вместо щипцов, для сзову собак вместо рога, к раздуванию угля вместо мехов, а изображенная в триумфах слава пользуется им вместо трубы; да при том представьте самых ученых людей, Юлиев, Цицеронов или Овидиев, они все были с великими носами, по тому и должно судить, что весь разум заключается в... (с. 8).

В другом месте, уточняя характеристику Большого Носа, рассказчик без обиняков скажет, как он забавлялся с дочерью зажиточных соседей: «Совесть-Драл тут носа чуть не лишился, однако дотешились и до последнего... знака, то есть... любовного... плода» (с. 12).

И только в пятой главе Совесть-Драл действительно напоминает щеголей, и здесь скупой на описания костюма героя рассказчик проговорится раз-другой, что «сей молодой детина шел распудренный двором» (с. 68), а ревнивый муж был уверен, что «своими глазами видел на дворе молодого щеголя» (с. 74).

Зато автор не скупится на описание, а вернее, перечисление талантов Совесть-Драла. В нижеприведенной цитате найдем целую вереницу глаголов, описывающих любовные похождения героя.

Кто читал третьей Совест-Дралова похождения части начало, тот коли не беспамятен, то знает, что сей проказник ни к чему больше не имел охоты, как поволочиться, полюбиться, подбиться, потаскаться, поамуриться, посвататься, подмигнуть, подкивнуть, помахнуть и подарить десятерым по черной ленточке, уверив притом, та-то и милее, что с черною лентою. (с. 61)

Автор *Похождений ожившего Совест-Драла* любит при этом высказываться также о любовниках и природе любви, подкрепляя свои рассуждения не только народной мудростью, но и ссылками на античную литературу. Так, к примеру, рассказывая о том, что Совест-Драл после ограбления жены останавливается в одном городе, где все жили «вольно», но сам старается не заводить любовницы, чему способствовало то, что он «ел умеренно и вином внутреннего не умножал жару at Sine Cerere Bacho friget Venus» (с. 96–97), отсылает к стихам Теренция, которые в одном из переводов на русский язык звучат так: «Без брашна и пития мерзет любви».

Мы, к сожалению, не знаем, почему похождения ожившего Совест-Драла закончились на восьмой главе. Открытый финал мог давать надежду на продолжение, какого, читатели, по всей вероятности, ожидали. Братья Глазуновы, выпустившие последнее из известных нам переизданий книги, явно обманывали, сообщая на титульном листе III части, что она, подобно двум первым частям, тоже содержит 20 походов.

Автор был – если верить его балагурной автохарактеристике – не из «благоуродных», но цену себе знал. Думается, что им мог быть кто-то из мелко-травчатых разночинцев, который на досуге занимался писательством. И не исключено, что он тоже перевел *Совизжала смешного и забавного* и уже во время работы над своим переводом-переделкой

задумал написать продолжение романа. Оживший Совесть-Драл, как мы старались показать, по своим основным характеристикам очень близок Совесть-Дралу тех глав первых двух частей *Похождений Совесть-Драла*, которые были полностью созданы переводчиком или дополнены новыми рассказами о любовных похождениях героя.

Текст *Похождения ожившего Совесть-Драла* стабилен. Количество разночтений невелико, но в издании 1793 г. время от времени появляются амплификации, в которых рассказчик выражает свое отношение к заглавному герою, а в издании 1798 г. наблюдаем попытки стилистического обновления текста путем подыскивания лексических и фразеологических эквивалентов. Ниже приведем несколько примеров таких изменений¹²⁴.

1781

[...] вздумал питаться рифмосплетением; хотя сие рукоделье мало его утешало, однако всякая нововыпеченная стихами бумажка приносила ему каждый день новый кусок хлеба и он так был сыт, что мог несколько времени не умереть с голоду. (с. 99)

1793

[...] вздумал питаться рифмосплетением. *Ба, что за чудеса! Совесть-Драл стихотворец! Восплещите руками вы, сладкогласные Музы, встречайте нового Аполлона!* Хотя сие рукоделье мало его утешало, однако всякая нововыпеченная стихами бумажка приносила ему каждый день новый кусок хлеба, и он так был сыт, что мог несколько времени не умереть с голоду. (с. 313–314)

1798

[...] вздумал питаться рифмосплетением; хотя сие рукоделье мало его утешало, однако всякая нововыпеченная стихами бумажка приносила ему каждый день новый кусок хлеба и он так был сыт, что *в продолжение сего времени не имел голода*. (с. 335–336)

124 *Похождение 3. Куда Совесть-Драл, вырвавшись из костельной тюрьмы, пошел, и что ему случилось* по изданию 1798 г. было перепечатано в: Малэк 2008, с. 287–298.

ненаемная квар- тера и пошло жалова- нье (с. 102)	ненаемная кварти- ра и пошло жалованье (с. 317–318)	от театра квартира и пошло жалованье (с. 340)
---	---	---

пробудясь, ози- рал он все стороны, опасаясь гостей со стороны плебановой (с. 22)	пробудясь, озира- л он все стороны, опас- аясь гостей со стороны плебановой (с. 231)	пробудясь, ози- рал он <i>туда и сюда</i> , опасаясь со стороны плебановой (с. 246)
---	---	--

глядя на него, не мог не засмеяться (с. 28)	глядя на него, не мог не засмеяться (с. 235)	глядя на него, не мог <i>от смеха удер- жаться</i> (с. 251)
---	--	--

содержать при- личнее, надобно их иметь поболее (с. 48 –49).	содержать прилич- нее, надобно их иметь поболее (с. 258)	содержать <i>щего- левато</i> , надобно их иметь с <i>избытком</i> (с. 275)
---	--	---

Здравствуй, г[ос- подин] Совесть-Драл! имею честь вас по- здравить, совокупясь законным браком, хорошенько живите и молодую жену лю- бите. (с. 91)	Здравствуй, г[ос- подин] Совесть-Драл! имею честь вас по- здравить, совокупясь законным браком, хо- рошенько живите и мо- лодую жену любите. (с. 304)	Здравствуй, го- сподин Совесть-Драл! имею честь <i>тебя</i> по- здравить, совокупясь законным браком, хо- рошенько <i>живи</i> и мо- лодую жену <i>люби</i> . (с. 326)
---	--	---

Следует добавить, что редакторская правка в изданиях *Похождений ожившего Совесть-Драла* 1793 и 1798 гг. несомненно проводилась теми же лицами, которые работали над подготовкой к печати *Похождений Совесть-Драла*, и выдержана в том же ключе, благодаря чему читатель мог воспринимать «трилогию» о Совесть-Драле как цельное произведение. Этому способствовала сплошная пагинация всех трех частей, а в издании 1793 г. еще и общее заглавие «трилогии».

Заключение

Первое знакомство русского читателя с *Совизжалом забавным и смешным* состоялось, как мы старались показать, задолго до появления печатного перевода романа. Те, кто знал польский язык, а таких среди образованных людей второй половины XVII – начала XVIII в. было немало, читали книжку о «польском шуте» в оригинале, другие знакомились с его похождениями изустным путем, а третьи понравившиеся эпизоды шутовской «биографии» пересказывали в виде стихотворных жарт о шуте-плуте. И хотя герой жарт оставался безымянным, то многие бытовые детали сюжета (например, покупка земли в Польше) указывали на его «родственную» связь с Польшей.

Перевод-переделка *Совизжала забавного и смешного*, выполненный анонимным автором середины XVIII в., получил широкое распространение. Показателем успеха романа о новом увеселительном шуте Совест-Драле является как количество переизданий, так и то, что все они стали библиографической редкостью. Анонимный переводчик и издатели с полным правом рассчитывали на определенный круг читателей, которые, видимо, находили в нем что-то привлекательное.

Дополняя перевод текстами, заимствованными из русской рукописной и печатной литературы, переводчик вписывал новопереведенное произведение в контекст отечественной традиции. Но выходки Совест-Драла ассоциировались и с другими текстами, не включенными в перевод. Так, например, одураченные Совест-Дралом профессора могли русскому читателю напоминать героев популярного *Прения жидовина со скоморохом*, которые задавали себе вопрос, почему «скоморох, не книжник и не ученый человек, но пьяница и голыш кабацкой, всех наших книжников посрамил и в вечный нам порок положил»¹²⁵, и ситуацию из анекдота о царе и мельнике¹²⁶, который разгадывал загадки, предназначенные для архимандрита (в их числе были и такие, какие переводчик включил в диспуты Совест-Драла с «учеными дураками»). Шутки героя, построенные на буквальном толковании фигуральных выражений, роднили Большого Носа с героем баснословного жития Эзопа и с итальянским Бертольдо. А сам Совест-Драл, который позиционировался переводчиком как **новый** шут-плут, мог также ассоциироваться читателям с безымянным героем стихотворных «фабол» о шуте-плуте.

Известно, что Екатерина II возражала «против шуток, касающихся религиозных понятий и культовых предметов», о чем красноречиво свидетельствуют ее собственноручные «замечания от 1768 года на рукописный текст комедии Сумарокова

¹²⁵ Цит. по списку 1745 г. из собрания РГБ, ф. 96, № 18, л. 22–22 об.

¹²⁶ Новелла о мельнике известна в рукописном переводе с немецкого языка (она читается, например, в сборнике РНБ, собр. Погодина, № 1777 и в сборнике РГБ, ф. 299, № 562), но в некоторых списках она отождествляется с «польскими жартами», так как этот тип литературы связывался с традицией польских фацеций.

Лихоимец»¹²⁷. В *Похождениях Совест-Драла* шуток, направленных против служителей культа, предостаточно, но мишенью героя были католические священники и монахи (плебан, бискуп, иезуиты, отождествляемые, как правило, с польскими служителями культа, и даже папа римский), и, видимо, поэтому они не вызывали осуждения, а цензоры могли написать, что в книге «оной не находится ничего противного данному цензорам о рассматривании книг наставлению».

Русский переводчик-адаптатор свободно отнесся к польскому оригиналу. Там, где счел нужным, он умел сохранить верность подлиннику (рамочные похождения), но там, где такой необходимости не чувствовал, отпускал вожжи фантазии и сочинял новые рассказы о любовных приключениях Совест-Драла, а также усилил антидворянские акценты и включил в повествование о Совест-Драле расхожую тему лихоимства судей, сокращая одновременно количество скатологических шуток.

Издатели *Похождений нового увеселительного шута Совест-Драла* очень удачно воспользовались популярностью книжки и, чтобы удержать внимание старых и привлечь внимание новых читателей, в 1781 г. дополнили ее сочиненными на скорую руку *Похождениями ожившего Совест-Драла*. Видимо, они интуитивно понимали, что шут-плут Совест-Драл типологически близок героям комедии дель арте, которая, как писал М. Бахтин, «не предусматривает и не может предусматривать действительной смерти [...] Пульчинеллы или Арлекина», зато предусматривает «их фиктивные комические смерти (с последующим возрождением). Это герои свободных импровизаций,

127 Д. Д. Шамрай, *К истории цензурного режима Екатерины II*, [в:] *XVIII век*, сб. 3, Москва–Ленинград 1958, с. 191.

а не герои предания, герои неистребимого и вечно обновляющегося, всегда современного жизненно-го процесса, а не герои абсолютного прошлого»¹²⁸. Поэтому похороненного в конце II части Совесть-Драла без труда удалось воскресить и снова пустить по свету. Мистификация удалась, и до недавнего времени даже библиографы и некоторые исследователи воспринимали III часть *Похождений Совесть-Драла* как перевод с польского.

Подводя итоги, скажем, что перевод-переделка *Совизжала смешного и забавного*, а также появление *Похождений ожившего Совесть-Драла* наглядно показывают, что интерес к польской литературе в России эпохи Просвещения не угас, а переведенные с польского языка тексты все еще вызывали читательский интерес и способствовали порождению новых произведений, использующих сюжеты, мотивы и жанровые характеристики польского оригинала.

128 М. М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Москва 1975, с. 447–483.

Список условных сокращений

БАН	– Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГПИБ	– Государственная публичная историческая библиотека (Москва)
ДГПБ	– Донская государственная публичная библиотека (Ростов-на-Дону)
ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности АН
МГУ	– Московский государственный университет
НБУВ	– Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского (Киев)
ПЛДР	– Памятники литературы Древней Руси
РАН	– Российская Академия наук (Санкт-Петербург)
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	– Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	– Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СК	– <i>Сводный каталог книг гражданской печати XVIII в., т. 2: К–П</i> , Москва 1964.

(При ссылках указывается номер по каталогу)

СРЯ

XVIII – *Словарь русского языка XVIII века*, вып. 1–18, Санкт-Петербург 1984–2011

СУС – *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*, сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков, Ленинград 1979

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

ЯИАМЗ – Научная библиотека Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника

Берков 1958 – П. Н. Берков, *Русско-польские литературные связи в XVIII в.*, Москва 1958.

Малэк 2008 – Э. Малэк, *Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения*, Санкт-Петербург 2008.

Николаев 2008 – С. И. Николаев, *Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы*, Санкт-Петербург 2008.

Опыт – Е. Małek, *Русская нарративная литература XVII–XVIII веков. Опыт указателя сюжетов*, Łódź 1996.

Смирдин – *Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная, в 4-х частях*, Санкт-Петербург 1828.

Соп. – В. С. Сопиков, *Опыт российской библиографии*, т. 4, Санкт-Петербург 1904.

Ук. I – Е. Małek, *Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв.*, т. I, Łódź 2000.

Указатель имен

Адрианова-Перетц В. П. 149
Аксаков С. Т. 108, 109
Алексеев М. П. 62, 149
Антоновский М. И. 104
Апухтин А. И. 15, 76, 95, 96, 122

Бабалык М. Г. 149
Бадецкий К. см. Badecki K.
Барков И. С. 55
Бахтин М. М. 138, 139, 149
Бегунов Ю. К. 21, 149
Белинский В. Г. 108
Берков П. Н. 10, 13, 14, 20, 58, 64,
73, 77, 80, 81, 87, 93–96, 117,
141, 149, 150, 156
Богданов А. И. 27
Богомолец Ф. см. Bohomolec F.
Брянчанинов А. С., *владелец*
книги 100, 111, 157
Будный Б. см. Budny B.
Булгарин Ф. В. 107, 108

Вацуро В. Э. 104
Веселовский А. Н. 18, 150
Ветор И. см. Wietor H.
Волынский А. П. 20, 99, 150

Геннади Г. Н. 9, 157

Губерти Н. В. 9–11, 16, 77, 157
Гудзий Н. К. 12

Державина О. А. 127, 150

Екатерина II 137

Загоскин М. Н. 110, 111, 155
Злыднева Н. В. 152

Иванова Н. Б. 24, 150
Измайлов А. Е. 113, 155
Илюшин А. А. 62

Калашникова О. Л. 150
Карпова И. Л. 103, 150
Керцелли И. И. 92
Кокорев А. В. 12, 24
Комаров М. 11, 106, 117, 152
Кондратович К. А. 21
Косичкин Ф. см. Пушкин А. С.
Космолинская Г. А. 18, 104, 150
Коцебу А. Ф. 110
Кочеткова Н. Д. 92
Кроче Д. Ч. 18, 77
Курганов Н. Г. 63, 66, 84

Левшин В. А. 12, 115, 152, 156

- Лесаж Р. 347
Липатов А. В. 96
Лотман Ю. М. 70, 150
Лужный Р. см. Łużny R.
Луппов С. П. 20, 99, 150
- Майков В. И. 55
Малэк Э. см. Małek E.
Мейснер А. Г. 110
Мелетинский Е. М. 151
Мельц М. Я. 27, 155
Митрофанова В. В. 27
Моррис М. см. Morris M.
Москалева Н. А. 14, 36, 155
Мочалова В. В. 20, 62, 69, 151
- Н. Б. (Н. И. Березин) 157
Нарежный В. Т. 107, 151
Некрасов Н. А. 109, 110, 152, 155
Николаев С. И. 5, 15, 19–22, 73,
74, 80, 81, 84, 141, 157
Николев Н. П. 91, 92, 93
- Орлов А. Н. 107
Орловский А. см. Orłowski A.
- Панченко А. М. 104
Пельтцер А. П. 10, 151
Перетц В. Н. 151
Пермяков Г. Л. 155
Петров С. О. 157
Плетнев П. А. 108
Попов М. И. 95
Покровский В. И. 131
Пропп В. Я. 28
Пуришев Б. И. 14, 36, 55
Пушкин А. С. 107, 108
- Радклиф А. 112
Ровинский Д. А. 27, 67, 156
Ровнякова Л. И. 96
Розов Н. Н. 69, 70, 151
Рубан В. Г. 97, 121
Рублева Л. И. 107, 157
- Самарин А. Ю. 76, 152
Сельванюк Р. М. 152
Сиповский В. В. 10, 11, 152
Смилянская Е. Б. 21, 152
Смирдин А. Ф. 9, 73, 107, 141, 158
Снегирев И. М. 109
Сопиков В. С. 141
Степанов В. П. 123
Страхов Н. И. 28
Сумароков А. П. 95, 137
- Тихонравов Н. С. 10
Толоцкий Е. С., *владелец книги*
102
Трахтенберг Л. А. 152
Тредиаковский В. К. 20–22, 99
Туманский М. Ф. 103
- Фарутин Н. Н. 100
Фафурин Г. А. 15, 152
Френкель Р. В. 14, 36, 155
- Чаишев Николай, *владелец*
книги 101
- Чулков М. Д. 12, 64, 65, 91, 95, 97,
98, 106, 120, 123, 124, 130, 152,
156, 157
- Шамрай Д. Д. 138, 152
Шаповалова Г. Г. 27, 155
Шапошников Петр, *владелец*
книги 100, 101
Шепелев Петр, *владелец книги*
101
Шкловский В. Б. 11, 12, 95, 105,
106, 117, 152
- Хованский А. Н. 103
Хованский С. Н. 102
Хотеев П. И. 102, 152
- Badecki K. 13
Bohomolec F. 96

- Bokszczanin M. 153
Budny B. 5, 68, 84, 127, 152, 154
Fiszman S. 153
Frybes C. 153
Galster B. 96
Grześkowiak R. 25, 34, 115, 153, 157
Jankowski E. 153
Kapełus H. 153, 157
Kizik E. 25, 34, 115, 153, 157
Kołakowski T. 153
Koschmal W. 154
Krzyżanowski J. 153
Lipatow A. см. Липатов А. В.
Łużny R. 14, 150, 153
Małek E. 5, 16, 18, 23, 64, 68, 84, 134, 141, 150–154
Mazurek-Wita H. 107, 154
Moczałowa W. см. Мочалова В. В.
Morris M. 16
Nikołajew S. см. Николаев С. И.
Orłowski A. 27
Orłowski J. 153
Ptasińska M. 63, 154
Sierocka K. 153
Wietor H. 6

Указатель произведений

- Авизии* 69
Апофегматы 5, 68, 84, 127
Балакиревы ведомости 97
Библиотека немецких романов 115, 156
Бианка Капелла 110
Великое Зерцало 9
Веселый и шутливый Меландр 61, 120, 154
Влюбившийся пастор 63
Гистория о купце 69, 151
Двусмысленное письмо 66
Дедушкины прогулки 154
Дьявол и отчаянный любовник 120
Забава в скуке 63, 155
Елисей, или раздраженный Вакх 55
Искуситель 110
История Ваньки Каина 103
История о пане Твердовском 21, 149, 152
Итальянский Езоп 76, 104
Как жена научила грамоте медведя 51
Как шут землю в Польше купил 24, 115
Калиф на час 65
Краткие, витиеватые повести см. Апофегматы
Лихоимец 138
Мальчик у ручья 110
Метаморфозы 98
Мот, или Расточитель 9, 15, 85, 94, 95, 96, 101, 122
Новейшее повествовательное землеописание 104, 105, 155
Новопоставленный из приказных людей монах 63

- О господине с куриозным* 22, 23, 115
О девице 27
О жене, обманувшей своего мужа 120
О нечаянном случае 63
О пасторе кальвинском и о монахе францисканского орде-
на 63
О плодородной и упрямой жене 63
О прелестной девице 27
О разбойнике 63
О старом муже 120
Ода кулачному бойцу 55
Ответ Пика де Мирандола 63
Пересмешник, или Славянские сказки 98, 105, 106, 120, 130,
157
Письмовник 63, 66, 84, 97, 155
Письмовник, содержащий в себе науку российского языка
см. Письмовник
Повесть о приключении милорга Георга 100
Повесть о Шемякином суде 63
Повесть утешная о купце 5
Подлинное описание жизни Картуша 100
Похождение нового увеселительного шута Совесть-Драла
6, 8, 9–15, 22, 25, 29, 38, 45, 61–115
Похождение ожившего Совесть-Драла 7, 8, 16, 67, 76, 83, 85,
86, 95, 101, 115–135, 138, 139
Прение жидовина со скоморохом 137
Пригожая повариха 123
Разговор между женихом и свахой 27
Разговор профессора с крестьянином 67, 68, 97
Расточитель см. Мот, или Расточитель
Римские деяния 9, 63
Розана и Любим 91–93
Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симо-
новича Чистякова 107
Сказка о Вавиле купеческом сыне 106
Сказка о рождении тафтяной мушки 131
Совизжал забавный и смешной см. Sowiźrzał krotochwilny
i śmieszny
Совизжал см. Sowiźrzał krotochwilny i śmieszny
Спутник и собеседник веселых людей 63, 156
Старая погудка на новый лад 106, 107
Старичок-весельчак 109, 156
Странные приключения Дмитрия Магнушкина 111, 156
Счастливая тоня 65

Счастливый сон 63

Товарищ разумный и замысловатый 63, 156

Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов 107

Удивительная и редкая история Тиля Совяззеркала 115, 156

Удольфские таинства 110

Фацеции польские 9, 127

Хитроумные проделки Бертольдо 18

Эйленипигель 5, 6, 115

Ein kurtzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel, geboren uß dem Land zu Brunßwick 5

Fraszki nowe Sowiźrzałowe 114

Fraszki Sowiźrzała nowego 114

Minucje nowe Sowiźrzałowe 114

Nowy Sowiźrzał 114

Nowy Sowiźrzał abo raczej Nowyźrzał 114

Sowiźrzał krotochwilny i śmieszny 6–8, 9, 13–15, 25, 41, 47, 134, 136, 157

Sowiźrzał nowy abo raczej Nowyźrzał 114

Список иллюстраций

1. Титульный лист первой части I издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург, б. г.)
2. Начало *Первого похождения* первой части I издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург, б. г.)
3. Титульный лист второй части I издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург, б. г.)
4. Титульный лист первой части II издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург, б. г.)
5. Начало *Первого похождения* первой части II издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург, б. г.)
6. Титульный лист первой части III издания *Похождений Совесть-Драла* (Москва 1781)
7. Титульный лист первой части IV издания *Похождений Совесть-Драла* (Москва 1785)
8. Начало *Первого похождения* первой части IV издания *Похождений Совесть-Драла* (Москва 1785)
9. Титульный лист второй части IV издания *Похождений Совесть-Драла* (Москва 1788)
10. Титульный лист первой части VI издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург 1798)
11. Оборот титульного листа первой части VI издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург 1798)
12. Начало *Первого похождения* первой части VI издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург 1798)
13. Титульный лист второй части VI издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург 1798)
14. Титульный лист третьей части VI издания *Похождений Совесть-Драла* (Санкт-Петербург 1798)

Список литературы

- Адрианова-Перетц В. П., *Юмористические куранты*, «Ученые записки Ленинградского гос. пед. инст. им. А. И. Герцена», т. 67, Ленинград 1948, с. 48–56.
- Адрианова-Перетц В. П., *Западноевропейская городская новелла в русской литературе XVIII в.*, [в:] *Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения М. П. Алексеева*, Москва–Ленинград 1966, с. 13–18.
- Адрианова-Перетц В. П., *Новеллистические сюжеты в фольклоре и русской литературе XVIII века*, [в:] *XVIII век, сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова*, Ленинград 1975, с. 12–17.
- Бабалык М. Г., *Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности XV–XX веков*, АКД, Петрозаводск 2011.
- Бахтин М. М., *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Москва 1975.
- Бегунов Ю. К., *Сказания о черно книжнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новонайденная «История о пане Твердовском»*, «Советское славяноведение» 1983, № 1, с. 78–90.
- Берков П. Н., *Русско-польские литературные связи в XVIII в.*, Москва 1958.
- Берков П. Н., *Русско-польские литературные связи в XVIII веке*, [в:] *Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. Доклады советских*

- ученых на IV Международном съезде славистов, Москва 1960, с. 77–105.
- Берков П. Н., *Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII–XX вв. (в порядке постановки вопроса о литературных контактах)*, [в:] *Русская литература XVIII века и славянские литературы*, Москва–Ленинград 1963, с. 5–39.
- Веселовский А., *Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Моролфе и Мерлине*, Санкт-Петербург 1872.
- Державина О. А., *Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века*, Москва 1962.
- Иванова Н. Б., *Анекдоты о шуте Балакиреве в лубочной литературе и фольклоре*, «Фольклор народов РСФСР», вып. 5, Уфа 1978.
- Иванова Н. Б., *Анекдоты о шуте Балакиреве из собрания П. П. Павлова*, [в:] *Фольклор и литература Сибири*, Омск 1980, с. 36–51.
- Калашникова О. Л., *Жанровые разновидности русского романа 1760–70-х годов. Учебное пособие*, Днепропетровск 1988.
- Калашникова О. Л., *Становление русского реально-бытового романа XVIII века*, Днепропетровск 1986.
- Калашникова О. Л., *Русский роман 1760–70-х годов. Типология жанра*, АДД, Киев 1990.
- Карпова И. Л., *Газета «Московские ведомости» как источник по истории отечественного книжного дела второй половины XVIII века. Диссертация [...] кандидата исторических наук*, Москва 2009.
- Космолинская Г. А., *Русский Бертольдо. Судьба итальянского комического романа в России XVIII века: рукописи, издания, читатели*, Москва 2011.
- Лотман Ю. М., *Избранные статьи в трех томах, т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры*, Таллин 1992.
- Лужный Р., *Древнепольская традиция в литературе русского Просвещения*, [в:] *XVIII век, сб. 10: Русская литература XVIII в. и ее международные связи*, Ленинград 1975, с. 176–183.
- Лущов С. П., *Библиотека Артемия Вольнского*, [в:] *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1978*, Ленинград 1979, с. 119–128.
- Малэк Э., *К истории восприятия плутовского романа в России XVII–XVIII вв. (Эзоп, Элиеншигель)*, [в:] *Устные*

- и письменные традиции в духовной культуре народа. Тезисы докладов*, ч. II, Сыктывкар 1990, с. 43–45.
- Малэк Э., *Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения*, Санкт-Петербург 2008, с. 263–298.
- Мелетинский Е. М., *Историческая поэтика новеллы*, Москва 1990.
- Мочалова В. В., *Гротескно-фантастический жанр новин польских совицжалов: истоки, традиции, значение*, [в:] *Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи*, Москва 1979, с. 231–263.
- Мочалова В. В., *Мир наизнанку. Народно-городская литература Польши XVI–XVII вв.*, Москва 1985.
- Николаев С. И., *Старопольская проза в России в XVII–XVIII веках*, «Русская литература» 1984, № 3, с. 241–245.
- Николаев С. И., *Польская книга в России в XVII – начале XVIII в. (К методике разысканий)*, [в:] *Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения*, Ленинград 1988, с. 103–108.
- Николаев С. И., *Из истории польской сатирической литературы в России (XVII – первая половина XVIII в.)*, ТОДРЛ, т. XLV, Ленинград 1992, с. 305–314.
- Николаев С. И., *Литературная культура Петровской эпохи*, Санкт-Петербург 1996.
- Пельтцер А., *Происхождение анекдотов в русской народной словесности*, «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. XI, Харьков 1899, с. 57–117.
- Перетц В. Н., *Кукольный театр на Руси (Исторический очерк)*, «Ежегодник императорских театров», Приложения, кн. 1, Санкт-Петербург 1895, с. 85–185.
- Покровский В. И., *Щеголи в сатирической литературе XVIII века*, Санкт-Петербург 1903.
- Пропп В. Я., *Проблемы комизма и смеха*, Москва 1976.
- Розов Н. Н., *«Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII века*, [в:] *XVIII век*, сб. 3, Москва–Ленинград 1958, с. 440–448.
- Розов Н. Н., *Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в.*, ТОДРЛ, т. XIV, Москва–Ленинград 1958, с. 481–485.
- Рублева Л. И., *Романы В. Т. Нарезного: традиции и новаторство*, Москва 2002.

- Самарин А. Ю., *Типографики и книгочеты. Очерки по истории книги в России второй половины XVIII века*, Москва 2013.
- Сельванюк Р. М., *К вопросу о рукописных источниках «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова*, «Ученые записки Костромского государственного педагогического института им. Н. А. Некрасова», вып. 7, Кострома 1960, с. 316–347.
- Сиповский В. В., *Очерки из истории русского романа*, т. 1, вып. 2: (XVIII век), Санкт-Петербург 1910.
- Смилянская Е. Б., *Университетские фрагменты «Истории о пане Твердовском» (к изучению «фаустовской» темы в русской литературе первой половины XVIII в., [в:] Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета*, вып. 5, Москва 1993, с. 188–203.
- Степанов В. П., *Словарь русских писателей XVIII века. Принципы составления. Образцы статей. Словник*, Ленинград 1975.
- Трахтенберг Л. А., *Предметный мир русской рукописной пародии XVII–XVIII вв., [в:] Концепт вещи в славянских культурах*, отв. ред. Н. В. Злыднева, Москва 2012, с. 100–106.
- Фафурин Г. А., *Книгоиздательская и книготорговая деятельность Иоганна Якоба Вейтбрехта (1744–1803). Из истории русско-немецких книжных связей второй половины XVIII века. Диссертация [...] кандидата филологических наук*, Санкт-Петербург 2004.
- Хотеев П. И., *Об одном из видов книгораспространения в России XVIII в. (Книга как подарок)*, [в:] 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века». Ленинград, 2–4 октября 1985 г. Тезисы докладов, Ленинград 1985, с. 128–129.
- Шамрай Д. Д., *К истории цензурного режима Екатерины II*, [в:] XVIII век, сб. 3, Москва–Ленинград 1958, с. 187–206.
- Шкловский В., *Матвей Комаров – житель города Москвы*, Ленинград 1929.
- Шкловский В., *Чулков и Левшин*, Ленинград 1933.
- Grzeškowiak R., Kizik E., *Z dziejów recepcji «Sowiżrzała» i jego skatologicznego humoru*, электронный ресурс: staropolska.pl/renesans/opracowania/Sowizrza.html
- Kapelus H., *«Sowiżrzała» w polskiej tradycji ludowej*, [в:] *Literatura. Komparatystyka. Folklor. Księga poświęcona*

- Julianowi Krzyżanowskiemu*, red. M. Bokszczanin, S. Frybes i E. Jankowski, Warszawa 1968, c. 853–867.
- Krzyżanowski J., *Romans polski wieku XVI*, wyd. 2, Warszawa 1962.
- Lipatow A., *Rosyjsko-polskie związki literackie od średniowiecza do oświecenia. (Typy, ukierunkowanie, ewolucja)*, przeł. W. Cesluk-Grajewski, [В:] *Tradycja i współczesność. Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1978, c. 21–39.
- Łużny R., *Uwagi o kontaktach kulturalnych polsko-rosyjskich w XVIII w.*, «Slavia Orientalis» 1960, 2, c. 499–502.
- Łużny R., *Literatura polska w Rosji w wieku XVII i XVIII. Problematyka, stan i potrzeby badań*, [В:] *O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich*. Tom poświęcony VI Międzynarodowemu Kongresowi Sławistów w Pradze pod red. S. Fiszmana i K. Sierockiej przy współudziale T. Kołakowskiego, Wrocław–Warszawa–Kraków 1969, s. 36–64.
- Łużny R., *Nurt tradycji staropolskiej w procesie literackim rosyjskiego Oświecenia*, «Ruch Literacki» 1973, z. 4, c. 213–219.
- Małek E., *O rosyjskiej kontynuacji Sowizdrzała*, «Zeszyty Naukowe WSP w Bydgoszczy. Studia Filologiczne, z. 12: Filologia Rosyjska», 1981, c. 77–94.
- Małek E., *Z dziejów «Sowizdrzała» w Rosji*, [В:] *Studia polono-slavica-orientalia. Acta Litteraria. VII*, Wrocław etc. 1981, c. 207–219.
- Małek E., *Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII*, Łódź 1983, c. 237–261.
- Małek E., «Kpiarz, czyli Bajki słowiańskie» Michała Czulkowa a problem ewolucji rosyjskiej prozy narracyjnej drugiej połowy wieku XVIII, [В:] *Z zagadnień rozwoju gatunków w literaturze rosyjskiej*, pod red. J. Orłowskiego, Lublin 1987, c. 33–42.
- Małek E., *О происхождении и источниках «Повести бывшего посольства в Португальской земле»*, «Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria» 22, Łódź 1988, c. 7–16.
- Małek E., *Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku*, Łódź 1988, c. 209–233.
- Małek E., *К истории восприятия плутовского романа в России XVII–XVIII вв. (Эзон, Совизжал)*, «Slavia Orientalis» 1992, nr 4, c. 37–49.
- Małek E., *Русская нарративная литература XVII–XVIII веков. Опыт указателя сюжетов*, Łódź 1996.
- Małek E., *Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв.*, т. I, Łódź 2000.

- Małek E., *Первый древнерусский перевод «Апофегмат» Беняша Будного. Исследование и издание текста*, Łask 2011 (см. также электронную версию книги на сайте: <http://repozytorium.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/1122>)
- Małek E., Nikolajew S., «Апофегматы» Беняша Будного в переводе Петровского времени, Łódź 2012.
- Moczałowa W., *Miejsce anonimowej prozy plebejskiej w rosyjsko-polskich związkach literackich XVII w.*, [в:] *Tradycja i współczesność. Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1978, с. 7–20.
- Mazurek-Wita H., *Powieści Wasyla Narieźnego na tle prozy satyryczno-obyczajowej XVIII – początku XIX wieku*, Wrocław 1978.
- Ptasińska M., *Сюжет о преждевременных родах в польской и русской литературах XVI–XVIII вв.*, [в:] *Tradycja i inwencja. Wątki i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej (Łódź, 23–24 listopada 1998 r.)*, pod red. E. Małek przy współpracy O. Główko, Łódź 1998, с. 91–102.
- Russkija narodnija kartinki. Sobral i opisal D. Rovinskij. Sankt-peterburg 1881.* In Auswahl nachgedruckt und eingeleitet von Walter Koschmal, München 1989 (Specimina Philologiae Slavicae, Bd. 84).

Тексты

- Веселый и шутливый Меландр, повествующий короткие, но приятные анекдоты, восхитительные повести и истории [...] с присовокуплением примечаний и мнений из разных писателей выбранных и к материям по приличию им самим приноровленных.* Перевод с латинского, ч. I–II, Москва 1789.
- Дедушкины прогулки, содержащие в себе десять русских сказок*, Санкт-Петербург 1790.
- Забава в скуке, или собрание разных анекдотов, повестей и других приятных, увеселительных, трогательных, исторических и нравоучительных сочинений в двух частях.* Перевод с французского, ч. I–II, Москва, у Христофора Клаудия, 1793.
- Загоскин М. Н., *Собрание сочинений*, т. 9, Санкт-Петербург–Москва 1901.
- Измайлов А. Е., *Сочинения в 2 т.*, т. 2, Санкт-Петербург 1849.

- Курганов Н. Г., *Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезных вещей*, Санкт-Петербург 1769.
- Курганов Н. Г., *Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением*, Санкт-Петербург 1790.
- Некрасов Н. А., *Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах*, т. 11, кн. 1: Критика. Публицистика (1840–1849), Ленинград 1989.
- Новейшее повествовательное землеписание всех четырех частей света с присовокуплением самого древнего учения о сфере*, Санкт-Петербург 1795.
- Новый, полный всеобщий песенник, содержащий в себе собрание всех лучших и доселе известных, употребительных и новейших всякого рода песен*, Санкт-Петербург 1820.
- Повести разумные и замысловатые. Популярная бытовая проза XVIII века*, сост., автор вступ. статьи и примеч. С. Ю. Баранов, Москва 1989.
- Повесть о португальском посольстве*, [в:] *Памятники литературы Древней Руси. XVII век*, кн. 1, Москва 1988, с. 468–483.
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков*, изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова, Москва–Ленинград 1961.
- Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленингель*, изд. подгот. Н. А. Москалева, Б. И. Пуришев, Р. В. Френкель, Москва 1986, с. 159–258, 276–282, 300–310.
- Проделки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора*, изд. 2-е, сост., вступ. ст., общ. ред. текстов Г. Л. Пермякова, Москва 1977.
- Пушкин А. С., *Полное собрание сочинений в 10 т.*, т. 7: Критика и публицистика, Ленинград 1978.
- Ровинский Д., *Русские народные картинки. Атлас*, т. I–IV, Санкт-Петербург 1881–1893.
- Ровинский Д., *Русские народные картинки*, кн. 1: Сказки и забавные листы, Санкт-Петербург 1881.
- Русская комедия и комическая опера XVIII в.*, под ред. П. Н. Беркова, Москва–Ленинград 1950.
- Спутник и собеседник веселых людей, или собрание приятных и благопристойных шуток, острых*

- и замысловатых речей и забавных повестей, выписано из лучших сочинителей, а на русский язык переведено Хр[и]ст[о]ф[о]р[о]м Д[о]бр[о]с[е]рд[о]в[ы]м, ч. I–IV, Москва 1773–1776.*
- Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок, ч. I–III, Москва 1795.*
- Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были, Санкт-Петербург 1790.*
- Странные приключения Димитрия Магушкина, российского дворянина, описанные им на испанском языке, с которого переведены на немецкий, а с сего на российский язык [Василием Богородским], в 2 ч., ч. 1. Москва 1796.*
- Товарищ разумный и замысловатый, или Собрание хороших слов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешнего веков, переведенный с французского и умноженный из разных латинских [...] писателей [...] Петром Семеновым, ч. I–II, Санкт-Петербург 1764.*
- Товарищ разумный и замысловатый, или Собрание хороших слов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешнего веков, переведенный с французского и умноженный из разных латинских [...] писателей [...] Петром Семеновым, ч. I–III, Москва 1787.*
- Тредиаковский В. К., Сочинения, т. III, Санкт-Петербург 1849.*
- Удивительная и редкая история Тила Совязьзеркала, крестьянского сына родом из земли брауншвейгской, [в:] Библиотека немецких романов. Переведена с берлинского 1778 года издания В. Левшиным, ч. II, Москва 1780, с. 155–170.*
- Чулков М. Д., Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий, ч. 1–6, Москва 1780–1781.*
- Чулков М. Д., Сочинения, т. 1, Санкт-Петербург 1913.*
- Чулков М. Д., Пересмешишник, сост., подгот. текстов, послесл. и примеч. В. П. Степанова, Москва 1987.*
- Bajka ludowa w dawnej Polsce, wyb. i oprac. H. Kapeliś, Warszawa 1968.*
- Sowiżrzał krotocwilny i śmieszny. Krytyczna edycja staropolskiego przekładu „Ulenspiegla”, wyd. R. Grześkowiak, E. Kizik, Gdańsk 2005.*

Библиографические указатели и словари

- Геннади Г. Н., *Русские книжные редкости. Библиографический список редких книг*, Санкт-Петербург 1872.
- Губерти Н. В., *Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом. 1725–1800*, вып. 3, Москва 1891.
- Каталог библиотеки вологодских дворян Брянчаниновых (имение Покровское Грязовецкого уезда)*, сост. Н. Н. Фартутина, Вологда 2009.
- Книги гражданской печати XVIII века. Каталог*, сост. С. О. Петров, Киев, Издательство Академии наук УССР, 1956.
- Н. Б. (Н. И. Березин), *Русские книжные редкости: Опыт библиографического описания редких книг с указанием их ценности*, ч. II, Москва: Издание антикварного книжного отделения при Магазине Древностей и Редкостей М. Я. Параделова [1903].
- Николаев С. И., *Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы*, Санкт-Петербург 2008.
- Остроглазов И. М., *Книжные редкости*, Москва 1892.
- Сводный каталог редких и ценных книг библиотек Ростовской области. Русская книга гражданской печати (1715–1800)*, Ростов-на-Дону 2006.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800*, т. 2: К–П, Москва 1964.
- Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 1: А–И, Ленинград 1988.
- Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 2: К–П, Ленинград 1999.
- Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 3: Р–Я, Санкт-Петербург 2010.
- Словарь русского языка XVIII века*, вып. 1–18, Санкт-Петербург 1984–2011.
- Смирдин А., *Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная, в 4-х частях*, Санкт-Петербург 1828.

Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка, сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков, Ленинград 1979.

Nikołajew S. I., *Polono-rossica. Polsko-rosyjskie związki literackie w XVI–XVIII wieku. Materiały bibliograficzne*, przekład z ros. D. Siess-Krzyszkowska, opr. naukowe wersji polskiej S. Siess-Krzyszkowski, Kraków 2009.

Приложение I

Принципы издания текстов

1. Тексты первого издания *Похождений нового увеселительного шута Совесть-Драла Большого Носа* (Приложение I) и первого издания *Похождений ожившего нового увеселительного шута Совесть-Драла Большого Носа* (Приложение II) печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации. Правописание заглавных и строчных букв приведено в соответствие с современной нормой. Сохраняется раздельное написание сложных числительных, а также составного союза *и так*. Сохраняются характерные для изданий XVIII в. длинные периоды, разделяемые точками с запятыми.

Стихотворная строка начинается с заглавной буквы. Пословицы, включенные в текст *Похождений*, набираются курсивом.

В подстрочных примечаниях приводятся важнейшие лексические варианты перевода по переизданиям 1781, 1788 и 1798 гг. Квадратные скобки [] обозначают конъектуры букв или части слов, а также расшифровку сокращений.

Здесь же оговариваются исправления бесспорных буквенных опечаток воспроизводимого текста.

Комментируются лишь те детали текста, которые, как нам кажется, необходимы для полного и правильного понимания произведений, например, латинские сентенции и иностранные слова, написанные русскими буквами.

Авторские объяснения варваризмов типа *костел*, *плебан* приводятся после лексических вариантов и обозначаются латинскими цифрами.

2. Тексты рукописных стихотворных жарт (Приложение III) печатаются по правилам, принятым в ТОДРЛ.

Основной текст:

изд. 1-ое – б. г. (экз. БАН, шифр: 1781/Похожде – ч. 1–2)

Разночтения:

изд. 3-е (экз. РГБ, шифр: Се-8°/81/П) – 1781

изд. 4-ое (экз. РГБ, шифр: П/85 П) – 1788

изд. 6-ое (экз. РГБ, шифр: ИТ/98 П) – 1798

ПОХОЖДЕНИИ¹
НОВОГО УВЕСЕЛИТЕЛЬНОГО
ШУТА
и
ВЕЛИКОГО В ДЕЛАХ ЛЮБОВНЫХ
ПЛУТА
СОВЕСТ-ДРАЛА
БОЛЬШОГО НОСА.
Часть I
содержащая в себе 20 похождений.
Переведена с польского и дополнена
с других языков.
В Санктпетербурге² //

с. 1

Первоехождение Совесть-Драла
Где Совесть-Драл имел свое рождение
и кто его был крестный отец

В селе Кнотовицах Саксонского государства,
близ одной рощи родился Совесть-Драл. Отца его
звали Руляс Совусдрел³, а мать – Анною.

¹ 1781, 1788 Похождение, 1798 Похождения.

² 1781, 1788 нет, 1798 Печатано в Императорской Типо-
графии, иждивением И. и М. Глазуновых.

³ 1781, 1788, 1798 Совесть-Драл.

с. 2 Как скоро он родился, тотчас был отнесен для окрещения в костел¹, и дано ему имя Дыла Совесть-Драла⁴. Крестным отцом был у него один из начальнейших того села крестьян. По окрещении крестная его мать с своими подругами, следуя старому обыкновению, зашла в ка//бак, где на счет отца новокрещенного ребенка напилась допьяна. И как⁵ шли домой по крутому берегу близ одного запущенного пруда, то некоторая из кум, которая несла ребенка, зазевавшись, упала с ним в пруд; но как пословица говорит, что *худое скоро не пропадает*, то и их оттуда вытащили. После, пришедши домой, обмыли ребенка водою.

И так убогий Совесть-Драл три раза в один день был крещен: первый – в костеле, другой – в пруде, а третий раз дома в ушате. Что первым знаком было его несчастья, которое гнало⁶ даже до гроба, как то следующее покажет.

Похождение второе⁷

Как все почти того села крестьяне на молодого Совесть-Драла отцу его жаловались

Когда уже Совесть-Драл был лет десяти, то начал выдумывать разные между ребятами плутовские шутки, которые вместе с его возрастали летами. Чем больше он рос, тем хуже становился, так что все соседи, вышед из терпения, беспрестанно

4 1781, 1788, 1798 Совесть-Драл.

5 1798 И так.

6 1788, 1798 гнало его.

7 Здесь и дальше в издании 1798 главы пронумерованы арабскими цифрами.

¹ Так называется католическая церковь.

отцу на его проказы при//носили жалобы. Что с. 3
видя, отец своему сыну выговаривал, сказывая:

– Для чего ты, любезный сын, так поступаешь, что все соседи на тебя жалуются и называют тебя великим плутом?

Совест-Драл пред своим отцом сколько возможно притворялся⁸, оказывал себя смиренным и говорил, что он никого не обижал⁹ и что все на него возносят¹⁰ по одной ненависти. Причем обещался твердо уверить отца в своей невинности.

– Извольте, – говорил, – сесть на свою лошадь, а я сяду позади вас, хотя мы, никого не трогая, будем ехать, однако же увидите вы, что меня станут без всякой причины ругать.

Отец по предложению своего сына сделал, сел на лошадь, посадил и любезного сынка позади себя. И как скоро поехали, то сын принялся за свое мастерство и делал все непристойное. Народ, увидев такие бездельства, за ним бежал, и иные ругались¹¹, другие поднимали смех, прочие бросали камнем сзади. Совест-Драл со слезами говорил:

– Государь батюшка! Ты сам теперь свидетель невинности моей: сколь я ни скромно сидел, но не мог избежать ругательства.

Простодушный отец, желая более увериться о сынке, за лучшее рассудил посадить его перед собою. А хотя отцу и казалось, что сын // его скромно на лошади сидит, однако он умел отца обмануть и сделать свое удовольствие. Он начал кривляться ртом и языком, сколько мог, на людей. Народ более прежнего дивился его затеям, а отец, не примечая ничего: с. 4

8 1788 притворился.

9 1781, 1788, 1798 обижает.

10 1781, 1788, 1798 возносят.

11 1781, 1788, 1798 ругали.

– Вижу, сын мой, – говорил, – твою невинность, вижу, что ты тих и скромен, но видно только, что несчастлив родился, когда все тебя терпеть не могут.

Чего для дабы избежать сего поношения, которое вместе с сыном претерпевал, оставив свое отечество, переселился в Прусское государство, откуда жена его была родом. Тут убогий старик, немного пожив, жену и сына оставил в великой бедности.

Совест-Драл не был человек мастеровой, намерения¹² и охоты к учению не имел и, будучи уже шестнадцати от роду лет, чрез одни свои шутки и выдумки находил везде для себя хорошее место по старой пословице: *шутам везде хорошо*. При том природа одарила его красотою лица, только нос весьма был большой; хотя он и¹³ ростом был более¹⁴ двух аршин, однако нос у него не против с. 5 росту был. //

Похождение третье

Каким образом Совест-Драл по веревке ходить начал учиться

Пословицу говорят: *где кошки нет, там мыши берут верх*; то ж и с Совест-Дралом после смерти его отца воспоследовало. Мать его, которой он не столько боялся, как отца своего, жила близ одной речки. Молодой Совест-Драл вздумал учиться по веревке ходить, с тем, однако, чтоб мать его о сем не знала.

12 1781, 1788, 1798 да и намерения.

13 1781, 1788, 1798 нет.

14 1781, 1788, 1798 не более.

Случилось, что она ходящего по веревке увидела и тотчас, схватив палку, хотела согнать. Еще тогда для него палочный бой был страшен! Что видя, ушел в окошко и взабрался на крышку.

Когда же Совесть-Драл в совершенный приходил возраст, то матери¹⁵ и совсем бояться перестал. Один раз протянул он веревку от своего двора к другому, который стоял по ту сторону речки. Народ на то собрался и ожидал с нетерпеливостью, что из того воспоследует. Совесть-Драл, сидя на веревке, делал разные телодвижения. О сем проведая мать и увидев, к чему веревка была привязана, взяла нож и перерезала оную надвое, так что Совесть-Драл с великим посрамлением упал в речку и принужден был // в ней поневоле купаться. с. 6
Предстоящие весьма сему смеялись и кричали:

– Ах, как хорошо ходит по веревке господин Совесть-Драл!

Насмешка¹⁶ крайне для него несносною показала, и он все способы выдумывал, как бы оную отмстить.

Немного времени спустя Совесть-Драл, чтоб поправить первую свою неудачу, протянул опять чрез реку веревку; множество народа на сие собралось. Совесть-Драл, сидя на веревке, предстоящим сказал:

– Кто от меня желает видеть что новинького, тот подать должен мне свой сапог с левой ноги.

Глупые мальчики, поверив его словам, скинули ему по одному сапогу; некоторые глупее еще оных и старики то же сделали; а он, взяв сапоги и перемешав между собою так, чтобы разобрать было не можно, одну из них часть развесил по веревке, а другую взял с собою и, взлез на веревку, начал оные метать на все стороны в воду и кричать:

¹⁵ 1781, 1788, 1798 матери своей.

¹⁶ 1781, 1788, 1798 Сия насмешка.

– Вот, вот, смотри всяк про себя!

с. 7 Все сожалели, кои дались ему в обман, броса-
лись все в воду для искания всяк своих сапогов. Но
как в таком замешательстве нельзя было всякому
своего сапога так скоро признать, то произошла из
того между ими ссора, которая жестоким кулач-
ным кончилась боем. Совесть-//Драл, сидя на ве-
ревке, чрезмерно смеялся и кричал на них изо всей
своей мочи:

– Ищите, братцы, ищите сапогов! Вы видели
меня, я прежде сего искал здесь поневоле рыбы.

И так Совесть-Драл, довольно насмеявшись,
оставил еще их в сей забаве и, забравшись сам до-
мой, не смел уже месяц целый показаться на ули-
цу. Он все сие время употребил на починку старых
сапогов, чему мать его весьма была рада, льстя себя
надеждою, что она будет иметь от своего сына хоть
чрез сие рукомерло то утешение, которое един-
ственно бывает наградою родителям в старости за
их попечения, не понимая того, что Совесть-Драл
делал сие от страха выходить на улицу.

Похождение четвертое

Мать хочет Совесть-Драла сделать художником

с. 8 Совесть-Дралова мать весьма тому радовалась,
что ее сын казался уже несколько поправившимся,
почему¹⁷ ласковее для него была, однако не пере-
ставала его бранить за то, что никакому не учил-
ся художеству, от чего бы как себе, так и // ей мог
доставить нужное пропитание; и хотя Совесть-Драл
всеми силами старался скрыть свое омерзение, ко-

17 1781, 1788, 1798 почему и.

торое он имел ко всякому художеству, но убежден беспрестанными матери своей к тому советами, отвечал ей на то:

– Не уж ли вы, сударыня, не знаете того, что против воли художествам учиться не должно, когда у меня нет склонностей, так и труд напрасный будет мой. Что ж касается до вашего пропитания, так вы знаете, что никто с голоду не умирал, именем¹⁸ Христовым многие кормятся; не уж ли одни вы оставлены будете?

Мать, не могши более к тому склонить своего сына, принуждена была в надежде обещания оставить его и себя с покоем.

Похождение пятое

Каким образом Совест-Драл обманул мать, а потом хлебника

Сидя Совест-Драл с своею матерью в один день голоден, помышлял, каким бы образом достать хлеба *себе и матери, почему, взяв матернее благословение, пошел доставать хлеба¹⁹; пришед же в близ отстоящий от своего жилища // город, приметил одного достаточного хлебника и, взошед²⁰ к нему на двор, сказал:

с. 9

– Отпусти, пожалуй, для моего господина на десять алтын хлебов.

Он назвал его и по имени, также сказал, где он и стоит квартирою, и спросил хлебника, чтоб отпустил с ним человека для принятия за то денег.

¹⁸ 1781 а именем.

¹⁹ 1781, 1788, 1798 нет.

²⁰ 1781, 1788, 1798 взошедши.

Хлебник ему поверил и отпустил *столько хлебов²¹, сколько он от его требовал, послав²² с ним своего работника. Совесть-Драл взял сам все хлебы и велел работнику идти вперед, но когда он уже был в далеком расстоянии от хлебникова дому, то упустил нарочно один хлеб в грязь и, остановившись, вскричал:

– Ах, вот несчастье! Что мне делать? Какое мне оправдание принести пред моим господином?

После работника просил сбегать домой и переменить хлеб, а сам хотел подождать. Работник, поверя так²³ честному человеку, послушался и побежал домой за хлебом, а Совесть-Драл, забравши все прочие²⁴, ударился из всей своей мочи бежать; но когда уже был за городом и, не будучи в силах таскать на себе оные хлебы, то по особенному счастью его попалась ему телега, на которую он, сложив свои хлебы, договорился везти к своей матери.

с. 10 Работник хлебников, прибежав с переменным // хлебом и не застав его на уреченном месте, возвратился домой и все по порядку хлебнику пересказал. Тотчас хлебник, побежав на объявленный от него постоянный двор и не сыскавши никого, узнал наконец и догадался, что был обманут. И так Совесть-Драл, приехавши с припасом домой, сказал своей матушке:

– Кушай, матушка, на здоровье хлебец, пока его тебе станет, а после еще для тебя Совесть-Драл достанет.

21 1781, 1788 нет.

22 1781, 1788, 1798 послал.

23 1798 как.

24 1781, 1788, 1798 прочие хлебы.

Похождение шестое

Что спящему Совест-Дралу в улье приключилось

Случилось в одно время быть Совест-Дралу с своею матерью в другой деревне у праздника, где, напившись допьяна, искал места, где бы мог с покоем уснуть. В одном доме приметил он в саду много ульев, как с пчелами, так и пустых, из которых выбрав один побольше, влез в оный и так крепко уснул, что и не слышал, как прошел день. Между тем около полуночи пришли два вора красть пчел и, уговорившись прежде между собой брать такие, которые бы были потяжелее, по случаю напали на тот улей, // в котором спал Совест-Драл. Сей показался для них из всех тяжеле[е]²⁵ и для того за благо рассудили оный унести. Но когда с ним поспешали домой, то Совест-Драл, пробудившись, стал в себе рассуждать, что бы с ним делалось, а приметив, что один вор нес его на себе, другой же шел перед ним, не много думав, схватил последнего так крепко за волосы, что он в беспамятстве начал своего товарища сильно ругать, на что первый ему отвечал:

с. 11

– Что тебе сделалось, конечно, ты с ума сошел! Ты разве не видишь, что я насили под ульем ноги волочу?

Наконец, оставив сии между собою переговоры, продолжали путь свой. Совест-Драл, помирая со смеху, вздумал еще один раз такую же сделать над ними шутку; подобным образом схватил он и другого из всей мочи за волосы, так что тот едва не повалился с ульем на землю. Сей в сердцах называл своего товарища злодеем, ни малейшего к человечеству сожаления не имеющим.

²⁵ Испр., в этом издании *тяжеле*.

– Ты не пощадил своего ближнего, – говорил он, – и нанес обиду такому человеку, который во всех твоих предприятиях участником быть не отречется. И так нет в тебе ни малейшей искры соболезнования.

Товарищ, слыша сие, называл его сумасшедшим.

с. 12 – Я иду пред // тобою, – сказал он, – а следовательно ни малейшего тебе оскорбления нанести²⁶ не в силах. Я промолчал, когда ты столь немилосердно ухватил меня за волосы, что я едва опаматовался, а теперь без сердечного возмущения не могу снести твоей насмешки.

Совест-Драл с великим удовольствием слушал сей разговор и старался еще более между собой их поссорить. Он схватил опять первого за волосы и так крепко об улей головою ударил, что тот, вышед из терпения, *с великою яростию бросился на товарища и, ударив о землю, бил его без всякой²⁷ пощады. Другой, видя такое товарища своего бешенство и горя²⁸ отмщением, столь сильно воспротивился, что битва сделалась кровопролитною, продолжалась до изнеможения, а кончилась побегом обоих и оставлением улья на дороге.

Совест-Драл, довольствованный столь редким приключением, остальную часть ночи проспал в улье спокойно. При солнечном же восхождении вылез из оногo и продолжал свой путь, сердечно радуясь о том, что его предприятия удачным успехом бывают сопровождаемы. //

с. 13

26 1781, 1788, 1798 нанести я.

27 1781, 1788, 1798 и ударил об землю улей, бил его без всякой.

28 1781, 1788, 1798 грозя.

Похождение седьмое

Как Совесть-Драл нанялся у одного плебана в служители и как он там обходился

Когда Совесть-Дралу наскучило жить при своей матери, то вздумал еще он быть слугою. И так пошел к одному плебану^{II}, предлагал ему свои услуги и обнадеживал его своею преданностию и рабским повиновением. Убежденный ласкательством плебан, принял его охотно и уверял, что все свои избытки разделит с таким человеком, который порядочно жить и учтиво с его кухаркою обходиться будет.

Дело было сделано, и Совесть-Драл, тою ж страстию в новом состоянии зараженный, искал токмо случая оказать опыт своего проворства. Видя же, что в плебанском доме кроме одной кухарки больше никого не было, весьма тому обрадовался. И, во-первых, получа от камердинерши его преподобия приказ смотреть, чтоб готовленные к пастырскому столу куры изжарились, пошел он в кухню и, вспомнив плебанские слова, бывшие при договоре, о разделении избытков, а особливо опасаясь, чтоб плебан не // солгал и не навлек с. 14
чрез сие на себя нареkanie, взял одну курицу и за здоровье почтенного своего господина ее скушал. А как время пришло подавать кушанье на стол, то кухарка, с единым токмо глазом рожденная, пришед на поварню за курами и увидев только одну, спросила Совесть-Драла:

– Куда девалась другая?

– Ежели взглянешь другим глазом, сударыня,
– отвечал новоопределенный служитель, – то увидишь и другую.

^{II} Плебан – католицкий приходской поп.

Раздраженная таким ответом кухарка бежит к плебану, рассказывает ему свою обиду и просит неотступно во²⁹ удовольствии. Честный отец спешил³⁰ на поварню для рассмотрения сего дела и, видя одну только курицу, спросил Совесть-Драла:

– Для чего ты над сею горлицею смеешься? Не думаешь ли и меня уверить, что две курицы на сковороде находятся, когда я одну токмо вижу?

– Никак, – отвечал Совесть-Драл. – Когда очи вашего преподобия проникают во внутренность сердец человеческих, то сея ли столь открытая вещи обозреть не могут? Курица здесь одна, другую же во исполнение вашей воли съел я; ибо когда выговорили вы о разделении со мною своих избытков, то³¹, признавая себя недостойным вашей смиренной трапезы и не обременяя вашу телохранительницу тою тягостию, кою // она при подаче мне кушанья понести должнаствовала, сделал я над курицею первый опыт разделения.

– Изрядно, – сказал плебан. – Но для чего назвал ты кривою мою кухарку?

– Для того, – отвечал Совесть-Драл, – что вы по своему сану любите правду и можете сами подтвердить, что у нее одного не достает глаза.

Бедный плебан со всею своею важностию принужден был молчать. Он старался токмо поссорившихся помирить, а для лучшего в предприятии своем успеха обещал Совесть-Дралу золотые горы с тем, чтоб он жил с кухаркой смирно и ей бы во всем повиновался.

– Я буду ей повиноваться во всем, – сказал Совесть-Драл. – А хотя произведена³² она в свет для произведения в роде человеческого смеха, но ваши

29 1798 об.

30 1781, 1788, 1798 спешит.

31 1781, 1788, 1798 то я.

32 1798 сотворена.

приказания удостоверили меня, что она прекраснее Елены и целомудреннее Сусанны.

Сим кончился третейский суд, и Совесть-Драл с того времени начал ей делать великие пакости, так что она, больше не могши с ним ужиться, просила плебана о его увольнении неотступно. А он, жалея сердечно кухарки, приискал Совесть-Дралу место при костеле и определил его дьячком во оной³³. //

с. 16

Похождение осьмое

Как поступал Совесть-Драл в новой своей должности

Перемена увеселяет человека, почему и Совесть-Драл не без удовольствия вступил во отправление новой должности. Веселые его мысли изобретали тысячу новых средств, из коих весьма добрые комические действия могли бы отродиться. Оставалось ему назначить токмо действующих лиц. Где ж их отыскать было должно? При самом костеле, ибо плебан с кухаркой такие по мнению его были творения, кои, живучи в обществе, никакой пользы для него не делали. По счастью, или лучше сказать по случаю, первое действие открылось плебаном. Сей строгий крестьянских нравов назиратель заглушал уши слышателей своими поучениями. А хотя и не был изучен наукам, проповеднику свойственным, но имея полный кошелек, бережливостию, или лучше сказать бесстыдством скопленный, выменивал на деньги хотя и не весьма замысловатые, однако ж для крестьян

33 1788, 1798 оном.

нарочито побудительные проповеди. Он называл их плодом своего разума и читывал с неописанным восторгом.

с. 17 Вошед в костел и узрев его на кафедре, иной бы тотчас возмнил, // что не усердие ко исполнению своей должности, но самолюбие и тщеславие его возбуждают; но как уму нашему во внутренность сердец проникнуть не возможно, то и оставим сие без исследования, а обратимся к Совесть-Дралу, который во время мши, надев верхнюю плебанову одежду, пробрался тихонько из костела и, скинув ее, полетел в дом к плебану. Почтенная его домохозяйка прибирала тогда комнаты. Совесть-Драл, обозрев ее, сказал, что плебан требует двухсот злотых, для того чтобы у прихожан на них выманить столько же. Сии простосердечные люди, уверенные о смиренномудрии его преподобия, не откажутся внести в костельную сумму последнего стяжания, когда увидят пастыря своего столь щедрым вкладчиком. Кухарка задумалась, а Совесть-Драл, уверяя ее о своей к плебану преданности, показал наконец верхнее его платье, коим в истинне своего требования тотчас ее удостоверил.

с. 18 Подхватив отсчитанные деньги, возвратился он в костел в то самое время, когда почтенный иерей противу сребролюбия на кафедре весьма жарко вооружался. Он доказывал, что попечение о собрании сребра и злата есть пагубно, что оно, преводя человека из одного бедствия в другое, наконец низвергает его в самую бездну време//нных и вечных злоключений.

– Не льстись, о смертный, – продолжал он, – наслаждаться спокойствием тогда, когда сундуки твои златом наполнены! С приумножением оного приумножается твое беспокойство, и самый немущий стократ тебя блаженнее...

– Куда ж употребить сие злато, если оно собрано? – прервал речь его Совесть-Драл, положивший на прежнем месте пастырскую одежду.

– Раздать по неимущим, – отвечал плебан.

– Изрядно, – сказал Совесть-Драл, – я первый сему мнению последую.

Тотчас он, выняв несколько золотых, начал делить присутствующих, кои по его мыслям беднейшими казались. Плебан, взирая на Совесть-Драла, расточающего свои деньги, терзался внутренно, что они не в костельную сумму попали. Но прошибка уже сделана, и он по окончании мши, возвратившись домой, рассказал сие приключение не без печали своей кухарки.

– Но получили ль вы от него двести злотых? – спросила кухарка.

– Ни одного, – отвечал плебан.

– Как ни одного, – вскричала она, – разве не вы присылали его за ними из костела, дав во уверение верхнюю свою одежду?

– Я не давал ему ни малейшего лоскутка, – сказал плебан. – И так, сей демон обманул меня.

– Да, я обманута, обругана и осмеяна, а вам должно за меня и за себя вооружиться // против его полным мщением. Он вас ограбил. Он выманил у меня двести злотых по вашему приказанию, во уверение же казал вашу верхнюю одежду и уверял меня, что сии деньги с лихвою от прихожан будут собраны.

с. 19

Плебан задумался, кухарка настояла просить, чтоб сей костельный тать предан суду и по всей строгости был наказан. Но он не осмелился к сему приступить, ибо, доказывая о расточении собранных имений по неимущим, хотел он наружно показаться истинным блюстителем своего слова. Действие окончилось тем, что Совесть-Драл в келье плебана предан был проклятию³⁴.

34 1781, 1788, 1798 проклятию и согнан.

Похождение девятое
Находясь при костеле, что еще
Совест-Драл сделал

Между тем как в дом его преподобия столь жестокое о Совест-Драле определение было подписано, вздумал он на другой день повеселиться еще на счет своего благодетеля. Но как можно было показаться ему в такое место, где его больше дьявола опасались? Совестный человек, сделав единожды с. 20 да еще наималей//шее ближнему огорчение, особливо при воззрении на него, терзается сердечно, соболезнует и с духом, исполненным раскаяния, открывает ему всю жестокость своего мучения. Совест-Драл же о сем не думал. Он родился для нанесения пакостей человеческому роду; он не почитал преступлением такого действия, которое приносило ему душевное увеселение, хотя бы оно и чувствительно ближнего оскорбляло. Он думал, что свет есть такой феатр, на коем никому не воспрещено делать язвительных шуток.

Задержав долго читателя скучным нравоучением, обращаюсь я к походу Совест-Драла, который, посоветовав сам с собой, пошел к плебану без всякой застенчивости. Увидя его, возмущился плебан и хотел его осыпать уже жестокими укоризнами, как Совест-Драл, приступя к нему со смирением, начал говорить следующее:

– Может быть, вы имели намерение изъяснять мне свое неудовольствие и доказать мою несправедливость. На вашем будучи месте и я бы то же сделать не усумнился. Но помедлите несколько. Узнав причину, понудившую меня поступать с вами столь дурно, вы будете мною довольнее. Бискуп краковский, основатель моего счастья, проведая о вашем усердии к должности, о вашем

смирении // и благочестии, послал меня рассмот- с. 21
 реть, подлинно ль вы такие имеете свойства, с ка-
 кими ему описаны. Я жил перее в вашем доме,
 а живучи, искушал вас неоднократно, но вы пре-
 были великодушны и дали мне хорошее за сие ме-
 сто. В благодарность за последнее ваше благотво-
 рение выманил я у вашей кухарки деньги, за кои
 всякий другой человек пылал бы отмщением. Вы,
 как я вижу, весьма мало о сем беспокоились. Итак,
 остается вам ожидать единого токмо счастья, ко-
 торое благие ваши дела вам предуготовляют. Не
 думайте, чтоб деньги ваши пропали. Они теперь
 останутся у меня для вашей же пользы.

Проговоря сие, вынул он кошелек и, показывая
 хотя уже и не двести злотых:

– Вот они, – продолжал речь свою важнейшим
 голосом: – В самых крепчайших сундуках не сы-
 щешь ты толикой для них безопасности, как в моем
 кармане. Да, честный отец, когда в виде столь низ-
 кого, столь презренного человека узнаешь ты абба-
 та Франциска, то, думаю я, согласишь всему мною
 сказанному.

Бедный плебан, обвороженный Сове- с. 22
 ст-Драловою проповедью, просил его не поставить
 себе во огорчение столь непристойного прежде
 с ним обхождения. Сове-ст-Драл, воспрещая напо-
 минать прошедшее, сказал ему, что, плененный
 чистотой // сельского воздуха, желает пробить
 еще три дни в его доме. Обрадованный присут-
 ствием столь почтенного гостя плебан бежит к ку-
 харке, рассказывает ей все происшедшее и напо-
 минает, чтоб она все свое поваренное искусство
 в сей день истощила, не жалея ни о деньгах, ни
 о припасах.

В час по полудни стол был накрыт и кушанье
 поставлено. Плебан потчивал своего нововыкроен-
 ного аббата, а сей его. Оба ели, оба выпораживали

рюмки и сделались пьяны. Совесть-Драл рассказывал простаку о своих доходах, о великолепии и убранстве своей кельи, и о прочих избытках. И как плебан токмо слушал и ничем не хвалился, то он спросил его, что он имеет примечания достойного в своем доме.

– Ничего, ваше высокопреподобие, – отвечал плебан.

– Я не верю сему, – говорил Совесть-Драл. – Оказывая себя скромным, ты и упомянуть не хочешь о своем стяжании. Но как я человек и любопытный, и скромный, а притом принимаю участие в возвышении твоего состояния, то хочу, чтоб ты показал мне все свое имущество.

Плебан согласился удовлетворить его любопытство и просил следовать себе³⁵ в кладовую.

с. 23 – Не так скоро, не так скоро, – сказал ему Совесть-Драл. – Мы теперь должны выпить за здоровье краковско//го бискупа, начинай ты, а я благодарить буду.

Плебан налил рюмку и хотел пить, но Совесть-Драл его остановил, сказывая, что имя столь великого человека требует большей жертвы. А между тем, обозрев стеклянную кружку, наполнил ее и принудил плебана совсем выпорожнить. Сей бедняк и так уже едва двигался, но еще влив в себя такой прием, какой для утоления жаждущего человека потребен, онемел и сделался неподвижным. Совесть-Драл, пользуясь сим случаем, повел его в кладовую и, осмотрев в ней все примечания достойные вещи, неприметно впускал в свои карманы все то, что ему наилучшим казалось. Действие кончилось тем, что плебан упал, а Совесть-Драл, пользуясь сим случаем, выкрался из дому, побежал в село и, наняв лошадей, отправился в Норинберг.

35 1798 к себе.

Похождение десятое

Как Совесть-Драл всех в богадельне больных в один день вылечил

Приехав в город Норинберг³⁶, велел он себя тотчас по всему городу объявить искуснейшим врачом. На сие время случи//лось в одной богадельне множество больных, которые, наскучив своему надзирателю, неотступно просили его сыскать Совесть-Драла, с тем чтобы он им помог. Надзиратель, его отыскав, просил вылечить больных и обещал ему хорошее награждение. Совесть-Драл сказал надзирателю:

с. 24

– Я берусь их в скором времени вылечить, если дашь мне двести червонцев.

– Изрядно, – сказал надзиратель, – я на сие согласен, но с тем только договором, чтоб после излечения платить тебе деньги.

Совесть-Драл ему отвечал:

– Ежели они не встанут, так я и полушки от тебя не потребую.

Сии слова весьма надзирателю понравились, почему и в задаток отважился он дать несколько Совесть-Дралу денег.

После того, пришед в богадельню, спрашивал всякого порознь, чем кто болен. А притом запретил каждому под клятвою никому не сказывать того, что он с ним делать намерен. И как все исполнить его приказание хотели, то он, возвысив голос, сказал:

– Если вы желаете в скором времени выздороветь и прийти в прежнее состояние, так непременно должно из вас одного сжечь, и тот порошок давать другим пить. И так слабейшего из вас следует теперь жечь для вспоможения прочим. Но чтоб сие удобнее узнать, то я // выйду с г[осподином] надзирателем на двор, закричу на вас громко, и на сей

с. 25

36 1781 Норимберг, 1798 Нирнберг.

голос немедленно должен всяк выходить ко мне, а кто останется, того жечь следует.

Всяк из них готовился, чтоб на первое приказание своего врача как можно поскорее поспеть. И как Совесть-Драл на них закричал, то все, которые за несколько лет не вставали, вскочили с *своей постели и³⁷ немедленно пред ним предстали, так что ни одного в больнице не осталось.

Совесть-Драл сей час начал требовать от надзирателя денег, которые он ему с великою радостью и благодарением отдал. Как же только он принял любезные денежки, то ничего не медля, сел на лошадь и уехал оттуда, а больные своему надзирателю опять явились в таком же состоянии³⁸; и когда вторично просили о своем исцелении, то надзиратель, сердясь, удивлялся их притворству. Он им говорил, что:

– Не тщетно трудился в приискании вам врача, ибо он вас тотчас поставил на ноги. Я сам был свидетелем, как вы строем к нему вышли.

Больные пересказывали надзирателю подробно, какое он с ними употреблял средство, и совершенно уверили, что он был обманут г[осподином] доктором, и что пропали невозвратно все на милос. 26 стыни собранные деньги. //

Похождение одиннадцатое

Совесть-Драл в городе Брунсвиге нанялся у одного хлебника приспешником

Собранные недозволенным образом деньги весьма недолго держались у Совесть-Драла.

³⁷ 1798 своих постелей.

³⁸ 1781, 1798 состоянии, как и были.

Расточая их повсюду, вскорости он обеднел и в сем состоянии³⁹ прибыл в город Брунсвиг. Проведав о состоянии некоторых жителей, пошел он прямо к хлебнику, который, за неимением на то время помощника, принял его с охотою.

Спустя несколько дней хлебник, будучи занят другим делом, приказал ему печь хлебы. Совесть-Драл при сем приказе спросил хозяина, как⁴⁰ он именно печь ему прикажет. Хлебник, осердясь на его столь глупый вопрос, сказал из сердцов:

– Ворон да морских кошек.

Совесть-Драл в исполнение приказания своего хозяина взял тесто и напек столько ворон и кошек, сколько ему на то теста доставало.

Хлебник пришел его смотреть работы и вместо выпеченных хлебов нашел он сделанных Совесть-Дралом кошек да ворон. За сие начал он кричать на его с гневом⁴¹ и между прочим спросил: //

– Каких чертей напек ты вместо хлебов?

На что Совесть-Драл отвечал хозяину своему:

– За что ты меня бранишь и бесишься понапрасну, когда сам не чертей, но ворон и кошек напечь мне приказывал? Я и исполнил приказание твое и не заслуживаю ничего, кроме одобрения.

Хозяин, рассердясь более, приказал Совесть-Дралу платить за тесто, на что он и согласился с тем договором, чтоб он ему отдал все, печенные им, кошки и вороны.

Сим кончилась ссора, и Совесть-Драл, сложивши свой труд в корзину, понес в костел. По счастью его был в то время праздник, на который собравшееся множество народа сей новый товар с великим для Совесть-Драла барышом раскупили.

с. 27

³⁹ 1798 положении.

⁴⁰ 1781, 1788, 1798 что.

⁴¹ 1798 досадою.

Хлебник, об этом проведавши, хотел было у Совесть-Драла все полученные за кошки и вороны деньги взять, но Совесть-Драл, давно уже научившийся таковых простаков проучивать, поскорее из города с деньгами убрался и ничего хлебнику не дал. //

Похождение двенадцатое

Чего Совесть-Драл в жизни своей берегся и какие для него были любезные вещи

Совесть-Драл любил находиться в компаниях, уединения же, как некоей заразы, бегал. В жизни своей ненарушимо хранил он следующее: кроме белого ни на каком коне не ездить, признавая, что в белом коне чистая кровь бывает. Стариков не иметь себе господами, почитая их поврежденными от слабости. Остерегаться старух, как заразительной болезни, почему часто повторял сии слова: «Огонь, мечь и старухи суть бичи человеческого рода». Лекарские порошки называл он предзнаменованием болезни. За крепчайший напиток почитал простую воду, говоря, что она силою своею великие в мельницах ворочает колеса, по сей причине, опасаясь, дабы не повредить своей чугунной головы, весьма редко употреблял оную, а всегда по склонности своей как в кушанье, так и вместо обыкновенного питья употреблял простое вино, проговаривая друзьям своим, что вино веселит сердце человека и разум // рождает.

Про себя он сказывал, что никогда не был пьян в жизни своей, но и трезвым быть в ней никогда не обещался. Друзей своих верных просил, чтоб они по смерти последнего ему долгу отдать не

позабыли, то есть, чтоб с пьяными слезами, с пьяными попами и в пьяной земле его положили.

Питейный дом называл он отцом, а вино матерью, почему почти никогда из уст его не выходила следующая песня:

ПО СХОДНОСТИ МЫСЛЕЙ ПЕСНЯ СΙΑ
ВЫПИСАНА ИЗ РОССИЙСКИХ СОЧИНЕНИЙ.

Что мне нужды в свете сем
Страсти разбирати?
Если худо кто живет,
Мне не отвечать.
Знаю только я вино,
Сладко ль, кисло ли оно.
Когда есть мне что налить,
Так я и доволен.
Пусть скупой и день и ночь
Барыши считает,
Пусть ревнивый за женой
Всегда примечает.
Я на рюмку лишь гляжу
И, налив вино, скажу:
«Была б ты, мой свет, со мной,
Больше мне не надо».
Щеголь моды вымышлять //
Век пускай трудится,
Волокитой будь старик,
Трус пускай гордится.
Коль бутылка предо мной,
Нет забавы мне иной,
Думы разные мой ум уже не тревожат.
Пусть любитель несчастлив плачет и вздыхает,
Пусть игрок, все проиграв,
Карты проклинает.
Я не знаю сей беды,
Мне вино милей воды,
Когда выпью рюмок семь,
Разум прибавляет.
Кто похулит жизнь мою, кто ей насмеется,
Тот бы знал, что тем моя рюмка не прольется.
Я не слушаю того,

с. 30

Мне вино милей всего.
Кто смеется в этом мне,
Сотью сам смеюся.

Похождение тринадцатое
Что сделал Совесть-Драл, находясь
при датском короле

Совесть-Драл шуточными и плутовскими своими поступками приобрел себе великую славу, так что не только кабаки, площади, города, села и деревни были его именем наполнены, но знатные господа и великие вельможи о нем ведали
с. 31 и всякий // из них приласкать его к себе старался.

По случаю достался он датскому королю, который его очень любил. В одно время велел он ему что-нибудь выдумать смешное, за что обещал пожаловать хорошую белую лошадь, подкованную самыми лучшими подковами.

Совесть-Драл по повелению своего короля весьма удобно сие исполнил. В день рождения королевского, сыскав одну престарелую бабу, от старости совсем ума лишенную, посулил ей сто червонцев, с тем чтобы она дозволила себя привязать под брюхо белой кобылы. А как она на сие согласилась, то накупил он у мясника кишок, которыми привязал ее к брюху белой кобылы. Сию столь изрядно убранную кобылу ввел в королевские палаты и говорил ему следующее поздравление:

– Милостивый государь! Сия кобыла прежде родила белого коня, которого вы мне пожаловать обещались, а теперь хочет родить старую волшебницу, которая, еще не обозрев света, сказывает, что вам только жить один день.

Король, вознегодовав на непристойную сию шутку, велел кобыле и бабе отрубить голову, а Совесть-Драла нещадно высечь⁴². После такого награждения печальный Совесть-Драл, пришедши к королю, сказал:

– Этот суд совсем несправедлив. Меня секли⁴³ кну//том за то же поздравление, за кое министры у вас кушают, разве они после обеда подобное мне награждение получают? Но и тут не будет равновесия, я принял вашу милость, не съев ни единого куска, с надлежащим почтением. Итак, прикажите их наградить тем же подарком теперь, доколе они не совсем наелись, а мне уже, как заслужившему, на их место сесть кушать благоволите.

с. 32

Король, рассмеявшись, приказал ему сесть за стол, за коим шутил он столь исправно, что король за смехом не мог ничего кушать; прочие же предсказаниями его в такую приведены были задумчивость, какая людям, несчастиями удрученным, свойственна.

Совесть-Драл, прежним приказанием в сильное движение приведенный, напал с великим жаром на поставленные ествы и питья и в краткое время выпорожнил многие блюда и бутылки. После стола получил себе в награждение белого обещанного коня, которого тотчас повел к золотых дел мастеру и приказал немедленно подковать его золотыми подковами. Приказания Совесть-Драловы были исполнены в скором времени, и конь его щеголял в весьма дорогой обнове. Совесть-Драл, пришед к королю, просил его, дабы по своему обещанию приказал выдать деньги // за подковы, не объявляя того, что они золотые. Король потребовал казначея и велел ему просителя удовольствовать. Казначей поворотился проворно и отчел ему столько

с. 33

⁴² 1798 наказать.

⁴³ 1798 били.

денег, сколько обыкновенно за подковку одной лошади дается. Но Совесть-Драл их не взял и потащил за собою казначея к золотых дел мастеру, который требовал за работу ста червонцев. Казначей задумался, а Совесть-Драл требовал денег неотступно. Дело дошло до короля, который, призвав Совесть-Драла, сказал ему:

– Кто приказал тебе ковать коня такими подковами? Моего на сие не было повеления.

– Всемилоостивейший государь, – отвечал Совесть-Драл, – вы сами изволили приказывать, чтоб самыми лучшими подковами моя лошадь была подкована; и так, повинувшись моему королю повелению, приказал я подковать ее золотом, которое всем металлам предпочитается.

Король, будучи весьма доволен тем, что он свято⁴⁴ соблюдает его повеления, тотчас приказал выдать сто червонцев. В ту самую минуту, в которую деньги были заплачены, Совесть-Драл, отодрав подковы, продал, а деньги употребил на свои питейные надобности. На другой день, подошедши к королю, сказал ему следующее:

с. 34 – Ваше величество! вы редких у себя види//те слуг, коих бы в верности можно было сравнить со мною; всякий день доказываю я оную весьма ясно. Вы против своего почти желания приказали моего коня подковать золотыми подковами, а я так же с великим рачением, наблюдая вашу казну, отдал их в ваш казенный питейный дом, не получив однакож совершенного там удовольствия.

Король, удивляясь несребролюбивому Совесть-Дралову духу, приказал везде его поить безденежно. А Совесть-Драл сию милость почитал за первое себе счастье и при оном короле находился до его смерти.

44 1798 ненарушимо.

Похождение четырнадцатое

**Что с Совесть-Дралом случилось,
когда он, по причине приключившейся
королю опасной болезни, а потом
и смерти, оставил датский двор**

Королевская смерть похитила Совесть-Драловы доходы. Оставленный от приятелей, притесняемый врагами, принужден он был удалиться в такое место, где его совсем не знали.

По случаю попался он к одному графу, которому назвался довольно искусным живописцем. И так // почтенного сего художника принял он в дом и приказал украсить покои живописью, изображающею родословие всей своей фамилии, за что обещал его наградить весьма щедро. Совесть-Драл объявил своему господину, что меньше четырех сот червонцев за работу взять не намерен. Граф на то охотно согласился и велел ему в задаток выдать сто червонцев для исправления касающихся до его художества надобностей и приискания себе помощников. И как уже все было в готовности к начатию дела, то пошел он к своему господину и договорился с ним, чтоб никто до окончания работы к нему не ходил.

с. 35

– Поди, – сказал ему граф, – и начинай дело, мы тебе мешать не будем.

По прошествии нескольких недель вздумалось ему посмотреть Совесть-Драловой живописи. И так, призвав его, просил, чтоб дозволил ему взойти посмотреть своей работы. Совесть-Драл, будучи не в силах отказать своему хозяину, повел его с собою, но, идучи, напоянул, что незаконорожденным не можно увидеть сей живописи. Граф усумнился, но не хотя сомнения открыть живописцу, вошел в покои. Совесть-Драл указал на стену, на коей ничего не было написано, и вычислял на ней по порядку

с. 36 всех его сиятельства предков, // напоследок спросил его:

– Какова вам моя работа кажется?

Граф, кроме алых стен ничего не видя, и вправду подумал, что он был незаконный сын, но, не давая о сем знать Совесть-Дралу, сказал, что работа на стенах столь превосходна, что и судить об ней почти не возможно, а особливо такому человеку, который в ней не весьма много упражнялся. Выговорив сие, вышел он вон.

Графиня, будучи столько же любопытна, как и все прочие женщины, не умедлила посетить Совесть-Драла, но прежде вступления в покои услышала она ту же самую от Совесть-Драла тайну, почему⁴⁵ по обозрении стен принуждена была хвалить то, чего совсем не было. Возвратившись к своему мужу, говорила она, что пустые только видела стены, что Совесть-Драл есть не что иное как великий плут, который на счет легкомысленных людей тешится. Граф, желая изведать сие обстоятельнее, приказал всем находящимся при своем доме людям взойти к Совесть-Дралу для осмотра его работы. Живописец, проведая о сем, побежал немедленно к казначею, требовал от него ста червонцев по графскому повелению и, достав их чрез разные хитрости, ушел немедленно из дому, оставя там на рассмотрение свое мастерство // графу, графине, их служителям и целому свету. Сего еще не довольно: он написал к графу такое письмо, которое больше обмана оскорбить его долженствовало. Оно есть следующего содержания:

Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Вы нетерпеливо желали видеть опыт моего искусства; я не мог вам сделать в сем⁴⁶ удовольствия, тем

45 1798 И так.

46 1798 том.

наипаче, что для обозрения оного потребны были глаза сверхъестественно расположенные, но как вы, может быть, столь же нетерпеливы, как и все, то повелите супруге своей вынуть вам глаза и поставить их в затылок. Я уверен, что она не отречется сделать сию столь редкую операцию. А как вы по моему начертанию преобразитесь, то возьмите зрительную трубу, которая вам всю вашу фамилию на стенах покажет. И ежели увидите, что она не в точность мною написана, то причиною сему были ваши предки, которые, выпуская по неосторожности из фамилии своих детей, принимали в оную слуг и земледельцев. Возвратясь в скорости к вам, обещаюсь я опять ваши глаза по-прежнему поставить, и они будут столь же быстро смотреть на поступки вашей супруги, как и прежде. Прочие же предметы недостойны внимания вашего сиятельства; они со//творены для черни, которая без разбору всякому творению естества удивляется и которая не без удивления будет взирать и на вас, если последуете совету вашего усердного слуги Совест-Драла.

с. 38

Избегнув мщения раздраженного графа, определил Совест-Драл не называться впредь живописцем. И так, оставя графский дом в немалом неудовольствии, принял он намерение побывать в городе Праге, куда благополучно и отправился.

Похождение пятое на десять

Совест-Драл в пражском училище с ректором и профессорами спорил

По прибытии в Прагу Совест-Драл уведомил о себе, что он упражнялся долговременно в науках. Ректор имеющегося в том городе училища, проведав об нем, прислал *его просить⁴⁷ к себе в собрание с тем умыслом, чтоб его самохвальство при

⁴⁷ 1798 просить его.

всей *обесчестить публике⁴⁸, если не будет отвечать на данные ему вопросы.

В назначенный день явился Совесть-Драл в собрание с несколькими прагскими мещанами, для своей безопасности приглашенными, и не успел еще оглядеться, как велено ему // взойти на кафедру и отвечать на задаваемые вопросы. Повинуясь общей воле, взошел он на назначенное место, где встречен был следующими ректорскими вопросами:

– Называя себя ученым человеком, можешь ли ты исчислить и привести в капли морскую воду?

Совесть-Драл, не долго мысля, на сей вопрос немедленно ему отвечал:

– Когда вы прикажете прежде остановить все выпадающие в море реки, то я вам тогда скажу, сколько капель в морской воде содержится.

Ответ для господина ректора показался невозможным, почему и принужден он со стыдом оный оставить и приступить к другому. И так спросил его ректор:

– Сколько дней прошло от создания Адама доныне?

– Семь дней, – отвечал Совесть-Драл, – а когда сии проходят, то другие следуют, и сие течение времени продлится до скончания мира.

Ректор спросил его еще:

– В котором месте середина света?

– В том, в которое по верному измерению света, будет серединою оною.

– Как далеко небо от земли?

– Так близко, что человеческий голос слышать там можно; а когда вы сему не верите, то и[з]вольте⁴⁹ взойти на время на небо и истинну моего ответа самолично там исследуйте.

48 1798 публике обесчестить.

49 Испр., в тексте илвольте.

Наконец спросил его ректор:

– Сколь обширно небо?

– Стократ обширнее человеческих мыслей,
– отвечал Совесть-Драл; – если же вы сум//невае-
тесь и не верите моему ответу, то прикажите снять
солнце, месяц и все звезды и измеряйте оное сами.

с. 40

Сим кончилось достойное слушания прение,
между ректором и Совесть-Дралом происшедшее.
Члены собрания задумались, а Совесть-Драл, вы-
державший столь жаркую сшибку, предложил
ректору, чтоб еще спрашивали его господа про-
фессоры, и ежели он останется победителем, то
б наградили его, как человека, истинную похвалу
заслужившего. Ректор приказал о разных матери-
ях Совесть-Драла всякому профессору вопрошать,
а Совесть-Дралу объявил, ежели на все вопросы
каждому будет отвечать правильно, то за всякий
ответ по червонцу в награждение получит. Совесть-
Драл к сему с радостию приступил, и началось сие
следующим порядком:

1.

Профессора вопрос:

Кто, не родясь, умер?

Ответ Совесть-Дралов:

Адам и Евва.

2.

П. В.

Кто, живота лишась, не гнил, или кто, родясь, не умирал?

О. С.

Лотова жена. //

с. 41

3.

П. В.

Кто кричал, не имея языка?

О. С.

Кровь Авеля, убиенного братом своим Каином.

4.

П. В.

Где осел кричал так громко, что его голос весь свет слышал?

О. С

В ковчеге Ноевом.

5.

П. В.

Кто однажды рожден, а дважды умирал?

О. С.

Лазарь.

6.

П. В.

Какая вода обманчива?

О. С.

Женские слезы.

7.

П. В.

Сколько дней приятных с женою?

О. С.

Два: первый, как браком сочетается, а другой, когда мерт-
вую со двора понесут. //

с. 42

8.

П. В.

Кто богат на бумаге, а убог на деле?

О. С.

Арифметик.

9.

П. В.

Когда человек сам себя больше бывает?

О. С.

По смерти.

10.

П. В.

Который камень во всей вселенной дороже?

О. С.

Мельничный, ибо он к сохранению жизни человеческой
всего нужнее.

11.

П. В.

Что есть жена?

О. С.

Жена есть нужное зло для размножения рода человеческого,
для утехи, скорби, сладости, горести, покоя, злости и всего,
что есть хорошее и худое.

12.

П. В.

Сколько степеней сребролюбия? //

с. 43

О. С.

Три:

1. Желать от другого.
2. Свое подалее прятать.
3. Отдавши, сожалеть.

13.

П. В.

В котором часу должно кушать?

О. С.

Богатые, когда хотят, а убогим, когда случится.

14.

П. В.

Кто худо управляет языком?

О. С.

Дурак во время разговоров, а разумный во время молчания.

15.

П. В.

Кто слуга слугам?

О. С.

Тот, кто всем угодить желает.

16.

П. В.

Когда малые рыбы в почтении?

О. С.

Тогда, когда больших нет. //

с. 44

17.

П. В.

С какими вещами бережливо поступать должно?

О. С.

С дружеством, ибо оно так, как сосуд глиняный, скоро теря-
ется и редко возобновляется.

18.

П. В.

Когда оно между друзьями разрушается?

О. С.

Тогда, когда из них один на высшую степень восходит.

19.

П. В.

Что ничего не страшится?

О. С.

Чистая совесть и спокойный дух.

20.

П. В.

Чего всяк старается убежать?

О. С.

Дорогой пищи, то есть лекарства, худой дружбы, то есть палача, злой жены и проч.

21.

П. В.

с. 45

Что сохраняет общество? //

О. С.

Премудрость градоначальника, здравый закон и повиновение оному.

22.

П. В.

Что с трудом растет, а с покоем умяляется?

О. С.

Слава и честь, когда человек упокоится сном смертным.

23.

П. В.

В чем пред мужчинами женщины преимущество имеют?

О. С.

В чувствах.

24.

*П. В.*Кои⁵⁰ советники справедливы и неробки?*О. С.*

Мертвые, то есть книги.

25.

П. В.

Какие добрые матери злых детей рожают?

О. С.

Сии: правда рождает ненависть; дружество – презрение; до-
вольство – гордость; безопасность – простосердечие и мно-
гия беды. //

с. 46

26.

П. В.

Какое слово у грамматиков беднейшее?

О. С.

Было или имелось, понеже⁵¹ тот дважды беден, который по-
сле благополучия попался в руки несчастья.

27.

П. В.

Какие люди взаимно в болезни пользуются?

О. С.

Лекарь и больной; лекарь старается о здравии больного,
а больной о наполнении кошелька лекарского.

28.

П. В.

Которых дней в календарях не пишут?

О. С.

В которые от нас на тот свет послы отправляются.

29.

П. В.

Для чего юноши во всем отважнее?

О. С.

Для того, что иначе, нежели старые, рассуждают. В них цве-
тет самая чистая кровь, которая, распространяясь по все//
му телу свободно, нечувствительно движет члены и дух ожи-
вотворяет.

с. 47

30.

П. В.

Для чего юноши страстям более прочих подвержены?

О. С.

Для того, что они большую имеют горячность.

⁵¹ 1798 ибо.

31.

П. В.

Для чего юношество непостоянно?

О. С.

Для того, что в юношестве от быстрого течения крови дух во всегдашнем бывает движении, из чего и происходит, что юноши скоро соплетают дружелюбие и оное опять разрывают, скоро воспаляются гневом и опять примиряются.

32.

П. В.

Для чего юношество всему верит?

О. С.

с. 48 Для того, что молодые не много еще жили, а следственно и не много бывали обмануты. //

33.

П. В.

Кто дважды дурак и беден?

О. С.

Тот, кто, не сделав другим вреда, себе добра приобрести не может.

34.

П. В.

Какое учение не известно нам и тогда, когда мы беспрестанно оным упраздняемся⁵²?

О. С.

Лекарства аптекарские.

35.

П. В.

Что за вещь твоя собственная, которую более тебя другие употребляют?

О. С.

Имя, которым меня всегда другие называют.

36.

П. В.

Без чего бы в обществе недостаток был?

О. С.

Без убожества; ежели бы его не было, то не было бы ни земледельца, ни сапожника, ни пастуха, ни профессора, ниже Совесть-Драла.

52 1781, 1798 упражняемся.

37.

П. В.

От чего бывает у нас ссора? //

с. 49

О. С.

От моего и твоего.

38.

П. В.

Какими степенями выходят в чести?

О. С.

Сребреными, золотыми, а за нужду и медными.

39.

П. В.

Какая вещь в худом употреблении?

О. С.

Вино между немцами, червонцы между жидами, разумный
между дураками.

40.

П. В.

Что возвращается от гроба теми ж дверьми, которыми в него
входит?

О. С.

Пища или питье, чрез меру принятое.

41.

П. В.

От чего людям на море рвота приходит?

О. С.

От солоноватого воздуха над тамошнею водою, наполненно-
го кислыми и горькими парами, которые, входя во внутрен-
ность человека, сперва тоску, а потом рвоту причиняют. //

с. 50

42.

П. В.

От чего у человека прежде всего заболит сердце?

О. С.

От жестокого морского волнения, а паче всего от болтания
профессорского.

43.

П. В.

Дородные ль люди умнее или сухие?

О. С.

Сухие, как я, умнее, а дородные, как ты, глупее.

44.

П. В.

Долгие или короткие волосы носить лучше?

О. С.

Мне – короткие, чтоб тебе за меня не зацепиться, а тебе долгие, чтоб мне покрепче за них ухватиться.

45.

П. В.

У каких народов долгие волосы в обычае были?

О. С.

У тех, которые на тебя походят.

46.

П. В.

с. 51

Может ли вино жажду утолить? //

О. С.

Может, да еще не токмо на время, но и вечно.

47.

П. В.

Кто тебе вспомоществует в твоих ответах: природа или учение?

О. С.

И то, и другое.

48.

П. В.

Когда вымыслы разные начались?

О. С.

Когда умные дураками сделались.

49.

П. В.

Каким бы титулом таких людей наименовать?

О. С.

Профессорами.

50.

П. В.

Кому поистинне исповедываться должно?

О. С.

Стряпчему, лекарю, духовному отцу и Совесть-Дралу.

51.

П. В.

Кто в Праге более всех похвалы достоин? //

с. 52

О. С.

Совесть-Драл, ибо он от вас, как от собак, один отгрызается.

Столь неучтивое выражение возмутило профессора, почему и оставил он с великим неудовольствием кафедру и Совесть-Драла. Молчание господствовало повсюду до тех пор, пока ректор не встал с места. Он говорил, что ответы Совесть-Драловы противны правилам нравственной философии и не награждение, но наказание заслуживают. Итак, должно ему еще решить один вопрос, ежели избегнуть наказания желает.

Г[осподин] Р[ектор]

ПОСЛЕДНИЙ РЕКТОРСКИЙ ВОПРОС

Что случилось со всем смертных родов⁵³ поныне, и что с оными и до скончания века случится?

ОТВЕТ СОВЕСТ-ДРАЛОВ

Смерть. Сия отцу моему, матери, сродникам, всем ректорам и профессорам пустословия, и Совесть-Дралу случится и поведет нас в такое место, в коем о пустом и порожном, о монадах и прочих невразумительных содержаниях лучшее понятие получите.

Выговоря сие, сошел он с кафедры и просил предстоящих людей, чтоб на время из комнаты выйти // благоволили, обещая притом такое им в следующий день представить зрелище, каково-го они и ожидать не думали. И как все на его мнение согласились, то сказал он, чтоб ключ от покоя

с. 53

⁵³ 1798 родом.

отдан был ему, а получив во всем желаемое и выпустив всех вон, написал он письмо следующего содержания:

Господа ученые дураки!

Кто желает по-прежнему языком болтать, тот поскорей бы бросился в холодную воду, и возвратится ему профессорский ум, и будет по-прежнему голова дурацкая. Вот вам диспут, знайте Совесть-Драла, поминайте его и впредь не болтайте.

Оставив на столе письмо, выбрался он из университета немедленно и, пришед домой, ожидал с нетерпеливостью того вожделенного утра, которое для собрания в университет профессорам и прочим слушателям назначил. Наконец оно настало. Все собрались к дверям комнаты, все думали найти какую-либо новость, и все, кроме затворенных дверей, ничего до полудня не увидели. Нетерпеливость принудила г[осподина] ректора сказать, чтоб дверь каким-нибудь образом отперли. И так призван был слесарь, который помощью своего искусства оную отворил, а чрез сие самым // почтенным в Праге умам дал знать, что они обмануты, осмеяны, одурачены, ибо молодой человек, прочих проворнейший, обозрев Совесть-Дралово письмо, прочел его так внятно, что целый город узнал о сем весьма скоро.

Похождение шеснадцатое

**Каким образом Совест-Драл в Саксонии
разослал письма свои всем портным,
чтобы они съехались в город Росток,
где он находился, с изъяснением, что
желает их обучать портному искусству,
какового они еще не могли до сих пор
знать**

Совест-Драл по нескольких днях прибыл в Росток и ославился там между цеховыми портными, а потом к ним вздумал рассеять по польским, немецким и другим городам свои грамотки. В оных уверял всех портного дела мастеров и подмастеров, что он желает им великого добра и для того просит к себе в город Росток, только б они к нему приехать не замешкали и собрались бы чрез год с женами и детьми все без изъятия, а он им обещает безденежно // такой секрет объявить, от коего не только одни они великую пользу, но и дети их вечный хлеб иметь будут.

с. 55

Услышавши того города портные о таковой для них пользе и великом секрете, всем в других городах и селах, равно и по деревням живущим портным, письменные объявления разослали, чтоб как возможно поскорей они съезжались в город Росток и на показанный в Совест-Драловом объявлении годовой срок все б до одного портного с женами и детьми явились, не оставляя ниже больных. По которым объявлениям со всех городов, сел и деревень портные прислали в город Росток к Совест-Дралу письменные ответы, что они на почте как возможно будут стараться прибыть на положенный от Совест-Драла срок. И как⁵⁴ собралось их немало, то Совест-Драл спрашивал, все ли они собра-

⁵⁴ 1798 так.

с. 56

лись. Ибо ежели хотя одного не будет, то не могут и они понять того секрета, кой⁵⁵ он открыть им обещается, почему принуждены были собравшиеся портные нарочных от себя своих товарищей посылать, чтоб они всех портных, их жен и детей, хотя бы и при дверях⁵⁶ смерти находящихся, *в самой скорости привозили⁵⁷ в город Росток и как можно поспешали к положенному // от Совест-Драла сроку; а ежели который болен и не пожелает ехать, такового насильно привозить. Ежели же кто из них умер на дороге, то и мертвых привозить, чтоб исполнить Совест-Дралово приказание, ибо все они желали себе достать тот секрет, коего всяк с нетерпеливостью ждет⁵⁸.

Как собралось в город Росток превеликое множество со всех ближних и отдаленных стран портных с женами и детьми, в коем числе привезено много больных и мертвых, кои⁵⁹ на дороге померли, то городские жители толь великому портных собранию весьма удивлялись и боялись, чтоб они их не начали выгонять из города. Совест-Драл за оставшиеся еще у него червонцы скоро по приходе своем в город у всех жителей откупил как хлеб, так и все съестные припасы, и учредил от себя маркитантов, посуля им половину выручаемых денег. Он приказал им сделать возле реки превысокий каменный столб и внутрь его ход, из коего велел провесть⁶⁰ в реку подземный скрытный выход, и во оный столб класть за продажу разных припасов деньги. Притом объявил своим маркитантам, чтоб дотоле продажу имели, пока он не взойдет для

55 1798 который.

56 1798 самой.

57 1798 наискорейше привезли.

58 1798 ожидал.

59 1798 которые.

60 1781, 1798 привести.

показания секрету на тот столб и // пока на оном столбе не увидят, и чтоб еще до восходу его на оный все б деньги были в кожаных мешках снесены. с. 57

И как уже портные долго своих из далеких сторон товарищей дожидались и несколько тысяч их в тот город собралось, то по многолюдству все съестные припасы у маркитантов раскупили весьма дорогою ценою. Когда же собранные великие тысячи положили они в столб и уже не только продавать нечего стало, но и сами голод претерпевать должны были, то Совесть-Драл, сделавший из того столба тайный в *предстоящую недалеко речку⁶¹ выход, и мешки с деньгами на другую сторону речки в предстоящую большую болотистую рощу перетаскал, а потом взлез на верх столба и велел всем портным слушать его секрет на городских стенах. Лишь сие он выговорил, то не токмо все портные, жены их и дети, но и жители того города на стену влезли. Тогда Совесть-Драл, приготовив канат, по которому можно б было скоропостижно спуститься внутрь в сделанную в столбе дыру и уйти чрез подземный выход на другую сторону речки в непроходимый лес к своим любезным деньгам, стал на самом верху столба и зачал⁶² громко говорить ниже следующее // наставление:

с. 58

– Почтенные господа! Первое искусство портного мастера состоит в том, извольте себе в памяти гораздо затвердить, что ежели кто из вас будет иметь аршин, ножницы, нитки и наперсток, тому нет нужды искать других инструментов, ниже должно об них много думать. Сами они легко каждому попадают, потому что без них ремесла своего производить не можно. Вот вам первая наука от меня, извольте держать ее крепко в памяти.

61 1781 предстоящую недалеко реку, 1798 близ протекающую реку.

62 1798 начал.

ВТОРОЕ ТОМУ ПОДОБНОЕ.

Когда нитку проденете сквозь ушко игольное, то сперва надобно знать, что надлежит на нитке у другого конца завязать узелок, а иначе по пустому будете шить, да и на нитку нельзя ж пенять, когда она сквозь сукно без узла проскакивать станет.

Портные, ожидая важнейшие услышать вести от Совесть-Драла, сказали⁶³ ему:

– Твой секрет не только мы, но и наши ученики давно уже знают. Мы не думаем, чтоб только было твоей премудрости. И так, ежели ты знаешь что большее⁶⁴, то не отрекись объявить нам, ибо для такой безделицы, которой давно уже изучены, не приехали б мы из столь далеких стран.

с. 59

Совесть-Драл им на то сказал:

– Ведь и // то давно ж было, что за тысячу лет на свете делалось, однако из нас теперь никто не может оного памятовать, и ежели вам сие противно, то лучше поезжайте в те места, из коих вы приехали. Послушав глупого, сделались вы глупейшими, а *дуракам закон не писан*. И так, прощайте, братцы.

Совесть-Драл, выговорив сие, поскорей по веревке сквозь сделанную в столбе дыру ушел поспешно к любезным своим денежкам. Портные, узнавши таковой⁶⁵ обман и ругательство, бросились все к столбу искать Совесть-Драла, а марки-танты положенных денег, и начали разламывать столб. Совесть-Драл во время сего происшествия с денежками подкопом в рошу ушел, где, сыскавши пасущихся лошадей, уехал в город Ерфорт. Портные, не сыскавши Совесть-Драла, отмсти-

63 1798 отвечали.

64 1798 важнее.

65 1798 такой.

ли его насмешку на маркитантах, коих за то, что дорогою продавали ценою съестные припасы, жестоко били, да и весь город до крайнего довели бедствия.

Похождение седьмое на десять

Что Совест-Драл в городе Ерфорте сделал с козою и ректором

Опасаясь Совест-Драл, чтоб не воспоследовало с ним чего худого за при//чиненный им порт-
ным обман, оставил он город Росток и вздумал
ехать в город Ерфорт, в котором хотел поступить
таким же образом, как и в городе Праге в ученом
собрании.

с. 60

Как в городе Ерфорте было славное училище, то Совест-Драл в оном объявил себя искуснейшим учителем. Ректор того училища, давно будучи известен об его проказах и хотев над ним посмеяться, послал к нему козу, чтоб он выучил в одну неделю по книге читать, и обещал ему за то довольное награждение; а ежели не выучит, то жестокое наказание.

Совест-Драл не отказался от сего и, прося на месяц у ректора сроку, говорил ему:

– Г[осподин] ректор! Я затем прошу месячного сроку, что из всех у тебя в науке находящихся, коих я видел, конечно выбрали мне такую непонятную, с которою и сам ты совладеть⁶⁶ не можешь. Но оставим сие. Я слышал, что вы употребляете их молоко, которое почитается лекарственным, а более от чахотки, и ежели это правда, то ты, будучи

⁶⁶ 1798 сладить.

с. 61 так худ и слаб, выгнав⁶⁷ оную из легкого, преобразился в старую лихорадку. Я хочу на тебя смотреть, но страшусь, чтоб рвота меня не замучила; я думаю показать тебя нежному полу, но опасюсь, чтоб, обозрев тебя, не отвра//тили они от всех мужчин своих взглядов. Жаль, что ни единое редкостей хранилище до сего времени в стенах своих тебя не заключает.

Сию насмешку Совесть-Драл ректору потому сказал, что ректор козу отдавал ему с насмешкою; да и в самой вещи ректор был обдержим чахоткою, от злого нрава возродившеюся. Сухое лицо, рябинами покрытое, и прочие худо расположенные члены делали его самым скудным естества произведением. Сей почтенный муж сказал Совесть-Дралу:

– Полно врать, когда хочешь, так бери козу на выучку, по твоему требованию я отдаю тебе ее на месячный срок.

Совесть-Драл, на то согласившись, принял свою ученицу и, сыскавши ветхую книгу, начал ее учить следующим порядком. Когда время приходило кормить козу, то Совесть-Драл за всякий в книге листок насыпал овса и клал оную книжку пред нее, коза для сыскания овса всякий листок в книге оборачивала. Наконец, когда не ставало⁶⁸ овса, то кричала она: «а-а-а». И таким порядком скорее месяца привыкла в книге оборачивать и без овса листы.

с. 62 Совесть-Драл, не теряя времени, повел свою ученицу к г. ректору на экзамен, а ректор, увидев, что коза оборачивает листы и кричит беспрестанно «а-а-а», чрезвычайно удивился, не зная причины, что коза для овса кричит и, оборачивая листы, оного ищет. Потом, не хотя Совесть-Дралу за выучку ее заплатить, сказал:

67 1781, 1798 выгнал.

68 1798 доставало.

– Твоя, Совесть-Драл, наука пустая, коза и прежде сего кричала так.

Совесть-Драл сказал:

– Г[осподин] ректор, ежели ты мне не заплатишь, то я тебе сделаю то, что будешь так же, как и коза, кричать, и уже не будешь более ректорствовать.

Услышавши речи Совесть-Драловы, ректор испужался и велел Совесть-Дралу дать тотчас довольное награждение. Совесть-Драл, получа награждение, сказал:

– Прощай, г[осподин] ректор, почитай ты себя счастливым, что Совесть-Дралов жар на сем пункте кончился. Впредь опасайся трогать того, который всегда тебе может вредить по пословице: *малая искра большое поле сжечь может*.

Похождение осьмое на десять

Каковое было Совесть-Дралу приключение по пришествии его в Рим

Напроказничавши Совесть-Драл везде, где только он не побывал, захотел еще видеть в Риме папу; и так отправился туда в платье е[зуитском]. Он знал, что сей орден у тамошнего дворянства в ве//ликом почтении и доверенности, потому что е[зуиты] для разрешения жен их совести в особливых покоях с ними живут по несколько времени. Совесть-Драл выпросился к одной дворянке на квартиру, которая, увидевши его в е[зуитском]

с. 83⁶⁹

69 В издании ошибочно вместо 63 проставлен номер 83, и с этого места до конца I части продолжается неправильный счет страниц.

платье, спросила, зачем⁷⁰ пришел он в Рим. Совесть-Драл отвечал смиренным голосом:

– Милостивая государыня! Сие путешествие мною предпринято единственно для того, чтоб удостоиться видеть п[ану] и с ним поговорить о некотором важном деле.

На то сказала дворянка Совесть-Дралу:

с. 84 – Отец мой! П[ану] ты видеть можешь, а чтоб тебе с ним разговаривать, то сие дело почитаю невозможностию. Я здесь рождена и воспитана, да притом еще и дворянка не последняя, однако не имела еще сего счастья, чтоб удостоиться могла хотя келейно поговорить с толь почтенною особою. Сие дело требует особливой природы и счастья, а тебе, такому беспомощному и странному человеку, как можно с ним разговаривать? Разве по особливому вашему счастью, не покажетесь ли вы ему по величине вашего росту, красоте⁷¹ лица, по превосходному стану, важной вашей осанке, кроткому нраву и высокому разуму? Сие, отец мой, – продолжала дворянка речь, – беспристрастно я вам // докладываю. В жизни моей во всем вашем обществе такого человека я не видала. При первом вас обозрении я и дочь моя, девушка, довольно в свете обращавшаяся, удивились. Поверьте чистосердечной женщине и дворянке, которая искренно признается, что вы немного в нашем городе еще пожили, а многих дам красотою своею удивили. Спросите о сем дочери моей, она, как молодая девушка, везде в благородных компаниях обращается и, почитая ваш орден, от многих дам о приписуемой вашей персоне чести наслышалась. Я сердцем соболезнующую и страшусь того, чтоб наши молодые скалозубки вас не изурочили. Пожалуй, отец мой, согласись быть испытателем моей совести; думаю я, что

⁷⁰ 1798 для чего.

⁷¹ 1798 красотою.

ваши наставления столь же будут основательны, как и покойного здесь жившаго е[зуита].

Совест-Драл поклонился очень низко дворянке, а она поддерживала его голову, почитая себя его поклонов недостойною. Потом сказал ей:

– Милостивая государыня! За таковое ваше ко мне, странному человеку, милосердие, я вас почитаю, и не только вас, когда только пожелаете, но и дочь вашу, и всех ваших почтенных верховых девушек наставить охотно желаю. Во мне найдете вы искусного экспериментального физика // и великого натурального философа; во мне сыщете такого человека, который, по неусыпному своему старанию доведет вас до того, что будете иметь счастье говорить наедине с п[апою].

с. 85

Дворянка, услышав о таком счастье, побежала к дочери и, заплескавши в ладоши, вскричала:

– Ах, любезная дочь! Наш почтенный отец – философ *и твердо знает⁷² экспериментальную физику; поди поскорей сюда, будем просить, чтоб он показал нам оную⁷³. Хотя мы оной у покойного нашего батюшки прежде и учились, но ты по младости, а я по старости все позабыли. Не довольно еще сего, батюшка обещается нас представить своему начальнику. Ах, какая это радость, – продолжала дворянка речь свою, оборотясь к Совест-Дралу, – я бы тебе, батюшка, дала... и сто червонцев; если б только удостоил ты меня поговорить с своим начальником; он очистит меня, просветит и возведет на самый верх блаженства.

Совест-Драл, подстрекаемый червонцами, сказал госпоже дворянке:

– За таковую, сударыня, плату не только удостою вас поговорить с п[апою], но все, что ни прикажете мне, в угодность вашу сделать потщуся.

⁷² 1798 твердо знает и.

⁷³ 1798 ее.

с. 86 И, во-первых, вы имеете склонность и охоту к слушанию экспериментальной физики, я потщусь вам и вашей лю//безной дочери показать ее весьма основательно. И ежели будете следовать моим советам, то желаемый успех в скором времени получите; а сие тем для вас нужнее, что вы хотите представлены быть пред великого п[ану], как мужа во всех науках ученнейшаго. Но не довольно сего⁷⁴, сия наука может принести честь и вам, и вашей фамилии.

На что дворянка и дочь ее вскричали:

– Ах, дорогой наш физик! Мы теперь из слов твоих узнали, что ты ученый человек и наш лицемерный приятель. Мы давно искали ученого человека, который бы в экспериментальной физике был силен, а, нашед тебя, обрели мы неоцененное сокровище. И так просим вас, почтенный отец, оную для нас повторить, за что и обещаем тебе обе дать по сту червонцев.

с. 87 Совесть-Драл, как жалостное сердце имеющий человек, за счастье почитал, что может тем услугу свою оказать, паче⁷⁵ же всего пылая сердцем к червонцам, к трудам приступил с неописанною радостью. Первее начал он преподавать ее матушке, а потом дочери, а между тем, как и силы его и время доставало, то и верховым девушкам. Дочь, будучи в молодых летах, скорее матушки своей понимала Совесть-Драловы задачи, да и он приметил, что она // у прежних учителей твердо практику знала, так что наконец не успевал он и отвечать уже на ее жаркие вопросы. Мать же, поелику была телом и душою тяжелее, то Совесть-Драл больше к ней, нежели к дочери труда прилагал. Чрез успешные же свои труды так у всего дому в любовь пришел, что все единогласно называли его совершенным

⁷⁴ 1798 того.

⁷⁵ 1798 более.

физиком и нередко спрашивали, от кого он такое почерпнул знание. Совесть-Драл отвечал им, что от разных учителей разным наукам обучался; экспериментальную же физику слушал у своего отца, который в оной был достаточен, и потому он больше других учителей в оной искусен.

Как уже год оканчивался, то Совесть-Драл про-
ведал, что п[ана] по обыкновению своему в одном
месте каждый год изволит иметь заседание. Желая
же его нетерпеливо видеть, как для себя, так и для
представления ему своих учениц, которые обещали
ему за сие по сту червонцев, переодевшись в свет-
ское платье, пошел в известное то место и всячески
старался поближе стоять к п[ане], в чем ему сча-
стие и послужило. Ибо, как п[ана] изволил к на-
роду обратиться, то Совесть-Драл, показавшись ему
спиною, поклонился до земли. К[ардиналы], смо-
тря на Совесть-Драла, думали, что он // был какой-
либо сумасшедший, и по окончании церемонии
доложили п[ане] о поступке Совесть-Драловой⁷⁶.
П[ана], сам видев те поклоны, приказал немедлен-
но взять его под караул и представить пред себя.
Ученицы его, находившись в том же самом месте,
хотя и сердечно о своем учителе сожалели, но, ис-
пужавшись караульных, со слезами ушли домой,
ибо страх и любовь победил. Идучи дорогою до-
мой, мать начала дочери сказывать:

с. 88

– Вот, любезная дочь, что злато и любовь де-
лает⁷⁷; они разумного нашего и любезного учителя
довели до неизбежного бедствия. Я более сожалею
о том, что обещала ему сто червонцев. Для угож-
дения и для доказанья верной своей любви охотно
он согласился на сие несчастье. И так, как бы нам,
любезная дочь, его отгуду выручить, я бы и тысячи
червонцев за сие не пожалела.

⁷⁶ 1798 Совесть-Драловом.

⁷⁷ 1798 делают.

– Любезная мать, – говорила дочь, залившись слезами, – я бы охотно с ним и тюремное разделила заточение, и все бы снесла для него великодушно. Кто нас может так искусно и трудолюбно физике обучать? Я не надеюсь, чтоб у кого из ученых людей она наука столь в свежей была памяти. И так да освободит его небо от всех несчастий.

с. 89 Как Совесть-Драла представили к п[ане], то он, во-первых, спросил его, что он // за человек и какого исповедания. Совесть-Драл с подобострастным отвечал голосом:

– Я такой⁷⁸ человек, каков токмо потребен вашему св[ятительству]. Я составляю добрую половину светского человека, однако ж и духовным быть не отрекуся; а исповедания такого ж, как и моя хозяйка, у которой я имею квартиру.

П[ана] тотчас велел пред себя представить хозяйку его, по которую как посланные пришли, то дочь от страха и жалости о своей матушке, а более с сердцов на Совесть-Драла, что одну только мать требуют, получила обморок; а старуха, взяв на искупление своего учителя, так же и на получение разрешительной на всякую всячину п[анской] грамоты, тысячу червонцев, пошла к п[ане] со страхом и удовольствием; ибо, не зная совсем, зачем ее требует, думала также она, что Совесть-Драл все ее грехи пересказал п[ане].

с. 90 Между тем временем раздраженная дочь опаматовалась и, пылая ненавистию к Совесть-Дралу, приняла к себе на место одного трех учителей, думая его удостоверить, что сии особы покажут ей столь же ясно правила экспериментальной физики. Во время сея перемены дворянка предстала пред его Св[ятительство], который тотчас ее спросил о ее исповедании. Объятая страхом жен//щина, поклонясь, положила к ногам его

⁷⁸ 1781 таков.

червонцы, которые тотчас удостоверили его, что она самая ревностная католического закона наблюдательница. За сею похвалою последовали было разговоры самые откровенные, если б пришествие нескольких к[ардиналов] не разрушило ее почтенной беседы. И так речь паки началась о Совесть-Драле и о его последней игрушке. Обыкновенно из всякого действия выводим мы такие следствия, какие наше рассуждение нам предполагает, почему и в сем случае воспоследовал преужасный спор, который никому, кроме Совесть-Драла, решить было невозможно. И так п[ана], обратившись к нему, спросил:

– С каким ты умыслом, оборачиваясь ко мне затылком, кланялся?

На что Совесть-Драл отвечал:

– Ваше Св[ятительство], будучи превеликий грешник, почитал я себя недостойным смотреть на лицо ваше, да и исходящие от вас огненные лучи до того меня не допускали.

П[ана], сему явлению удивляясь, спросил своих к[ардиналов], видели ль они таковые огненные лучи. На что и к[ардиналы] в угодность п[ане] ответствовали то же. Упоенный столь непристойною лестью, старец подошел, или лучше сказать подбежал в своем восторге к Совесть-Дралу и из принесенных дворянкою тысячи чер//вонцев пожаловал ему двести и дал дозволительную грамоту во всех местах своего владения жить без всякой зависимости и упраздниться⁷⁹ теми делами, которые почтенным отцам е[зуитам] свойственны.

– Возвратись, – говорил он, – в свою хижину и начинай свое дело с ревностию; я уверен, что ты в моей области можешь свой век прожить благополучно.

с. 91

⁷⁹ 1781 упражняться.

Совест-Драл, принеся своему благодетелю благодарность, объявил, что он все силы свои употребит на то, чтоб сделаться достойным столь щедро излиянных милостей.

И так дело было окончано благополучно, и честный отец с полученными деньгами, а особливо с дозволительною грамотою не думал никогда быть без пропитания. Как пришел он в дом с своею хозяйкою, то увидел у дочери ее на месте его принятых трех е[зуитского] ордена учителей, повторяющих его физические правила, и, опасаясь, чтоб они его не убили до смерти, просил мать, чтобы она, ежели желает его иметь себе наставником, купила особливый дом. Дворянка, думая по смерть свою не отпускать от себя столь почтенного мужа, купила другой дом и с Совест-Дралом в него переехала. Но судьба недолго дозволила им наслаждаться вместе, ибо Совест-Драл // с. 92
весьма скоро иссушил тот источник, из коего золото истекало. Он первое отвел сие течение в питьевой дом, а потом и самую хозяйку свез в такое место, в коем она ни малейшего беспокойства претерпеть уже не может. Она занемогла нечаянно и, имея более пятидесяти лет, весьма скоро на тот свет отправилась. В последние минуты говорил он ей:

– Милостивая государыня! Извольте отходить вы с покойным духом, не страшась ничего; там уготовано вам вечное блаженство, там ни печали, ни скорби, ни озлобления почувствовать вы не можете. Вы избавитесь от бремени вашего тела и будете там столь же легки, как здесь облегчил я вас от серебра и злата, яко первого зла и препятствия. Спешите поскорей на радость и утеху и знайте, что я вас никогда не забуду.

Таким образом отправил он на тот свет почтенную свою ученицу и снес сей удар с великодушием,

бе[с]пристрастному⁸⁰ человеку свойственным. Видя же себя оставшегося в полномочности, рассудил, что он ближайший наследник к имению, нежели ее дочь. И так все, что было полегче, ночью забравши, уехал в город Франкфорт. //

с. 93

Похождение девятое на десять

Что Совесть-Драл в городе Франкфурте с жидами и с купеческою женою сделал

Часто мошенник на мошенника попадает и друг друга обманывают: подобное происшествие случилось и с Совесть-Дралом. Он, возвратившись из Рима, приехал в город Франкфорт посмотреть, какие в оном здания и порядки, сколь славно купечество и есть ли в нем какие-либо достопамятные вещи.

Прогуливаясь по городу, увеселял себя вином, притом присматривался к разным вещам, а паче⁸¹ к толстым лошадям и купеческим супругам⁸², кои по тамошнему обыкновению больше, нежели мужчины, в лавках торгуют. Наконец такую он в себе почувствовал к купечеству охоту, что больше ни о чем не думал, как только об том, какие бы прибыточнее для себя избрать⁸³ товары. В сих глубоких мыслях так крепко блоха за зад его укусила, что он, не стерпя той боли, нечаянным случаем уронил несколько конступационных кусков, от чего вдруг пришло ему на ум сделать красные ягоды.

80 Испр., в тексте безпристрастному.

81 1798 более.

82 1798 женам.

83 1798 избрать бы ему.

с. 94 На другой день пошел он в город и, покупая красный шелк у купеческих жен, назвал себя // иностранным человеком, расспрашивал их о градских⁸⁴ порядках и, разговаривая весьма долго, почувствовал неприятный запах, который по его мнению выходил из лавки. И так хотел он над купеческими женами посмеяться, но они в насмешку ему сказали, что причиною тому большой его нос, который весьма пронизательным одарен обонянием. Совесть-Драл сказал⁸⁵ им:

– Я это и сам знаю, что большой нос бывает вашею игрушкою, почему и обещаюсь служить вам оным во всякое время.

Посем⁸⁶, поклонясь, пошел в аптеку к знакомому⁸⁷ аптекарю, у которого⁸⁸ спросил духов, напоминая ему, чтоб не подал таких, какими⁸⁹ от купеческих жен был употчиван. Аптекарь Совесть-Дралу отвечал:

– Ты поэтому и порядку нашего не знаешь, ведь те же бабы и ко⁹⁰ мне приносят духи, а я только их по аптекарской науке переделываю, чтоб были душистее.

На что Совесть-Драл сказал:

– Поэтому ты, г[оснодин] аптекарь, и самых баб переделываешь?

– Это твоя должность, – отвечал разгневанный полухимик, и, не зная, как от него отвязаться, обратился к шкапу, вынул оттуда духи и сунул оные ему безденежно, почему Совесть-Драл поспешно с ним и расстался. Пришедши домой, намазал духами свой товар и, нанявши лавку возле //

с. 95

84 1798 городских.

85 1798 отвечал.

86 1798 Потом.

87 1798 некоторому.

88 1798 коего.

89 1798 какими он.

90 1798 нет.

сидящей купеческой дородной женщины, которая собою недурна была, расположил в оной все свои товары в разные ящики.

Купеческая жена, не зная, что за незнакомый купец и с неизвестным товаром сел возле ее лавки, часто его оглядывала и удивлялась чрезвычайной величине носа. Совесть-Драл, будучи весьма проворный молодец, тотчас узнал ее намерение и без дальних затей с нею познакомился. А как свели они короткое уже знакомство, то по согласию с обеих сторон сделали из лавки в лавку тайные⁹¹ внутри двери для того, чтоб друг с другом скуку удобнее разделить было можно; ибо продажи в обеих лавках тогда вовсе почти не было. Совесть-Драл, будучи довольно известен о неводержности женского языка и в жизни своей никогда верить женщине не обещаясь, весьма боялся, чтоб госпожа соседка о естественном его товаре не узнала, и хотя по любопытству женскому открыл ей всю свою тайность, но о товаре своем не сказал ни слова, рассуждая, что от сороки узнает ворона, от вороны – галка, а от галки – все птицы.

Но как по счастью его купеческой жене не в товаре состояла нужда, то она о сем и не любопытствовала. Совесть-Драл же, будучи человек беспристрастный и от//важный, больше помышлял о соседкиной лавке, нежели об ней самой, зная довольно, что без денег мешок ничего не стоит. Он не записывал в реестр своих любовниц, а записывал одни только их доходы, сказывая, что они суть не что иное, как прах и земля, а деньги – такое вещество, кое и по смерти пользуется наследников. Потом как народ, а больше жидаы начали сходиться смотреть у нового купца товару, то Совесть-Драл из своей лавки секретными дверьми в соседкину скрывался лавку, где ожидал времени, чтоб одни жидаы

с. 96

91 1798 потайные.

пришли покупать, опасаясь других купцов, чтоб товару его не признали. По особливому же его счастью пришли три богатые жида и просили, чтоб он показал свои товары. Совесть-Драл отвечал им, что у него двух только сортов товары очень секретные, один – естественный, а другой – сверхъестественный. Первый продан одной купчихе, последний же, как нужен для одних токмо жидов, то я и могу оной вам показать и объяснить пообстоятельнее, почему он сверхъестественным называется.

с. 97 Потом, выняв из ящичков свой товар, объявил жидам, что сии ягоды называются иначе прорицательными, потому что ежели который жид одну только ягоду съест, то узнает предбуду//щее и не от естества, но от другой причины просвещенный получит разум. Жиды, ожидая нетерпеливо прихода своего М[ессии], весьма возрадовались, что таковое сокровище сыскали, и, опасаясь, чтоб не перекупил кто другой, тотчас заплатили ему по требованию его за всякую ягоду по червонцу. Совесть-Драл, получивши от них несколько сот червонцев, того ж дня ночью, выбравши чрез секретные двери все товары из соседкиной лавки и оставя свое к ней рукописание, скрылся на другую сторону города для сведения, каким порядком окончится его комедия.

Письмо к купеческой жене от Совесть-Драла

Милостивая государыня Епихида Перфильевна!

На многа лет здравствовать желаю.

с. 98 Вы не оставляли меня в скуке, я за сие приношу мою благодарность. Прощайте и помните Большого Носа Совесть-Драла, примите от меня оставленную копию, а подлиннику, так как и вам, не для чего уже сидеть в лавке. Зная вашего тела тяжесть и сожалея о вашем здоровье и ежедневных на солнечном жару трудах, за благо рассудил я, по усердию к вам, облегчить вас от денег и товару. Может быть, вздумаете вы на меня негодо//вать, может быть назовете меня вероломцем, обманщиком и таким

человеком, который не достоин был пользоваться вашею благосклонностию, но сие негодование не принесет вам ни удовольствия, ни чести.

Я повинуюсь строгой судьбе, коя против воли моей наложилa мои руки на ваше имущество; повинуйтесь и вы ей без роптания и будьте уверены, что терпение никогда не остается без награды, коея от всего сердца вам желает покорный, послушный, нижайший ваш сосед, Большой Нос Совесть-Драл.

При отъезде своем Совесть-Драл оставил в бывшей своей лавке живо представляющий весь его корпус портрет с сею надписью: «Совесть-Драл благодарит франкфортскому купцу Ермилу Перфиличу⁹² за толстую его сожительницу и за богатую лавку».

Жи́ды, купивши прорицательные ягоды у Совесть-драла, собрались в свою синагогу^{III} со всеми своими рабинами^{IV} и первее, по рассуждению их и других богатых жидов, наложили тридневный пост, // а потом приступили к самому делу. И как по мнению рабинов надлежало за сыскание такового сокровища вышеписанных трех жидов наградить, то и утверждено было, чтоб ягоды они съели. Положив их в рот и раскусив, хотя всяк из них и выразумел, что значит Совесть-Дралов естественный товар, то есть, что он их обманул, однако, опасаясь собрания, принуждены были их съесть с великою трудностью, не показывая противного вида. После их то же исполнили рабины, а за ними прочие, также жены их и дети, но что же воспоследовало? Проглотив ягоды, все закричали вдруг: «Естественное», и того ж часа, подхватя трех жидов, ягоды у Совесть-Драла купивших, по-

с. 99

92 1798 Поликарповичу.

^{III} Синагога значит дом, куда жи́ды, обыкновенно по субботам и другим праздникам, собираются молиться.

^{IV} Рабин – жидовский поп.

били камнем. Сим не удовольствовавшись, надеялись они Совест-Драла сыскать в лавке. И так пришли в ряд и разорили до основания лавку, в которой сыскали только портрет его и тайные в другую лавку двери. *Что же бы⁹³ удовлетворить своему гневу, то принесли Совест-Дралово изображение к купцу, который, рассмотрев его и прочитав писанную к себе надпись, запер свою жену в погреб и побежал в беспамятстве в свою лавку. Он поспел туда очень поздно и к большому своему несчастью обозрел ту кровать, на // с. 100 коей жена его имела отдых с Совест-Дралом. Рассудите, сколь жестоким сердце его поражено было ударом. Разоренный до основания, обещенный весьма чувствительно, не имел он и того удовольствия, чтоб отмстить своему злодею и поведать болезнь своего сердца ближним. Терзаем тысящами несносных размышлений, оставил он лавку и, пришед домой, нашел он свое утешение в том, что отмстил своей жене за содеянное вероломство.

Похождение двадцатое

Что Совест-Драл сделал в селе Ербишки с купцом и его женою

Совест-Драл совсем в противном купцу был состоянии, ибо со умножением пакостей умножалось его удовольствие. Выехав из Франкфорта, прибыл он в село Ербишку и стал на квартире у богатого купца, который имел у себя толстую жену и жирную лошадь. А хотя и к той, и к другой он имел великую склонность, но как жена была к нему

93 1798 и что б.

поближе, следственно по пословице: *коту сроднее все//го мышей ловить*, жена большее его увеселение составляла. с. 101

Совест-Дралу обе сии персоны весьма полюбились, но как к жене не мог приступить, не изведав наперед⁹⁴ ее нраву, то наперед начал у купца торговать лошадь. Сей по твердому своему купеческому закону продать лошади ни за какие деньги не соглашался, представляя Совест-Дралу самые законные⁹⁵ причины.

– Разве ты не знаешь, – говорил он, – что добрая жена и видная лошадь делают честь степенному градскому жителю? Не я один, но все заживное купечество, да еще и искони, держится сего правила, которое весьма похвально, ибо добрая жена составляет половину нашего тела, а следственно и блаженства, кормная же лошадь при старости таскает наше грешное тело. И так рассуди, как я тебе продам такого слугу, который в старости бывает подпорою?

Совест-Драл, выслушав столь благоразумное мнение, начал помышлять о разделении с купцом вышеписанного блаженства. Он познакомился с ним тесно и, узнав, что полюбил его купец за разные шутки, умыслил притвориться больным. И так, пролежав целый день в постеле, начал купца просить, чтоб поехал в город // купить лекарства по его рецепту. Хотя город от того села отстоял не менее двухсот верст, но купец, соболезнуя о его состоянии, поехал за лекарством, а жену свою запер в спальне, для того что нанятый Совест-Дралом покой был смежен с оною. с. 102

Совест-Драл, оставив лошадь для купца, стал рассуждать о купеческой жене, которая большим

94 1798 еще.

95 1798 важнейшие.

блаженством была почитаема. И так, не видя в покоях никого кроме себя и заключенной в спальне женщины, подошел он к дверям и рассказал ей, что прибыл в их дом умышленно с тем, чтоб тайно с нею увидаться, объявить свою страсть и, преклоня колени, просить, чтоб она приняла его любовь благосклонно.

Купеческая жена слушала его со вниманием и обещалась сделать такое удовольствие, какое токмо для него потребно. Как скоро она сие говорила, то висящий замок недолго препятствовал их соединению, ибо Совесть-Драл, сбив его, вошел в спальню с видом самого чувствительного любовника, а хотя имел он совсем другое расположение, однако ж по входе бросился к ногам госпожи купчихи и просил прощения в том, что столь дерзновенно вошел к ней, приводя себе во оправ//дание то, что сделал сие единственно для разогнания взаимной скуки. Купеческая жена, лежа на пуховой постеле, как большая гора, говорила Совесть-Дралу:

– Я примечаю, что вы человек разумный и ученый, и так не взыщите на мне, что слабость моя препятствует мне с постели встать для отдания вам должного почтения. Вы сами видите мою жизнь, проклятый муж мой по ревности своей запирает меня здесь всегда и оставляет в смертельной скуке. Ах, государь мой! – продолжала она речь свою, – вы себе и вообразить не можете жестокость моей доли. Если б я была из купечества, то б сносила все сие терпеливо, но происходя от благородных родителей и привыкши в девушках всегда жить на свободе, как могу я снести столь поносное заключение? Прежде сего я была статна, бела, румяна, пригожа и почитаема многими благородными и достойными юношами, но мой проклятый муж, обольстивши всю мою фамилию

*своими миллионами⁹⁶, лишил теперь меня всей красоты и счастья. Да, государь мой! Он такой грубиян, у коего я и по сие время не могу выпросить и чашки щекулату.

По названию шоколата щекулатом Совесть-Драл тотчас заключил, какого поля была сия ягода; и так, подошед к ней ближе, // проклинал с. 104 ее бессовестного и грубого мужа и, называя себя дворянином, хотел отмстить ему единственно за то, что благоустроенную особу не довольствует шоколатом. Тронутая сими словами купеческая жена, посадила его возле себя, и начали⁹⁷ забавляться в юлу. Неизвестно, сколь долго сия игра продолжалась, но то ведомо, что Совесть-Драл продолжал ходить к ней всякий день. А как время пришло приехать из города купцу, то по совету Совесть-Драла купеческая жена притворно занемогла горячкою. Простосердечный муж, возвратясь домой, весьма соболезновал об ней; он ходил покупать лекарства и нарочно оставлял время Совесть-Дралу с нею видаться. Между тем не преставала она бранить своего мужа и говорила:

– Вот до чего меня довела проклятая твоя ревность и скверное ваше купеческое обыкновение. Тоскуя взаперти, принуждена я страдать и мучиться. Иди с глаз моих или способствуй моему излечению.

Простак, почитая женнину болезнь справедливою, крайне соболезновал об ней и плакал, и, пришедши к Совесть-Дралу, просил у него для излечения нужных советов.

Совесть-Драл утешал его и обнадеживал, что поспособить ей легко можно. Но купец неутешно сокрушался и говорил Со//вест-Дралу, что он все свое с. 105

96 1798 своим богатством.

97 1798 начала.

счастье почитает только в жене и в лошаде, коих без потеряния здравия, а наконец и жизни, лишиться не может.

– И так, – продолжал он, – поди, любезный Совест-Драл, и своими разумными советами подай ей утешение. Она хотя и бедная была девица, но дворянка, а сколь дворяне нежны и нетерпеливы, о том тебе и пересказывать не для чего.

– Правда твоя, – прервал речь его Совест-Драл, – с дворянками столь же опасно обходиться, как и с чирьями. Но я знаю все светские обороты, и так надеюсь ей сделать угождение.

– Да, пожалуй, не спеши, г[осподин] Совест-Драл, – говорил купец, по пословице: *хоть не скоро да здорово*, – ты не смотри на тех лекарей, кои, поговоря с больным человеком немного, тотчас рецепт пишут. Мне кажется, они сие делают для того, чтоб скорее деньги взять.

– Не будь обо мне таких мыслей, – говорил Совест-Драл, – я помню добродетель более, нежели ты думаешь. И так, будь уверен, что любимую вами сожительницу принимаю я пользоваться на свои руки с тем, чтоб наперед узнать мне ее натуру, в узнании же натуры по нашему учению полагается срок полгода. В сие время вы не должны к ней
с. 106 входить для того, чтоб // ее не привести в какое-либо оскорбление.

– Я на все согласен, – говорил купец, – и ты поступай так, как тебе твое учение повелевает.

Совест-Драл в рассматривании натуры трудился беспрестанно; и как уже больная сделалась толще прежнего, то он, пришед к купцу, говорил ему о участии, в рассуждении его жены приемлемом, о трудах, коими упразднен был при рассматривании ее сложения, и о тех признаках, кои по довольном наблюдении, открылись.

– Снесите, государь мой, – сказал он жалким голосом, – когда я скажу, что она обдержима элюзией⁹⁸ и всегда находится в беспамятстве.

Совест-Драловы слова были для купца громовым ударом. Он проклинал день своего рождения, он плакал неутешно и при всяком всхлипании напоминал, что все его блаженство уничтожается.

Совест-Драл, удерживая купца от печали, сказал, чтоб он не был столь малодушен, ибо по женинной смерти можно еще достать такую помощницу, которая будет столь же нежна и дородна. А как сие не подействовало, то обнадежил его, что она будет здорова.

– Сего только я и требую, – сказал купец. – Пусть пропадет все мое имение, только бы она белого свое//го тела не потеряла; и ежели, г[осподин] Совест-Драл, надеешься ты на свое искусство, то я тебе по излечении дозволяю из дому моего, что пожелаешь, взять, и в том тебе даю письменное обязательство.

с. 107

И так Совест-Драл начал употреблять следующие для излечения медикаменты: первое, велел истопить ей баню, так чтоб в ней был умеренный дух, подобный дыханию приятного зефира, а сие, говорил он, для того, чтоб разбить ей кровь без уменьшения тела; второе, купить новый лисий мех, коим по выходе из бани хотел ее укутать, потому что новый мех обыкновенно лучше согревает, нежели старый; третье, на простыни в баню велел принести двадцать аршин лучшего алого с белыми цветами штофу, ибо утверждал он, что от алого цвету кровь будет алее, а от белых – белое тело; четвертое, фунт крупного жемчугу для растирания

⁹⁸ Элюзия – психическое заболевание, в результате которого больной теряет способность проводить четкую грань между действительностью и фантазией.

по телу, чтоб разбить кровь. Купец, получивши сей рецепт, сказал⁹⁹ Совесть-Дралу:

с. 108 – Я теперь уверен, что ты действительно узнал ее натуру, ибо она и прежде у меня до оных вещей была охотница, почему и думаю, что они точно будут для нее полезны, а все сие по моему достатку почитаю я безделицею. И так я поеду для исполнения по твоему рецепту в город, а ты между тем вре//менем истопи сам баню так, как для больной надобно.

Дело было сделано, купец поехал в город, а Совесть-Драл начал топить баню; и как полночь наступила, и все уже слуги уснули, то вздумал он сыграть с купцом комедию. Взявши верховую купеческую лошадь и ружье, поехал тайным образом навстречу купцу под видом разбойника и, остановившись в одной роще, лежащей близ дороги, по которой надобно было ему из города ехать, дожидался своего приятеля. Как скоро купец начал к роще подъезжать, то Совесть-Драл странным голосом закричал:

– Товарищи в строй, по дороге купцы едут!
– а проговорив сие, учинил пустой выстрел из ружья.

Несчастный купец от страха принужден был возвратиться опять в город, рассуждая, что впереди стоит воровская шайка, а Совесть-Драл, возвратясь, уверил госпожу хозяйку, что сожитель ее еще в городе находится.

Купец, уверившись, что в лесу действительно партия разбойников засела, принужден был целую неделю дожидаться попутчиков и приехал домой весьма болен. Жена, получив от него лисий по рецепту Совесть-Дралову мех и прочие вещи, и, пошед в баню, сделалась на другой день здорова.

⁹⁹ 1798 отвечал.

Обрадованный ее благополучием // муж благодарил за добрые успехи Совесть-Драла и просил его, чтоб он не отказался и его пользоваться, назначив притом на лекарство такую сумму денег, какую он потребует. Совесть-Драл, отсчитав столько денег, сколько ему хотелось, поехал в город, в коем веселился на них две недели. А как уже почти все истратил, то пошел в аптеку, купил там крепкого проносного да женского конфертатива¹⁰⁰. С сими лекарствами приехал он домой и, увидев купца, прежние силы получившего, оказывал свою радость и просил его, чтоб не вознегодовал на столь медлительную поездку, уверяя притом, что причиною оныя было отсутствие господина аптекаря. Выговорив сие, вынул он лекарство и, выхваляя его силу и действие, советовал купцу и жене его оное принять на ночь для того, чтоб оно выгнало последние остатки болезни, во внутренности нечувствительно кроющиеся. Купец, видевши свою жену здорову и будучи уверен о искусстве Совесть-Драловом, согласился принять лекарство, а жена по особливому совету Совесть-Драла мужу своему последовала. Что лекарство было действительно, сие тотчас оказалось, ибо около полуночи сделался между женою и мужем крик и ссора, которая продолжилась до рассвета. Несчаст// с. 109
ный купец приведен был в крайнее изнеможение Совесть-Драловым лекарством и для того потребовал к себе г[осподина] лекаря с тем, чтоб показать ему, в каких он обстоятельствах находился. Совесть-Драл, предупредя хозяина своего выговоры, сказал:

– Почтенный купец! Не взыщите на мне, что я не проникнул вашего сложения; когда самые искуснейшие врачи нередко в сем ошибаются, то

100 Конфертатив – возбуждающее средство, вызывающее эротические грезы.

думаю я, что и мне сия погрешность будет прости-
тельна.

Купец, рассердясь на Совест-Драла, начал его бранить и изгонять из дома, но Совест-Драл, как человек весьма неробкий, напомнил купцу о данном им обязательстве.

– Ты меня ругаешь за мои услуги, – возвысив голос, сказал он. – Я почитаю тебя бессмысленным и неблагодарным человеком, но не доволю сего, я намерен тебя наказать чувствительно. Ты ведаешь, что я принялся лечить твою жену с тем, чтоб по ее облегчении взять из твоего дома все, что ни пожелаю, а по справке является¹⁰¹, что твоя жена стала здорова, румяна, бела и толще прежнего. Того ради я имею намерение взять у тебя толстую жену и жирную лошадь для того, что они из всех твоих принадлежностей для меня лучше и приятнее. //

с. 111

Сии слова были для купца громовым¹⁰² ударом. Он успел испустить токмо тяжелый вздох и вдруг поражен был сильным параличем.

Столь жалостное состояние не умягчило Совест-Драла. Не видя ни малейшего себе препятствия, обласкал он купеческую жену и уговорил ее ехать с собою. И так, оставя купца в самой крайности без всякого вспоможения и забрав все его деньги и лучшие вещи, уехал с его женою поспешно.

Нажитое весьма бесчестным образом имение недолго осталось в руках¹⁰³ Совест-Драла, ибо хотел он показаться свету не подлым человеком, и ежели не владетельным князем, то по крайней мере *пажиточным и не беззнатным¹⁰⁴ дворянином. И так, переезжая из одного места в другое и заводя

101 1798 оказывается.

102 1798 несноснейшим.

103 1798 в руках у.

104 1788 достаточным и знатным.

для своей любовницы везде знакомство, наконец так обеднел, что последнюю лошадь с коляскою продать был принужден. На сии деньги купил он большую железную клетку и, обшив купеческую жену в рыбью кожу, посадил ее в оную с тем, чтоб она по данному им знаку пела песню. С сим новым разумом своего изобретением ездил он по ярманкам и тор//гам, разгласив всем, что возит морскую сирену. Купеческая жена, видевши себя в невольном состоянии и опасаясь большего от Совесть-Драла несчастья, принуждена, сидя в клетке, петь жалостным голосом разные песни. Сия столь непростительная выдумка имела обыкновенное свое действие, ибо народ редкостями и чудесами поражаемый, стекался к Совесть-Дралу толпами, не рассматривая самой истины, и платил ему такие деньги, каких он требовал.

с. 112

В то самое время как Совесть-Драл обманывал почти неисчетное множество народа, почтенная его сирена внезапно скончалась. И так, похоронив ее с великодушием и мужеством, его карактеру¹⁰⁵ свойственным, пошел он искать себе спокойного места, о коем во второй части его походов будет объявлено.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

105 1798 праву.

ПОХОЖДЕНИИ¹⁰⁶
нового увеселительного
ШУТА
и великого в делах любовных
ПЛУТА,
СОВЕСТ-ДРАЛА
БОЛЬШОГО НОСА.
*Часть II
В Санктпетербурге¹⁰⁷

Похождение первое
Что сделал¹⁰⁸ Совесть-Драл, сделавшись
пивоваром

В конце первой части Совесть-Драловых походов упомянуто было, что пошел он искать себе спокойного места, по чему всякий и заключит, что, оставя непристойные свои предприятия, придет он в раскаяние, пойдет путем правым и остальное своей жизни время употребит на исполнение должностей, человеку и гражданину предписанных. Но как таковая перемена редко воследовать может с людьми, обдержимыми гнусными пристрастиями, то и Совесть-Драл, любя всегда новосты и довольствуясь переменою званий, искал своего спокойствия совсем от других отлич-

106 1781, 1788, 1798 Похождения.

107 1781 Часть II, содержащая в себе 20 походов. Переведена с польского и дополнена с других языков 1781; 1788 Часть II, содержащая в себе 20 походов. Переведена с польского и дополнена с других языков 1788; 1798 Часть II, содержащая в себе 20 походов.

108 1798 учинил.

но¹⁰⁹. И так, испытав многие должности, вздумал еще побывать пивоваром; и как случилось ему // с. 4
проходить чрез одну деревушку, то по счастью его попался ему навстречу пивовар, с которым познакомившись, объявил свое желание быть при нем в помощниках.

Пивовар, приметя его проворство, принял его к себе с охотою, где Совесть-Драл не столько обучался варить пиво, сколько старался познакомиться с *хозяйскою грамотною дочерью¹¹⁰, которая была пригожа и разумна. Сия девица по довольном обращении, хотя Совесть-Драла страстно любила, однако страсть свою прикрывала скромностию, следовательно потребно было им взаимно изъясниться. Но она, обучаясь у дяди своего играть на разных инструментах, а домой приходила редко, и так надлежало сыскать скромную и услужливую женщину. Совесть-Драл ее нашел и, обнадежив некоими выгодами, послал чрез нее к своей любезной письмо *следующего содержания. Читать его должно¹¹¹ двояким порядком: по строчкам и через строку, из чего можно видеть, что имеет два смысла – отказ и любовь¹¹².

Милостивая государыня!

Показанная поныне моя к тебе любовь
Была притворная. Я чувствую, что омерзение
*По вся дни¹¹³ умножается, и как тебя не увижу, то
Хуже и презрительнее ты мне становишься. // с. 5
Природная склонность заставляет вас
Ненавидеть. Рассудите сами, можно ль мне вас
Любить? Последний разговор ваш произвел во мне
Несносную скуку и отогнал от моего сердца все

109 1781, 1788, 1798 отличного.

110 1788, 1798 хозяйкою и грамотною ее дочерью.

111 1798 которое читать должно.

112 1798 любовь. Оно есть следующего содержания.

113 1798 Всякий день.

Желание с вами по-прежнему часто видется
По непостоянству вашему. Был бы я весьма не
Счастлив, если б с тобою весь век мой
В горестях и непрестанных печалях
Жить стал. Теперь время отдать мое сердце,
Кому по судьбе случится. Конечно уже не
Вам. Я ни в ком более не нахожу
Достоинства к тому, чтоб им владеть.
Я сие пишу не шутя, верьте, что и не ложно.
Притом еще вас, милостивая государыня, прошу.
Лишитесь меня, верного своего любовника, и на сие не
Ответствуйте. Я наверное знаю, что вы напишете
Глупо, и что от вас не может быть
Разумно. Прощайте и верьте, что остаюсь
Весьма вами недоволен и век мой не буду
Ваш верный и послушный Совесть-Драл.

По прошествии нескольких дней пивовар, отходя на свадьбу с своею хозяйкою, вручил Совесть-Дралу пивоварню и приказал ему, чтоб он, когда станет закипать пиво, положил бы в него весь приготовленный хмель и варил бы его крепко. Совесть-Драл обещался все исполнить по хозяйскому приказанию; и когда настало время класть в пиво хмель, то он, взяв хойскую любимую собаку, называемую Хме//лем, положил в пиво и столь крепко варил, что одни только оставил в котле кости.

Хозяин, возвратившись со свадьбы пьян, пошел прямо в пивоварню к Совесть-Дралу, который в то время стоял у котла, и, отведав пива, негодовал за то, что хмелю не слышно. Совесть-Драл отвечал ему, что он положен целиком. Пивовар, хотя удостовериться, стал мешать пиво и, увидевши кости, закричал:

– Что это за черт?

Совесть-Драл сказал:

– Это не черт, но кости, оставшиеся от вашего Хмелю, которого я по приказанию вашему сварил в пиве.

Пивовар, узнав, что сварена любезная его собачка, осердился на Совесть-Драла чрезвычайно и, схватя его за волосы, хотел бросить самого в котел, но как он сильнее был хозяина, то ему не поддавался, почему у обоих происходила сильная драка. На оную прибежала пивоварова жена и, увидев, что Совесть-Драл преодолевает ее мужа, ударила его в щеку, а он, не стерпя такого первого еще в жизни его бесчестия, схватил мужа и жену и, связав оным руки, бросил в кипящий котел, проговоря сии слова:

– Как вы вместе были на свадьбе, так и теперь вместе побывайте в одном жару¹¹⁴. //

с. 7

Оставив их в котле, Совесть-Драл поспешал на ту свадьбу, где пивовар был с женою и где осталась еще их дочь. Он ее там увидел и объявил, что прислан от хозяина для ее обережения, а притом уверил там¹¹⁵ всех, что она уже за него помолвлена. В сем общем сорадовании, гуляя с нею до ночи и подхватя ее в полночь, уехал в другую отдаленную деревню к некоторому большому боярину¹¹⁶, под покровительством которого надеялся избавиться наказания за сварение пива.

Похождение второе

Что Совесть-Драл сделал с отцом плебаном^v, будучи у большого боярина

По нескольких днях явился Совесть-Драл к своему милостивцу и принят им был весьма благосклонно. Тогда было летнее время, которое отозвало его

114 1781, 1788, 1798 жару для похмелья.

115 1781, 1788, 1798 нет.

116 1781, 1788, 1798 барину.

^v Плебан – католицкий приходской поп.

с. 8 из города в деревню. Рассматривая положения места, крестьянские селения, взаимное их // обращение и прочие любопытства достойные вещи, нашел он между прочим тут и почтенного плебана, имеющего весьма набожную повариху и складную¹¹⁷ лошадь. И так определил¹¹⁸ он при удобном времени сыграть с его преподобием комедию.

Милостивцу его показалась плебанова лошадь, которую он желал иметь в своей конюшне, но плебан сего ни под каким видом сделать не хотел. Совесть-Драл, услышав их разговор и хотя оказать свою услугу помещику, сказал:

– Что вы пожалуете мне, если я вам достану оную лошадь?

Помещик обещал ему дать пару платья, которая тогда была на нем. Совесть-Драл, желая достать весьма богатое платье, пошел тотчас по знакомству к плебану и, прожив у него несколько дней, притворился больным. Хотя же плебан с своею кухаркою много об нем сожалели, но не могли ему ни в чем пособить, а он, приметя сие, час от часу умножающейся свою болезнь показывал. Тогда плебан советовал ему предготовиться¹¹⁹ к смерти и, ведая, что он наследников не имеет, ласкал себя надеждою завладеть всем его имением. Но Совесть-Драл долго тому противился, а, наконец, признав его советы за нужные, говорил ему, что, содеяв некоторые касающиеся до него беззакония, не мог ему принести покаяния, и // просил, чтоб призван был другой пастырь. Сии слова умножили плебаново любопытство, почему *уговаривал он¹²⁰ Совесть-Драла, чтоб сие предрассуждение оставил, удо-

с. 9

117 1798 кормную.

118 1781, 1788, 1798 рассудил.

119 1781, 1788 предуготовиться.

120 1781, 1788, 1798 начал он уговаривать.

стоверяя притом, что грехи его никаким образом наружу не выйдут:

– Ибо, – говорил он, – за сие положено нас лишать священства и отрезывать язык.

Совест-Драл, аки бы понадеясь на такую строгость, объявил плебану свои грехи и сказал, что грех первый состоит в самом тесном союзе, какой он имел с его кухаркою. Ревность тотчас превозмогла всю скромность, какую надлежало хранить по священству. Он не знал, что прежде говорить, почему тотчас спросил, сколько раз в такой союз вступали.

– Более 30 раз, – отвечал Совест-Драл.

Тут нетерпение овладело плебаном. Он грозился¹²¹ обоих сих грешников убить до смерти и, прибежав первее к кухарке, укорял ее неверностию, ругал, бросался во все стороны и прибил ее весьма чувствительно.

Невинная кухарка клялась в том, что с ним никакого дела не имела, и уверяла его, что сии слова суть не что иное, как клевета, на ее невинность взнесенная. Между тем Совест-Драл весьма радовался, что его дела имеют свой успех; и // в то время, как он уже встал с постели, озлобленная кухарка в бешенстве вбежала к нему в покои и, ухватив его за волосы, хотела отмстить чрез сие свою обиду. Но и тут была безуспешна, ибо она имела дело с бодрым детиною, который так оборонился¹²², что в ней едва дух остался. Но дело тем не кончилось¹²³. Совест-Драл принялся за приказные крючки. Он говорил плебану, что хотя за старание его он и благодарен, однако ж стерпеть того не может, чтоб не донести, где подлежит *по команде¹²⁴ о том, что плебан по присяге своей священнической не сдер-

с. 10

121 1781, 1788, 1798 грозил.

122 1781, 1788, 1798 оборонялся.

123 1798 окончилось.

124 1798 в суде.

жал тайны, на духу ему открытой, и что ему следует отрезать язык и лишить¹²⁵ священства. Плебан, испугавшись, не знал, как сие загладить и чем умиловить Совесть-Драла. Наконец настала тишина, а причиною оная была лошадь, которую плебан с радостью отдал Совесть-Дралу с тем, чтоб он не вступал с ним в суд. И так бывшая у плебана лошадь перешла в конюшню к сельскому боярину за обещанную им пару платья.

Между тем как Совесть-Драл долго гостил у плебана, то помещик, по любви к нему, большую любовь возымел к пивоваровой дочери. И как он имел с. 11 дело с таким детиною, который все сие // тотчас приметил, то просил Совесть-Драла, дабы он ему уступил свою любовницу. Совесть-Драл за изрядный подарок не токмо поступился своею любовницею, но еще выдумал такое средство, чрез кое немалую прибыль получить надеялся. И так, пошед¹²⁶ к помещиковой жене, объявил, что муж ее сделался ей изменником, и употребил все то, что требовалось к привлечению ее к своей любви. Когда же сие продолжалось, то жители деревни той, в которой погублен от Совесть-Драла пивовар, узнав о месте его пребывания, приехали с обыском и хотели его взять, но он умел скрыться и¹²⁷ вместе с новою своею любовницею от *их гнева¹²⁸.

Мщение по строгости законов пало на помещика, у коего пивоварову дочь сыскали. И так взяли его силою и отвезли в такое место, из коего он никогда уже домой не возвращался; а Совесть-Драл прибыл обратно с госпожею в деревню, в которой по самую кончину помещицы пользовался правом, с. 12 супругу ее принадлежавшим. //

125 Испр., в тексте лишиться.

126 1788, 1798 пошел.

127 1781, 1788, 1798 нет.

128 1798 предстоящей ему беды.

Похождение третье**Что сделал Совест-Драл в той деревне
с крестьянскими женами**

В бытность свою в деревне господином приказал Совест-Драл, чтоб все крестьянские жены приносили свои старые шубы, кои обещал он переделывать в новые и раздавать им порознь каждой безденежно по рассмотрению, так что лучшая шуба дана будет той, коя всех пригожее. Повинуясь с радостью сему приказанию молодые и пригожие крестьянки приносили шубы сами, старые же и дурные с своими дочерями посылали.

И как все уже с шубами около его стояли, то приказал всякой принести по кувшину молока, для того чтоб в оном варить старые шубы, от чего, уверял он, сделаются они новыми. Между тем то число, сколько было старых, закупил новых шуб. И как крестьянки нанесли целый котел молока, то он объявил им, чтоб всякая приходила к нему на целые сутки подкидывать дрова под котел и варить в молоке старые шубы. Крестьянские жены и дочери каждая начали по одиначке ход//ить к Совест-Дралу на варение шуб и получали на другой день с великою радостью и удовольствием новые шубы. А как все уже получили, то столь Совест-Дралово варение шуб всем¹²⁹ полюбилось, что и впредь согласились каждая порознь¹³⁰ к Совест-Дралу ходить без требования на работу... Мужики на то хотя и чрезмерно негодовали, но Совест-Драл не почитал их негодование для себя страшным и до того наконец довел, что они против его взбунтовались. Но как дом, в котором он жил, весьма был крепок, то тщетно они туда при-

с. 13

129 1798 им.

130 1781, 1788, 1798 нет.

ходили и нередко от своих жен прогоняемы были камнями.

Наконец с общего согласия рассудили они сделать следующее: собрали денег сто талеров и, пришедши ко двору, начали Совесть-Драла просить об отдаче своих жен и дочерей. Совесть-Драл, рассуждая, что ему нельзя будет долго ими пользоваться, сказал им:

– Мужички! Я ваших жен и дочерей насильно не забирал, а когда они сами не желают с вами жить по тяжести работы, то для чего ж вы меня виновным¹³¹ поставляете? Верьте, что я милосерд¹³² и всех к себе, как немощных сосудов принимаю, а ежели желаете вы их держать при себе, то принесите мне за содержание их и за новые шубы, за с. 14 // каждую персону по талеру, ибо я, *содержа их¹³³, много труда и кошту¹³⁴ на них издержал.

Бедные мужики¹³⁵ и сами рассудили, что Совесть-Драл насильно их не забирал, а жены их и дочери по своей охоте жить у него пожелали. Итак, принуждены были на выкуп своих жен и дочерей принести по талеру; но как должно было согласить на сие¹³⁶ и женщин, у него пребывающих, то напоследок объявил он и им свою волю. Но что же из того воспоследовало? То, что малое число, и то, кои постарее были, на выкуп согласились, а другие, помоложе, обещали на всякий год платить ему по два талера с тем, чтоб он их из своего дома не выпустил. Выслушав сие, приказал Совесть-Драл особый сделать реестр о числе таковых охотниц и показал оный¹³⁷ с тем объявлением, что он

131 1781, 1788, 1798 виноватым.

132 1798 милосердечен.

133 1798 призва жен ваших и дочерей.

134 1798 денег.

135 1781, 1788, 1798 мужички.

136 1781 оне, 1788, 1798 оное.

137 1798 его.

некоторых, кои сами уже желают, к ним¹³⁸ отпускает, но тех, которые с мужьями жить не согласны и хотят ему платить за свое содержание в год по два талера, не отпустит, ежели они не дадут ему за всякую по два талера. Итак, бедные мужички принуждены были принести требуемое число денег. Совесть-Драл, терзаемый сею потерей, не знал, что делать, но опасаясь // более их в своем доме держать, объявил мужичкам, что он не только их жен и дочерей отпустит, но и весь дом отдаст им, только бы они принесли ему за скрепою приказною от себя обязательство, что они не сделают ему никакого зла и позволят свободно выехать туда, куда он пожелает. Простосердечие крестьянское удовлетворяло все его требования поспешно. Итак, Совесть-Драл, принявши выкупные от них деньги и обязательство, выехал из оной деревни свободно. При отъезде своем сопровождаем он был воплем крестьянок, из коих иные тайным образом *ему последовали¹³⁹, а другие учинили междоусобную с мужьями своими брань, которая до полицейского умирения продолжалась.

с. 15

Похождение четвертое

Что сделал Совесть-Драл с портным в городе Берлине

Выехав оттуда, прибыл Совесть-Драл благополучно в Берлин, где нанялся у одного портного подмастерьем. И как, несколько времени у него побыв, сему¹⁴⁰ мастерству немного обучился, то хозяин, некогда утруждаясь, захотел пораньше успокоиться. //

с. 16

138 1788 ним возвратился, 1798 ним возвратиться.

139 1781, 1798 последовали за ним, 1788 следовали за ним.

140 1781, 1788, 1798 и сему.

Отходя ко сну, указал он на одну недошитую шубу и сказал Совесть-Дралу:

– Доделай этого волка, пусть он нам не мешает.

Совесть-Драл, взявши шубу, изрезал оную в куски и сделал волка, которого поставил на постель. Хозяин, вставши поутру, увидел сделанного волка из шубы и спросил Совесть-Драла:

– Какого ты черта сделал?

Совесть-Драл отвечал ему, что «это волк, сделанный по твоему приказанию». Портной, рассердясь, хотел его побить, но как был он силен, то, связав хозяина с работницей, а жену с его работником, положил голых в погреб на снег¹⁴¹, сказывая:

– Здесь скоро из вас хорошая будет студень.

Притом примолвил портному:

– Ежели ты за работу мне не заплатишь, то я всех вас пушу на воздух прогуляться.

Портной обещал ему то дать, что только для него угодно.

– Теперь, – говорил он, – все в твоих руках находится, итак, оставь нам токмо жизнь, а прочим пользуйся счастливо.

Совесть-Драл, забрав все, что было лучшее, не забыл зайти к соседям и просил их именем портного на пиво в погреб. //

с. 17

Похождение пятое

Каким образом Совесть-Драл насмеялся одному дворянину

Прибывшие гости развязали тотчас портного и хотели отомстить Совесть-Дралу, но он уже давно скрылся у одного дворянина, который, будучи

141 1798 лед.

заражен честолюбием, часто¹⁴² делал у себя пирушки, на коих и Совесть-Драл всегда присутствовал. А как дураки обыкновенно любят смеяться, то и сей часто вмешивался в Совесть-Драловы шутки и делал ему оными досады. А хотя Совесть-Драл и сказывал ему, что его шутки совсем не кстате и что он не годится в шуты, однако дворянин от того нимало не унимался. Раздраженный сим пустомелею Совесть-Драл досадовал весьма и ожидал токмо времени, как бы ему убавить спеси.

По счастью проведал он, что сей благородный болван имел основателем своей фамилии некоего бродягу, с поздно проходящих пошлину сбиравшего, коему наследником был сын, чрез разные откупы разбогатевший, а преемник сего, на собранные несправедливо деньги столь же неправедно дворянство присвоивший, то и вздумал он некогда сие родословие употребить в пользу. По случаю оный дворянин созвал к себе разного звания гостей, приказал своему слуге купить живого зайца и при выходе с гостями в сад пустить его на травлю. Совесть-Драл, проведав о сем, вздумал ему насмеяться, почему наперед посланного слуги, переодевшись в мужичье платье, пошел в город и, купивши большого кота и заячью кожу, обшил его оною, высматривая же посланного слугу, носил оног¹⁴³ в мешке.

с. 18

По счастью его, пришедши в город, слуга увидел его ходящего с мешком и спросил, что он продает.

– Удалого зайца, гонца, доброго молодца, – отвечал он.

Слуга, сему обрадовавшись, сказал:

– Сего-то зверя и ищу я.

142 1798 нередко.

143 1798 кота.

И так купил он его с мешком, опасаясь, чтоб не ушел, и, принеши своему боярину, объявил, что купил весьма хорошего зайца. Дворянин велел собрать всех дворовых собак, которых не менее гостей было, и поставить их в саду, а зайца держать в мешке и пустить его тогда, как скоро он выйдет с гостями в сад. Слуга, получа приказание, ожидал приходу своего господина, и как только дворянин пришел с гостями в сад, то говорил гостям, что он
с. 19 // хочет их увеселить заячьей травлею, выхваляя, что у него есть доморощенный удалой заяц, и тотчас приказал слуге принести его.

Как только слуга принес мешок¹⁴⁴ в сад перед гостей, то купленная скотина, услышавши собак, тотчас *через свой голосок¹⁴⁵ показала свою природу. Гости, удивляясь сему, требовали, чтоб он был из мешка выпущен. Итак, мешок был открыт, и выпущенный мнимый заяц, укрываясь от собак, бросился к гостям в ноги, а собаки за ним; и как много тут было злых собак, то не только кошачьего зайца разорвали, но и гостей попотчивали. Итак, вместо увеселения все пришли в замешательство, и некоторые гости с неудовольствием разошлись, а хозяин остался вместо похвалы в великом стыде. Совесть-Драл, стоя, сказал присутствующим:

– Вот, господа!

Хотя произведут глупца и в знатный чин,
Хотя дадут ему всего богатства света;
Но будь лишь он вовек без гласа и ответа,
Все будут ведать то, чей был он точно сын.

Потом, видя, что уже гости начали расходиться, в угодность дворянину и для удержания оных
с. 20 представил сии новизны. //

144 Испр., в тексте мешком.

145 1798 натуральным голоском.

Из Копенгагена

от 20 июля

Копенгагенская круглая башня на сих дня поедет к жениху и в скором времени пойдет замуж. На свадьбе будут из Гамбурга 76 печей в немецких епанчах, маршалом в церемонии назначены парижские триумфальные ворота; тут же приглашены с вымпелами двенадцать бастионов в шарфах, музыку же составят самые отборные 40 картаульных пушек.

Из Трептау

от 25 июля

Здесь погода стоит весьма благополучная; за несколько же пред сим дней посламала буря у жителей головы, и от великого штурма у многих повреждены желудки, от чего стал хлеб дорог. В Неаполе ходит ратуша без галстуга в немецком кафтане, без штанов, в сапогах со шпорами, а магистрат, сидя на печи, наблюдает диету. Так же все дома поехали там на море в каретах цугами, а другие верхами без сапогов, ловить журавлей и продолжать будут путь свой до красной масленицы. //

с. 21

Из Гамбурга

Мекленбургский бор¹⁴⁶ застрелил в лесу щуку шириною в три пуда, да изловил на сосне рака в три аршина, коего обучает теперь играть на гуслях. В Ростoke у мещанина в ранжерее¹⁴⁷ расцвели семдесят четыре кувшина и поспели стручья, в которых находится довольно *для дворянства¹⁴⁸ стерледей живых. В той же ранжерее¹⁴⁹ есть колодезь, в коем выстроен трактирный дом весьма великолепно.

Оттуда ж

От Гистрова до Курляндии дорогу своротило и пуговицы французским манером сорвало до подолу. Рыбаки наловили там много¹⁵⁰ огурцов свежих и солят их в па-

146 В рукописных копиях ведомостей – баур, искаженное немецкое Вауер.

147 1781, 1788, 1798 оранжерее.

148 Вставлено автором перевода, в рукописных копиях слов для дворянства нет.

149 1781, 1798 оранжерее.

150 1798 весьма много.

с. 22

токе, а цитронов из неводов еще не вынимали. Там же копят и прядут репу, из коей намерены делать сукна; притом с рыбы шерсть стригут и будут делать новые круглые шляпки и новомодные чепчики, для чего на море строится и фабрика. Венскую гавань перевезли сухим путем на фурманах в Брандебург для того, чтоб торговые купцы приставали туда с кораблями для покупки стерледей и раков. //

Из Гишпани

от 10 августа

Город Кадикс выконопатили и вывели на море. Он теперь стоит на якоре и ожидает способных ветров идти в Голландию за раками; в сей раз нагружен он редькою, понеже голландцам в редьке немалая нужда, а в предбудущий год намерены его грузить пареною репою.

Из Лондона

от 25 августа

Маркитанты убили корову и нашли в ней два галиота и два бота, в которых люди сидят все живые. Здесь же кобыла ожеребилась и принесла 28 раков, каждого величиною в 6 фунтов. Курица индейская высидела трех бычков да четырех козлов, кои все вороные.

Оттуда ж

Недавно превеликое множество осетров вылетело из Темзы и на ратуше гнездо свили; в сих гнездах вывели они куликов, на которых шерсть свиная; величиною же они с барана, а голос имеют дикого гуся.

Из Персии

от 20 августа

с. 23

В приморских местах довольно шук живых, мерою сажень по осьми, только // их повреждают тюлени, а прочая¹⁵¹ мелкая рыба от приходящих¹⁵² стрелков вся повреждена пулями. Там же молодых журавлей ловят неводами и берут в Париж в монастыри для обучения танцмейстерству. Во Франции сорок кораблей выбрали в драбанты и обучают их ездить на шахматах.

151 1788, 1798 прочая ж.

152 1788, 1798 проходящих.

Сии ведомости столько дворянину понравились, что он внес их в записную свою книжку и во всех местах издавал за величайшую редкость.

Похождение шестое

Что сделалось Совесть-Дралу за обман целовальника

Отмстивши дворянину за насмешки и совсем его одурачивши, хотя Совесть-Драл и имел мысли в Берлине поступать скромно, однако же спесь и хвастовство одного целовальника, который, много о себе думая, хвастал, что его никто и ни в чем обмануть не может, убедило Совесть-Драла испытать целовальниково искусство. Он взял два ведра, из которых одно наполнил водою, а другое нес в руках пустое; и, пришедши к целовальни//ку, велел в пустое ведро налить водки, а с водою другое ведро спрятал. Целовальник, наливши Совесть-Дралу ведро водки, зазевался за другою продажею и не усмотрел, как он переменял ведро; потом стал от него требовать за водку денег. Но как у Совесть-Драла по его требованию оных не доставало, то он, осердясь на его, схватил ведро с водою, от Совесть-Драла скрытно поставленное, и вылил из него всю жидкость в бочку. Потом сказал Совесть-Дралу с презрительным видом, чтоб он впредь прежде со своим считался карманом и тогда уже приходил бы к нему за водкою. Совесть-Драл, смотря на целовальника, захохотал из всей своей мочи и вышел из кабака, променявши воду на водку, которой ему за здоровье обманутого хвастуна не удалось еще выпить.

с. 24

Как только Совесть-Драл вышел из кабака вон, то целовальнику пришло на ум, что Совесть-Драл

не напрасно смеялся, почему побежал вслед за ним спросить о причине его смеха; догнав же его, увидел ведро, наполненное водкою. И так повел он с нею Совесть-Драла на съезжу, откуда повели его по дороге в полицию, а в сей посажен он был в скором времени в тюрьму, потому более, что целовальник с. 25 служил судьям и подьячим вместо акциденции водкою, которые без ней, как тело без души, ни на минуту не могли обойтись. Заключенный в тюрьму Совесть-Драл долго не известен был о своей участи, наконец¹⁵³ получил от пришедших к нему в гости полицейских караульных¹⁵⁴ известие, что он приговорен к воздушной смерти и что уже сделана для него на просторном поле среди приятного воздуха лестница, по которой ему прямо шествовать должно на небо. Совесть-Драл, услышав сие, сказал караульным¹⁵⁵, что он желает в тюрьме быть, а им рекомендует идти по оной на небо. Но как неминуемый был путь, то караульные повели его из тюрьмы к судьям, откуда в провожении оных и бесчисленного народа влеком был с барабанною церемониею за город. А как уже приближался к своему назначенному месту, то, вдруг остановясь, запел судьям следующую песенку:

И во сне мне не мечталось,
И в уме не воображалось,
Чтоб веселый человек
От злодеев повсеместных,
От грабителей известных
Кончил с вольностью¹⁵⁶ свой век.
Но угодно так судьбине,
Чтоб такой со мною ныне //
Воспоследовал конец,
Коль я сам его творец.

с. 26

153 1781, 1788, 1798 а наконец.

154 1781, 1788, 1798 подьячих.

155 1781, 1788, 1798 подьячим.

156 1781, 1788, 1798 невольностью.

Зараженный своевољством,
Я с охотой и довольством
Перестал бы жить в сей час,
Если б то сбылося твердо,
Чтобы небо милосердо,
Мой теперъ услыша глас,
Всемогущею рукою
Поразило¹⁵⁷ бы со мною
Сих презрительныхъ людей,
Вероломцев, не судей.

О несносные тиранны,
Кем доброты все попоранны,
Вы бледнеете теперъ!
Всяк из вас днесъ мщениемъ дышет
И лютейшу смерть мне пишет,
Всяк из вас, как лютый зверь,
Растерзать меня стремится,
Но я мню, что истребится
Вскоре дерзкий ваш совет
И узрю я паки свет.

Судьи, несмотря на все сие, приказали Совесть-Драла вестъ к назначенному месту. Несчастный Совесть-Драл, приближась к своей лестнице, еще отважился, остановясь, доложить судьям сие:

– Вы хранители общественного благосостояния! Вы имеете причину меня, маленького вора, большим своим¹⁵⁸ воровским повелением предать смерти, которая и вам за/утра¹⁵⁹ другим с. 27 образом воспоследует. Но прикажите при конце моей жизни пересказать мне духовной персоне свои погрешности, не только вам, но и всему гражданству полезные, ежели ваши сердца не столь заражены жадностию, как ваших откупщиков и подъячих.

157 1781, 1788, 1798 Подавило.

158 1781, 1788, 1798 нет.

159 1798 завтра.

Судьи, остановясь, приказали священнику Совесть-Драла расспрашивать¹⁶⁰, почему и объявил он ему следующее:

– Я, честный отец, обучался в жизни моей колдовству, которое, ежели желаете, теперь вам в наслідие оставляю.

– Но скажи мне все одного подробности, – отвечал духовный отец.

с. 28 – Умалчивая о прочих, я вам открываю одно, а именно: судьи ваши хотят со мною сыграть шутку, то есть, повелевают меня повесить, но я вам объявляю, что приговор сей не первый раз над собою слышу; а хотя и буду повешен, однако помощью моего искусства всем судьям могу ночью отплатить лишением собственной их жизни, да и вам, батюшка, ежели сего им не перескажете, могу услужить тем же. Притом еще объявляю, что у меня в одной роще близ сего города спрятана двести тысячная сумма наличных талеров. Итак, ежели судьи меня освободят на время от назначенной казни, то я могу // им объявить оную. Перескажите ж им все сие от слова до слова.

Духовный отец, наклонясь к Совесть-Дралу, сказал:

– Но сколько из оной суммы мне дать обещаешь?

– Разве и ты, батюшка, такой же плут, как и судьи? – отвечал Совесть-Драл.

Проговоря сие, схватил он тайно на дороге песку и бросил в глаза духовному отцу своему, который, не зная, чем он его поразил, думал, что тут подействовало волшебство. Объятый сею мыслию, закричал он судьям:

– Отпустите, отпустите сего проклятого волхва, ежели желаете больше жить на свете.

160 1781, 1788, 1798 исповедовать.

Судьи начали *пока спрашивать¹⁶¹ обстоятельно, а он все то, что слышал от Совесть-Драла, рассказал им подробно. Как серебро часто ослепляет сердца судейские, то рассудили они Совесть-Драла возвратить до утра назад в тюрьму.

Заключенный паки¹⁶² в неволю Совесть-Драл подговорил той же ночи караульных пойти с ним в рощу для взятых части денег. И как они¹⁶³ согласились, то он, доведя их до непроходимой рощи и глубокого буерака, ударил одного в грудь ножом и вдруг закричал:

– Сюда, братцы мои, я теперь под караулом.

Караульные, испугавшись, думали, что там его воровская шайка. И так, оставя его, // в разные места от страха разбежались, а Совесть-Драл спокойно пошел рощею, куда ему было надобно¹⁶⁴.

с. 29

Похождение седьмое

Что Совесть-Драл сделал с одним французом

В бытность Совесть-Дралову в городе Висмаре один француз чрезвычайно досадил ему своим дурачеством. Будучи не богаче Ируса¹⁶⁵, имел он привычку всякий день ходить на конную площадь для торговли хороших лошадей, но то не-

161 1781, 1788, 1798 спрашивать.

162 1798 опять.

163 1798 они на сие.

164 1781, 1788, 1798 надобно, и сим новым вымыслом избавился от смерти.

165 Ирус – бедный нищий, персонаж Одиссеи Гомера. Возможно, автор отсылает к латинской пословице: *Iro pauperior, то есть больше беден, нежели Ирус*.

счастье, что никогда оных не покупал. А узнавал он добрых лошадей следующим¹⁶⁶ образом: взявши лошадь за хвост, тянул ее столько крепко, сколько в себе имел силы. Совесть-Драл, на оной конской площади квартируя, всякий день французово дурачество видел, а наконец, для препровождения времени, вздумал его наказать следующим образом. Купив кургузую крепкую лошадь, сыскал лошадиный хвост, смешал оный с кровью помощью смолы и прицепил его к своей лошади.

Француз по обыкновению своему пришел на конную площадь и, усмотря Совесть-Дралову ло//шадь, показывшуюся ему крепкою, подошел к ней и спрашивал о цене. Потом, взяв за хвост, хотел было ее попробовать, но как только к себе потянул, то хвост в его руках остался. От сего пришел он в беспамятство, не зная, что делать, а Совесть-Драл между тем требовал его к суду. Караульные взяли француза под караул, а между тем, как он боялся полиции, то сопротивлялся караульным, от которых несколько и толчков получил.

Несчастный француз, видя себя в таковом несчастии и опасаясь, чтоб большим еще полиция его не наградила, для избежания беспокойств заплатил Совесть-Дралу за лошадь требуемые им деньги, а потом и от караульных откупился. Сверх того более уже пробовать лошадей он не обещался, ибо Совесть-Драл, получив деньги, сказал ему:

– Проба твоя, господин француз, для тебя неудачна; будучи столько силен, что лошадиные хвосты срываешь, остерегайся впредь от таковых приключений.

166 1798 таким.

Похождение осьмое**Что с Совест-Дралом сделала одна
деревенская старуха**

Сколько Совест-Драл ни был хитр и проворен, однако попал он на одну та//кую старуху, которая к великому его неудовольствию над ним подтрунила, а сие следующим происходило образом. с. 31¹⁶⁷

В одном селе мужичок жил близ пятидесяти лет с своею женою в супружестве. В том селе был плебан превеликий объедало, который ввел такое в своем приходе обыкновение, чтоб всякий крестьянин каждую неделю, а самый убогий хотя в год однажды его с кухаркою звал к себе на вкусный обед и два дни сряду продолжал гостеприимство.

Помянутый старик, не очень будучи зажиточен, знал, что плебаново установление неправильно, почему чрез весь век к себе не звал его на обед, за что плебан весьма на мужичка сердился и искал такого случая, как бы ему отмстить за сие. Некогда послал он к нему дьячка спросить, сколько он лет с своею женою живет. Уведомившись, что тому уже прошло десятков пять, велел позвать к себе мужичка и сказал ему:

– Слушай, старичок! Годы твоему супружеству все кончились, и теперь тебе не должно к своей жене прикасаться, а сие под клятвою запрещаю. Ступай, мужичок, – сказал он, – к своей бывшей хозяйке, а при//ходите ко мне оба, я вам дам некоторые к тому наставления. с. 32

А как любовь есть сон слепоты и безумия, и всех страстей сильнее, да и по большей части в слабых нравах обитает, следовательно старики от нее безумцами становятся и так к женам страстны, как малые дети к молоку, кои уже и насытившись оным,

не умедают кричать тогда, когда от них оное примут. И так и сего старика плебановы слова чувствительно тронули. Он растянулся пред плебановыми ногами и со слезами его просил, чтоб он разрешил по-прежнему жить ему с его женою. Плебан стал его уверять, что сего иначе сделать нельзя, как разве чрез вторичное венчание, а как мужичок и на сие согласился, то плебан сказал ему:

– Ступай же теперь, мужичок, домой и записись хорошенько к свадьбе, чтоб было за чем повеселиться; я к тебе с моею кухаркою буду.

с. 33 Обрадованный старик, побежав домой к своей старухе, объявил обо всем, что плебан приказал, и начал припасаться к свадьбе. А как назначенный день наступил, то плебан, обвенчавши их, пошел // с своею кухаркою на свадьбу и взял с собою Совест-Драла, который на то время случился у него в гостях. Они веселились у молодых целую неделю, а потом, как уже головы не могли более снести хмелю, то разошлись все по домам.

Совест-Драл, идучи домой, схватился на дороге, что его косматой мошны с деньгами нет, которую он по старому тогдашнему обыкновению всегда носил у пояса. Побежав опять на свадьбу, спросил новобрачной осмидесятилетней невесты, не видала ли она его косматой мошны. На что ему старуха отвечала:

– Слушай, дружок! Я еще на первой моей свадьбе достала себе косматую мошну, которую и по сию пору не потеряла и берегу не для тебя, но для своего молодого муженька, а буде ты сему не веришь, то изволь посмотреть сам у меня невозбранно...

– Нет, нет, – вскричал Совест-Драл, – пропадай ты с своею мошною, пожалуй ее не показывай, чтоб я не испортил своих глаз. Я уже довольно уверен, что это не моя, потому что твоя уже очень ветха и истаскана, а моя еще была новенькая.

с. 34 И так Совест-Драл принужден был со стыдом от нее отойти. //

Похождение девятое***Как Совесть-Драл обманул одного
богатого деревенского мужичка*¹⁶⁸**

Совесть-Драл любил ходить в новом платье и к промыслению сего единственно способствовали ему обманы.

Довелось в одном городе быть ему на ярманке, где, шатаясь между народом, увидел он нечаянно одного богатого деревенского мужичка, который, купивши целую штуку зеленого сукна, шел домой.

Совесть-Дралу весьма показалось оное сукно, почему тотчас умыслил, каким бы образом достать себе оное. Проведав первее, по какой дороге пойдет мужичок в деревню, сыскал еще к себе двух подобных товарищей, из которых один был езуит^{VI}, и научил их, дабы утверждали перед мужичком, что его сукно голубое.

И так стали они на дороге, по которой он будет идти, друг от друга подалее. Между тем подоспел к ним прохожий, к которому подошедши Совесть-Драл, стал его спрашивать, почему бы он купил сие голубое сукно. Мужичок ему отвечал, что это сукно зеленое, а не голубое. // Совесть-Драл в том крепко спорил и утверждал, что сукно голубое. Наконец ударилися они об заклад с тем, что за голубой цвет мужику лишиться сукна, а за зеленый Совесть-Драл должен платить ему десять талеров. Сверх того поставили они между собою договор, чтоб спросить о сем того, кто первый попадется им навстречу. Прошедши несколько сажень, увидели они одного из его товарищей, от которого услышав мужичок то же, что и от Совесть-Драла, то есть, что сукно голубое, а не зеленое, приходил в сумнение

с. 35

168 1788, 1798 мужика.

^{VI} Езуит – польский монах.

и начал подозревать и¹⁶⁹ свидетеля. Наконец, увидев идущего издали езуита, сказал Совесть-Драл:

– Пусть нас с тобою духовная персона рассудит и решит наш спор, а я вам обеим не верю.

Как только езуит подошел к ним поближе, то мужичок, подбежав к нему, сказал:

– Пречестный отец возовик! Скажи мне, как беспристрастный человек, по духовной совести, какого цвету это сукно?

– Когда ты от меня того требуешь, – говорил честный отец, – чтоб я тебе сказал, какого цвету это сукно, то твой вопрос весьма глуп. Разве ты не видишь или по простоте своей не знаешь цветов? Знай же, что это сукно голубое.

с. 36

Мужик с вели//ким удивлением сказал:

– Буди по твоему, честный отче, теперь я не понимаю, кому больше верить в свете.

И так Совесть-Драл, взяв от мужичка сукно, разделил оное с своими товарищами.

Похождение десятое

Что Совесть-Драл сделал в городе Берлине с бабами, торгующими молоком

Совесть-Драл, довольно напроказничавши в городе Берлине, пришел однажды на торг и, видя, что чрезвычайно много наносили бабы молока, купил *большую кадь, в которую¹⁷⁰ велел всем сливать молоко, сколько которая имела, обещаясь им за оное заплатить по их требованию.

Бабы, лаская себя надеждою получить вдруг за молоко деньги, согласились с радостью на

169 1781, 1788, 1798 на.

170 1798 большой чан и во оный.

Совест-Дралово предложение и исполнили все по его приказанию.

Когда уже наполнили кадь¹⁷¹ молоком и ожидали от него за оное денег, то Совест-Драл, записав всякую по имени и число потребных им денег, сказал им:

– Слушайте, мои глупые голубушки! Теперь // с. 37
при мне денег нет, так пожалуйста поверьте мне на малое время, когда ж вы на сие не согласны, то возьмите себе назад свое молоко, мне его ненадобно.

Бабы, услышав сие, бросились все к кади¹⁷² и, оступивши оную¹⁷³ вокруг, друг пред другом достать свое молоко силились; а как Совест-Драл чрезвычайно был силен, то вдруг по две бабы начал бросать в кадь¹⁷⁴, сказывая:

– Не торопитесь, будет вам всем довольно молока.

Побросав всех¹⁷⁵, ушел домой, а бабы довольно наболтались в кади¹⁷⁶.

Похождение первое на десять Что Совест-Драл сделал с нищими слепыми

Как некогда проезжал Совест-Драл из одного города в другой, то попалось ему на дороге двенадцать слепых, которых он, остановивши, сказал:

– Вот вам, братцы, двенадцать рублей милостыни, молитесь Бога за творящего милостыню.

171 1798 чан.

172 1788 кадки, 1798 чану.

173 1798 оный.

174 1798 чан.

175 1798 их.

176 1798 чану.

с. 38 Проговоря сие, проехал он нищих, не дав им ни шелега¹⁷⁷. Нищие пали все на землю и благодарили Провидению, что ниспослало такового милостивого человека. Присовокупив о здравии // и спасении теплое моление и будучи они такового мнения, что выговоренные им деньги которому-нибудь из их товарищей даны, ничего друг другу не говорили, а только с радости поспешали в город на квартиру, где в надеянии¹⁷⁸ на оные деньги на хозяйском коште по договору целую неделю за 12 рублей пили и ели.

По прошествии сроку хозяин стал требовать от них заплаты, а слепые, собравшись все вместе, начали один другого спрашивать об деньгах; но как всякий из них запирался, что денег не брал, то и произошла между ими великая ссора и драка. Хозяин, смотря на то, стал доразумеваться, что они от кого-нибудь обмануты и что он понапрасну содержал их на своем пропитании; чем будучи огорчен, запер их в сарай и давал им вместо хлеба солому да мякину.

Совест-Драл, нетерпеливо желая знать, что с слепыми воспоследовало в рассуждении посуленных им от него денег, приехал в тот город и попал на ту ж квартиру, которую слепые за его мнимые деньги наняли. Увидев же сих несчастных, запертых в сарае, взошел в избу и сказал хозяину:

с. 39 – Слушай, государь мой! Я думаю, что у тебя нет ни малейшего знака человеческого сожаления, что сих // нищих заключил ты в такое место и столь варварски с ними поступаешь.

Хозяин ему отвечал, что он их до тех пор не намерен выпустить, пока должных ему за содержание не уплатят денег. Совест-Драл сказал мужичку:

177 1781, 1788, 1798 полушки.

178 1798 надежде.

– А если б кто за них поручился, отпустил ли бы ты их?

– С охотою, – сказал мужичок.

И так Совесть-Драл, будучи причиною сих бедных злополучия, думал о способе, как бы их из одного несчастья свободить. Он пошел в город и зашел к одному плебану, которого стал прилежно просить, чтобы навестил он взбесившегося сей ночи его хозяина. Плебан обещался побывать к нему чрез три дни, сказывая, что в таком случае спешить ненадобно.

– Теперь схожу я, – говорил Совесть-Драл, – за его женою.

– Не худо, – отвечал плебан, – пусть она ко мне побывает.

Совесть-Драл пошел к своему хозяину и ему объявил, что сыскал одного честного отца, который обещался за их поручиться, «только пусть к нему со мною пойдет ваша¹⁷⁹ жена, чтоб знать вам, где он живет». Мужик, тому весьма обрадовавшись, приказал тотчас идти с Совесть-Дралом своей жене к плебану, к которому он ее приведши, сказал:

– Вот жена моего // хозяина.

с. 40

Плебан говорил:

– Пока я к тому исправлюся, то день-другой поживи у меня, голубушка, я в том могу сделать вспомоществование.

Совесть-Дралова хозяйка, проживши у плебана два дни, получила за труд свой..., а за достальными приказал приходить и объявить мужу, чтоб он нищих выпустил. Пришедши домой, расхвалила, что еще и больше отдаст и в том за них ручается, почему мужик и выпустил нищих.

Совесть-Драл, увидевши их на свободе, уехал, куда было ему надобно, а мужик послал жену свою

¹⁷⁹ 1798 твоя.

к плебану с объявлением, что он слепых выпустил по его поручительству и чтоб он отдал за их деньги. Жена с великою радостью подошедши, по ласковому плебанову приемству не пожелала домой возвратиться.

Муж, дожидаясь целую неделю жены своей, пришел в бешенство и, схватя рогатину, побежал к плебану и начал кричать и требовать жены и денег. Плебан и жена объявили всем прихожанам, что мужик сошел с ума, которые, прибежав, связали мужика и отправили на покаяние в монастырь, а плебан полномощным жены его хранителем

с. 41 остался. //

Похождение второе на десять

Что с Совесть-Дралом после нищих воспоследовало

Совесть-Драл, освободив таким образом сих бедных слепых от несчастья им причиненного, приехал в один город, еще ему не известный, называемой Нечисток, которого о порядках и учреждениях с нетерпеливостью знать хотел, но дабы об том скорее и надежнее мог осведомиться, то переменивал всякий день квартиру.

В одно время, прогуливавшись по городу, набрал в полу семян, дуromoшенник называемых, и, подошедши поближе к приказному дому, стал оные бросать на все стороны. Предстоящий народ тому удивлялся и спросил его, что бы это он делал. На что Совесть-Драл им отвечал, что на плутов и мошенников засекает семена. Когда ж его спросили, для чего не на честных людей, то он отвечал, что честные люди здесь расти не могут. Такие его слова

тотчас донесли судьям в присутствие, от которого приказано было выгнать его, а как Совесть-Драл // с. 42
был неспорлив, то, собравши свои семена в мешок, пошел в путь свой.

Когда переправлялся чрез реку, которая около того города текла, то развязался у него по случаю с дурацкими семенами мешок, откуда почти все семена в воду высыпались, однако захватил он их несколько, чтоб оставить по себе наследство.

Сии семена принесли богатые плоды, ибо и теперь толикое множество их по всем странам размножилось, что и перечестъ невозможно.

Похождение третье на десять Что Совесть-Драл сделал с одною крестьянскою женою

Неправедное поношение на ближнего оставляет часто по себе худые следствия. Путешествующий Совесть-Драл пришел в одну деревню и стал на постоялом дворе, которого хозяин был в отлучке. Он спросил хозяйку, знает ли она Совесть-Драла.

– Нет, не знаю, – отвечала крестьянка, – однако слыхала про него, что он великий плут.

– Почему ты, – сказал Совесть-Драл крестьянке, – называешь его плутом, когда // ты его не знаешь с. 43
и не видала?

– Нет, ничего, – сказала крестьянка, – что я его не знаю, только все знающие его люди подтверждают, что он превеликий плут и¹⁸⁰ великий мошенник.

Совесть-Драл ей на то сказал, что за этикие¹⁸¹ речи жены лишаются своих прелестей, однако

¹⁸⁰ 1798 нет.

¹⁸¹ 1798 такие.

крестьянка сего выразуметь не могла, а Совесть-Драл с нетерпеливостью ожидал ночи, чтоб своей хозяйке заплатить.

И как только ночь наступила, и хозяйка уснула, то Совесть-Драл, вынувши из печи горячую воду, прибавил еще к ней горячей золы и оною сонную хозяйку облил, сказывая:

– Теперь ты, голубушка, будешь лучше знать, что про Совесть-Драла говорить. И, связавши ей ноги, повесил оную к палатам, проговоря следующее:

Поклонися от меня ты своему мужу
И скажи, что я тобой выведен наружу.

Похождение четвертое на десять

Как Совесть-Драл поступил с одним голландским купцом

с. 44 Случилось, что Совесть-Драл в городе Антверпене стал на квартире, где // стояли и голландские купцы. По старости своих лет сделавшись больным, не мог он есть мяса, того для приказал сварить несколько для себя яиц. Когда уже подали кушанье, и купцы сели за стол, то и Совесть-Драл, взяв яйца, сел с ними же для того, чтоб между множеством¹⁸² с лучшим вкусом поесть мог. Купцы подумали, что какой-нибудь простачок садится с ними обедать, почему один из них Совесть-Дралу сказал:

– Слушай, дедушка! Знать ты с похмелья, что не можешь прибрать кушанья.

182 1798 сотовариществом.

Выговорив сие, взял он яйца и все поел, и, сложивши на тарелку яичную скорлупу, сказал Совесть-Драл:

– Вот самое хорошее во время похмелья кушанье.

Прочие его товарищи, смотря на то, смеялись, почему и Совесть-Драл, не показываясь¹⁸³ оскорбленным, принужден был им помогать над собою смеяться, однако мысли его клонились к тому, чтоб каким-нибудь образом купцу за то отплатить.

После обеда купил он изрядного виду яблоко, которое, извнутри искусным образом вычистивши, положил туда червей, мух и клопов, потом посыпал сверху сахаром, смешанным с рвотным и проносным порошком. Как поспел ужин и купцы сели за стол, то Совесть-//Драл, принеся на тарелке свое яблоко, поставил на стол, а сам начал свечу поправлять и вдруг, якобы нечаянным образом, оную потушил. Помянутый купец, желая еще над ним подтрунить, схватил в потемках яблоко поскорей, а¹⁸⁴ как было оно печеное, вдруг проглотул. В минуту посем стало его толь сильно рвать в оба конца, что все его товарищи почли его отравленным, но Совесть-Драл сказал им:

с. 45

– Не бойтесь, он после сего похмелья будет здоровее, когда его желудок, испорченный яйцами, очистится. Я и сам опасался, чтоб у него после моих яиц не *сделалась бы констипация¹⁸⁵, но теперь все диссентериею окончится.

Спустя четыре дни купец едва пришел несколько в чувство и клялся перед Совесть-Дралом, что впредь никакого кушанья, какого б оно ни было хорошего вкуса, не намерен трогать¹⁸⁶.

183 1781, 1798 показывая себя.

184 1788, 1798 и.

185 1781, 1798 сделался запор.

186 1781, 1798 трогать ни у кого.

Похождение пятое на десять***Каким образом Совест-Драл, будучи
у короля саксонского шутом, разбогател***

с. 46 Принявши король Совест-Драла шутом, спрашивал, что он за пребывание свое при // дворе возьмет в год. На то Совест-Драл сказал, что как его труды будут великие¹⁸⁷, то он им не может и цены положить, а желает на том только жить, что ему он пожалует. Король тем был весьма доволен.

Совест-Драл, довольное время проживши, многими шутками увеселял короля, кой¹⁸⁸ никогда ему ничего по своей скупости не жаловал, а только обещался вдруг пожаловать тогда, когда сын у его родится. И как по счастью сие сделалось, то король послал Совест-Драла всех своих министров созывать к себе на крестины, из которых каждому объявил он секретно¹⁸⁹, что король обещался всякого из них чрез его секретно жаловать. Господа министры за таковое приятное известие много Совест-Драла дарили. Возвратившись, Совест-Драл короля просил, чтоб *ему приказания все отдавал он¹⁹⁰ секретно на ухо. Король в том ему обещался, и как съехались гости, то Совест-Драл неотступно стоял за своим королем, который вместо приказаний бранил его на ухо секретно. Всяк из министров себя ласкал разною надеждою.

с. 47 По окончании того дня король приказал, чтоб Совест-Драл рано поехал ко всем министрам просить их на ужину. Объезжая всех, каждому он объявлял королевскую милость и чин, в ко//торый кто

187 1798 немалые.

188 1798 который.

189 1798 за тайну.

190 1798 все приказания отдавал он ему.

был произведен, и *просил он¹⁹¹, чтоб ввечеру приезжали благодарить своего государя. Получа такую радость, весьма щедро дарили они Совесть-Драла.

Приехавши домой, ожидал он приезде министров; и как только начали они в залу собираться, то он в оной делал большие дубовые спицы; и когда спрашивали его, на что он их делал¹⁹², то он им каждому сказывал, что король приказал ему их на то сделать, чтоб, ежели кто вчерашнее помянет, тому выколоть спицею глаз¹⁹³, примолвив притом, что король теперь чрезвычайно сердит и не велел себя будить. Ответ его принудил всех разъехаться по домам; и как король встал, то Совесть-Драл объявил ему, что министры его съехались было просить о прибавке жалованья, кое он вчерась¹⁹⁴, будучи в веселости, сделать обещался.

– Однако ж, – прибавил¹⁹⁵ он, – они отправлены от меня спицами.

Король, будучи сим доволен, пожаловал Совесть-Дралу тысячу червонцев, а министры остались на прежнем жалованье. Совесть-Драл, получа от короля милость, отошел в другое королевство. //

с. 48

Похождение шестое на десять

Будучи Совесть-Драл у одного господина, всегда столом его был недоволен

Проживши Совесть-Драл деньги, сделался шутком у одного господина за один только стол, чтоб

191 1798 притом просил.

192 1781, 1798 делает.

193 Ср. пословицу: *Кто старое помянет, тому глаз вон.*

194 1781, 1798 вчера.

195 1798 примолвил.

с ним кушать. Где живучи, по великости своего росту¹⁹⁶, много ел и был всегда недоволен столом, который весьма был мал¹⁹⁷, почему вставал он из-за стола голоден. От того умножились его рассуждения, где б ему можно в кушанье иметь довольство.

По многократном размышлении вздумал он проситься у одного господина, чтоб он определил его начальником над всеми своими пастухами. Барин¹⁹⁸, не зная его умысла, прошение его удовольствовал¹⁹⁹. Совесть-Драл, *сей желаемый чин²⁰⁰ получивши, тотчас всем пастухам объявил о себе, что он их первый начальник, а потом и сам на житье к ним поехал, которые, услышавши о приезде его, как своему командиру, говядины, баранины и прочего снесли великое множество. И так наш Совесть-Драл имел всегда лучший стол, нежели его скупой барин, ибо он по несколько баранов на всякий день приказывал // приносить своим подчиненным, и что в неделю съедал, о том всегда барину репортовал, что имеется в приходе; чем барин будучи доволен, несколько лет его не следовал²⁰¹. А как намерение возымел к Совесть-Дралу в степи свои ради осмотру приумноженного скота ехать, то Совесть-Драл, о том проведавши, из других чужих соседственных стад то издержанное число скота наворовал и по приезде господина по осмотру явилось не токмо то же число скота, кое в Совесть-Драловых репортах было написано, но еще и сверх того немало. За что барин пожаловал Совесть-Драла деньгами и, уверен будучи о его исправном смотреии, отъехал сам домой, а Совесть-Драл рассудил, что за

196 1781 аппетита, 1798 апетита.

197 1798 недостаточен.

198 1781, 1798 Господин.

199 1781, 1798 удовольствовать согласился.

200 1781, 1798 желаемое начальство.

201 1798 поверял.

деньги может иметь стол, а за воровство скота опасался худых следствий.

И так спустя немного времени уехал он, куда ему было надобно, а барин его за воровство скота попался ему навстречу колеблющийся на воздухе, которому почтение отдавши, испросил увольнение от должности²⁰².

Похождение седьмое на десять Как Совесть-Драл делал профессорам запросы

В то время, когда в Академии наук публичный был диспут, Совесть-Драл // прибыл в Париж и, проведав о сем, не преминул в показанный день туда прийти. Взошедши в залу, стал он у кафедры, где стоял профессор, на которого столь прилежно смотрел, что профессор принужден был его спросить, не имеет ли какого сомнения. Совесть-Драл тотчас отвечал:

с. 50

– Если вам, государь мой, не будет противно, то я осмеливаюсь вас просить, чтобы вы решили мою задачу.

– Изрядно, – сказал профессор, – изволь спрашивать, в чем имеешь сомнение; наша должность состоит в том, чтоб всякие решить задачи.

Совесть-Драл сказал:

– Вот, милостивый государь, господин профессор, в чем мое сомнение состоит. Что полезнее для человека: то ли, чтоб он то делал, что уже знает и чему учился, или чтоб тому учился, чего еще не знает? Да притом прошу сказать мне на

²⁰² 1781, 1798 должности, ибо за воровство скота барина повесили.

сие: книги ли делают ученых людей или ученые люди книги?

Профессора²⁰³ поглядывали друг на друга, разные давали на то мнения, но притом один подтверждал так, другой иначе. Однако большая часть из них согласилась на то, что лучше и полезнее для человека делать то, о чем он совершенное имеет понятие, нежели учиться тому, чего он еще совсем не понимает.

с. 51 – И мне так кажется, – сказал Совесть-Драл, – что // совсем противно здравому рассуждению искать того, чего кто не знает; однако я вижу, что ни один из вас того не делает, что знает.

За такую укори́зну когда стали некоторые профессора приступать к нему с бранью, то он, как всегда имел в карманах песок, бросил им в глаза, чтоб его не увидели, а сам ушел.

Похождение осьмое на десять

Как счастье Совесть-Дралу везде служило

Как Совесть-Драл нестяжательный был человек, то всегда, где что ни попало́сь, там на веселости и расточал. А как ощутил себя в силах ослабевающего, то начал рассуждать, чем бы в старости можно было ему прожить, и иного средства не находил, как своего природного. Почему и вздумал пойти в такой город, о котором слышал, что в размножении рода человеческого онный имеет нужду.

с. 52 Пришедши туда, объявил себя искусным доктором, а больше в чадородии. Как в том городе много было жен бесплодных, то он чрез искусство свое // многим пособлял и, великие тысячи наживши,

203 1781, 1798 Все профессора.

хотел уехать из него, но по несчастию узнали об его отъезде пациентки его и, между собою сделавши ссору, осердились на Совесть-Драла и донесли на его духовные погрешности, а при следствии и все его искусства явились, за что несчастный Совесть-Драл послан был на покаяние в мужеский монастырь, где велено его содержать под караулом. Но как оный монастырь неподалеку отстоял от женского монастыря, то честная госпожа игуменья Смарагда, услышав о Совесть-Драле, что он с их монастырем в соседстве находится, весьма обрадовалась и, одевши в мужеское платье одну свою верную послушницу, послала просить Совесть-Драла к себе. Но как несчастный Совесть-Драл крепко содержан был под караулом, то посланной послушнице объявил, что ежели желает мать игуменья видеть его в своем монастыре, то разве изволит сделать из своего монастыря против его кельи земляной подкоп, которым он всегда посещать ее может.

– А иначе мне из кельи за строгостию караула выйти не можно.

Как посланная ответ принесла, то того же дня мать игуменья с сестрами принялася за труд, и в скором времени // открылся путь к Совесть-Дралу, которым он, часто шествуя, лишился всех своих сил и принужден был наконец с великим богатством оттуда уйти.

с. 53

Похождение девятое на десять

Совесть-Драл сожалел, что не успел исполнить следующих трех вещей

Кода уже Совесть-Драл находился в летах и немилосердая старость, лишив его всех сил, ввергнула в отчаянную болезнь, то пришла к нему по

давнему знакомству одна старуха с увещанием, чтоб он покался в своих прегрешениях так же, как она покалась, а посредством сего мог бы в радости последнее испустить дыхание.

– Тому нельзя стать, чтоб мне радостно было умереть, ибо смерть есть наигорчайшее мучение. Притом я за нужное не почитаю исповедать наедине тех содеянных мною дел, об которых целый почти свет известен. Теперь одно только меня беспокоит и в ужасное приводит раскаяние, что я следующих трех вещей замедлил исполнить: //

с. 54

1. В младости моих лет, увидев человека, имеющего на себе хороший плащ, ходил я вслед за ним неотступно и ожидал, пока оный сам с его плеч долой не свалится, а о том и позабыл, чтоб для скорости с него оный содрать;

2. Когда кто себе вилками чистил зубы, то и теперь мне жалко, что я ему оных совсем не воткнул в горло;

3. Более всего мне жаль, что не мог я всем без изъятия старухам, как бесполезнейшим в обществе тварям, зашить их проходы, дабы они больше напрасно не марали земного шара.

Старуха, осердясь за то на Совесть-Драла, сказала ему:

– Пусть тебя черт, а не я, к покаению приводит. Проговоря сие, тотчас его оставила.

По выходе ее Совесть-Драл сказал окружающим его приятелям:

– Любезные друзья! Нет ни единого в свете мужчины, который бы в соболезнавании в злополучии ближнего женщинам уподобился; но когда оне на кого осердятся, что с ними весьма легко и часто приключиться может, тогда уже своею злобою лютейших²⁰⁴ адских фурий превосходят. //

с. 55

204 1798 и самых лютейших.

Похождение двадцатое***Какое Совесть-Драл перед своею кончиною сделал распоряжение***

Совесть-Драл, будучи долгое время болен, роздал все свое имение бедным и, не чувствуя никакого в своей болезни облегчения, предпринял сделать духовную, в коей остатки своего стяжания разделил он на три части. Первую отделил своему хозяину, у которого в то время на квартире²⁰⁵ находился. Вторую – своим друзьям и приятелям. А третью – своему духовному отцу.

*А притом²⁰⁶ своих друзей просил, чтоб после его кончины делали они целый месяц всякий день за его душу поминовения, не опуская еще его в яму. И ежели он по прошествии того времени не оживет, то разделили бы между собою его имение, а прежде скончания²⁰⁷ месячного поминовения сундуков бы его не трогали. Сие под клятвою утвердивши, скончался он с веселым духом.

По истечении месяца, в который ежедневно на хозяйские деньги его поминали, хозяин, друзья и духовный его отец собрались вместе и пошли делиться завещанным от Совесть-Драла имением. Ког//да хозяин всем прочим присутствующим и с нетерпеливостью ожидающим видеть Совесть-Драловы пожитки отворил сундуки, то вдруг надежда о получении хорошего клада в них исчезла; ибо увидели они сундуки, наполненные токмо кирпичом и камнями, да на дне писанными бумагами, с которых при сем некоторые сообщаются.

с. 56

*КОНЕЦ СОВЕСТ-ДРАЛОВЫХ ПОХОЖДЕНИЙ²⁰⁸

205 1781, 1798 квартире.

206 1798 При всем же том.

207 1781, 1798 окончания.

208 1781, 1798 нет.

СОБРАНИЕ РАЗНЫХ²⁰⁹ ИСТОРИЙ

1. О разбойнике

Один осужденный на смерть разбойник во время чтения приговора, в коем все его беззакония были упомянуты, беспрестанно говорил:

– Я еще хуже сего нечто сделал.

А как стали его спрашивать, что такое он хуже сего сделал, то он отвечивал, что дал себя посадить в тюрьму.

2. О нечаянном случае

с. 57 Каменщик, работая на высокой башне, нечаянно с оной упал и по счастью сво//ему попал на человека, внизу сидящего, которого в то ж время убил до смерти. Сын убитого, позвав на суд каменщика, доказывал, что он смертоубийство сделал. Но каменщик в ответ ему сказал:

– Друг мой! Если я погрешил, то не требую и покаяния; взойди ты на то место, откуда я упал, а я сяду, где сидел твой отец, и так брося вниз и убей меня до смерти.

3. О римском дворянине

Стихотворец Енний приказал своей служанке сказать одному римскому дворянину, который стучался у ворот, что его нет дома. Дворянин, хотя

и собственными видел глазами, что Енний прошел в дом, однако, услыша ответ от служанки, пошел, сказавши ей:

– Мне очень жаль, что вашего хозяина нет дома.

По прошествии нескольких дней стихотворец пошел к дворянину поговорить с ним о важной вещи в надежде, что он найдет в нем заступника. В то время как он стучался у ворот, дворянин, выглянувши в окно, сказал ему:

– Хозяина нет дома.

– Возможно ли этому стать, – отвечал Енний, – чтоб его не было дома, понеже я его вижу и с ним разговариваю? //

с. 58

– Мой друг! – отвечал дворянин, – когда я поверил твоей служанке, для чего же ты не хочешь самому мне верить? Впрочем знай, что я нахожусь дома для других, а не для тебя.

4. О пасторе кальвинском и о монахе францисканского ордена

В одно время францискан и пастор пришли на берег такой речки, на которой для перехода никакого моста не было. И так уговорились кинуть жербий, кому достанется из них нести другого на ту сторону речки. Францискан, проиграв, принужден был взять пастора на плечи и нести до середины речки. Остановившись там, спрашивал его, имеет ли он деньги в кармане, который, как ему скоро выговорил, что их имеет, то францискан тотчас его бросил в воду, сказывая:

– Не погневайся, господин пастор! правило нашего святого Франциска запрещает нам носить деньги.

5. О разбойнике, которого вели на виселицу

с. 59 Когда разбойника вели на виселицу, то духовный отец увещевал его при смер//ти следующим образом:

– О, как ты счастлив, любезный сын! Ты можешь надеяться отужинать ныне на небе в раю.

– Почтенный отец, – отвечивал ему духовный сын, – вы бы сделали особливу для меня любовь, если бы пошли туда на ужину, а я клянусь, что теперь не голоден.

6. Какое различие между ученым и незнающим?

Один философ, будучи вопрошен, какое бы различие между человеком ученым и незнающим было, отвечивал:

– Такое точно, какое между лекарем и больным находится.

7. О мельнике и дворянине

Мельник, ведя осла по некоторой улице, где находилось несколько дворян, беспрестанно бил сию бедную скотину. Что видя один из находящихся дворян, сказал:

– Для чего ты столь немилостиво бьешь сию скотину?

Мельник, не отвечая ни слова, снял свою шляпу и, поклонясь низко ослу, сказал:

с. 60 – Извините меня, господин осел, я не думал, что вы между своими друзьями и дворян имеете. //

8. О живописце

Живописец, показывая худо написанную картину, при многих живописцах с великим криком хвалился, что написал ее в краткое время. Слышасие, Апеллес учтиво сказал:

– Не объявляй о сем, что в краткое время написал ее, ибо она сама чрез себя сие показывает.

9. О папе Юлии втором

Дворянин римский, искренний друг папы Юлия второго, объявил ему, что многие жалуются на его святейшество за то, что с великой ревностью позволяет продолжать войну против Франции.

– Ибо, – продолжал он, – Бог тебе дал ключи своей церкви, чтоб заключить двери несогласия, а отворить двери мира.

На что папа ответствовал дворянину так:

– Те, которые сие говорят, может быть не знают, что святой Петр и святой Павел были товарищи и оба начальники церкви. Мои антецессоры сохраняли ключ святого Петра, а я хочу употребить теперь меч святого Павла.

Дворянин ответствовал:

– Ваше святейшество! Изволите знать, что Христос сказал Петру: «Вонзи меч твой во влагалище».

– Это правда, – сказал папа, – однако // знай, с. 61
что Христос не прежде, но как уж Петр ранил и отрезал ухо, сказал ему сие слово.

10. Ответ Тривулсия Людвигу XII

Людвиг XII, желая объявить войну герцогу медиоланскому, спрашивал Гиаскона Тривульсия, искусного капитана, какая бы вещь больше всего

для войны была потребна. Тривульсий ответствовал ему:

– Три вещи очень надобны: деньги, деньги да еще деньги.

11. Обманувшаяся собака

Собака, украв кусок мяса, прибежала к речке, чрез которую переходить ей надлежало. Поплыв чрез нее, остановилась она на самой середине, а как тогда было солнечное сияние, то показался ей и на дне другой кусок мяса. Желая оным пользоваться, лишь только отворила она рот, то и опустила кусок на дно речки; и так сия бедная воровка не только не нашла желаемого, но и найденное потеряла.

12. Ответ Пика де Мирандола

с. 62 Стояли некоторые кавалеры, удивляясь остро-
те разума Пика де Мирандола, потому что ему не исполнилось еще девяти лет // от рождения. Некоторый старый, ни к чему не годный человек, подошед в присутствие сего умного князя, сказал:

Когда люди в молодых летах имеют острый разум, то, пришедши в совершенный возраст, бывают безумны и ни к чему не способны.

На что сказал ему Пик:

– Если то правда, что вы выговорили, то должно думать, что в вашем младенчестве вы имели превосходный разум.

13. Коварство деревенского мужика

Деревенский мужик, неся бремя дров на торг, хотя и часто кричал, чтоб люди посторонились,

однако некакий бездельник не хотел от сего предостеречься, почему мужик его задел и разорвал у него епанчу. За сие воспоследовала ссора, и непосторонившийся, требуя за епанчу денег, повел мужика в суд. Судья, выслушав обиженного, спросил мужика, правда ли это. Мужик на сие не отвечивал ни единого слова. И так судья, паки обратившись к тому, у которого епанча разодрана, сказал:

– Чего ты хочешь и что я с сим немым могу сделать?

– Какой немой, – отвечивал истец, – он не нем, потому что давеча кричал во весь голос – «Посторонитесь».

Судья сказал // ему:

с. 63

– Если он кричал, то ты должен был посторониться, почему и епанча осталась бы невредимою; но как ты сего не сделал, то и учинился сам причиною своего злополучия.

14. Новопоставленный из приказных людей монах

Одному приказному наскучили дела, а более железа да цепи, почему пошел он в богатый монастырь. Послуживши в нем несколько времени, сделан он монахом; и как знали довольно, что в делах приказных был он весьма искусен, то начали его употреблять по монастырским делам стряпчим; но он, отправляя сию должность, всегда имел неудачное ходатайство. Начальник того монастыря спросил его, для чего он прежде был весьма искусен в приказных делах, а теперь очень плох? На что новопоставленный монах отвечал начальнику:

– При вступлении в монашество обещался я столько же от лжи устраняться, сколько прежде

ею был занят; и ежели со временем позабуду свое обещание, то опять хорошим сделаюсь стряпчим.

15. Остроумный слуга

Некоторый француз имел у себя верного слугу
с. 64 и великого насмешника. И как // он часто смеялся над словами других, то господин, желая его от сего отвести, говорил ему:

– Молчи, безумный, ты король над дураками.

Слуге очень не понравилось, что господин назвал его королем над дураками, почему и отвечал ему:

– Когда бы я был королем над дураками, то мое владение было бы весьма пространное и вы, милостивый государь, между моими подданными не последнее бы место занимали.

16. Счастливый сон

Трое странствующих, севши у некоторого ручейка, утолили жажду, но как хотели обедать, то явился у них только большой ломоть хлеба, почему рассудили они прибегнуть к средству. Первый сказал:

– Ляжем прежде кушанья спать и после, как заснем, то тот, которому лучший сон пригрезится, должен хлеб съесть, а другие пусть голод сном прогонят.

– Я согласен, – сказал другой.

– И я доволен, – отвечал последний.

И так все трое легли один после другого. Первые два, которые больше устали, нежели третий, тотчас заснули, но младший, который больше всех был голоден, сказал:

– Я совершенный был бы дурак, если бы не пользовался // сном моих товарищей.

с. 65

Потом съел хлеб и заснул.

Не было еще полночи, как они проснулись и начали сны свои рассказывать.

– Мне снилось, – говорил старший, – будто бы я был на месте, подобном раю на земле, в котором было довольно увеселений: там наслаждаются всеми веселостями, там едят, пьют, поют, танцуют, прохаживаются по увеселительным садам.

– Понеже я хуже вас, – сказал другой, – то мне казалось, что я сошел во ад, где больше ничего не видел, как только несчастливых, которые мучились; я слышал только крик и плач, от чего будучи поражен страхом, проснулся. И так я чувствовал великую радость от того, что имел сон, который меня устранил, а радовался для того, чтоб подать мне после увеселение посредством воспоминания, которое у меня находится в сердце, и для того я спору, что несравненно лучший вашего сон видел.

Последний сказал, что:

– Я в то же время видел, что вы оба были, один в раю, другой во аде, почему себе и вообразил, что вы отнюдь не возвратитесь; итак, видя себя одного на свете, хлеб во сне съел. //

с. 66

РАЗНЫЕ ПОВЕСТИ

1. О злой жене

У одного несчастного человека была такая жена, что от злости сама себя била, когда не могла бить мужа своего, с которою он живучи, мучил

жизнь свою. Но в одно время муж, не стерпя от нее ругательств, ударил ее поленом по голове так сильно, что разбил ей совсем голову, от которого побою она, лежа на постеле, не переставала мужа ругать. А как голова у нее начала гнить, то она показывалась, что несколько от злости унялась; ибо муж кроме вздохов ничего не слышал. После того, сжалившись муж над нею, призвал доктора ее лечить, который, подошедши, хотел осмотреть ее голову, но она сказала:

– Ты, господин доктор, должен мужчин с головы смотреть, а женщин с другого места, ибо не все один вкус имеют.

Между тем просила доктора, чтоб он много денег у мужа ее требовал за лечение, за что обещала по излечении и сама собою господину доктору отслужить.

– За малые же деньги я тебя не допущу к себе, – примолвила она, – по причине той, что ежели муж по своему дурачеству меня бить будет, то, жалея денег, в побоях будет поосторожнее.

с. 67 Доктор с мужем // начал договариваться, и как его требование в великой сумме состояло, то муж сказал:

– Я бы тебе, господин доктор, дал деньги по твоему требованию, но они надобны будут впредь ради лечения, когда принужден буду таким же образом подвергнуть немочи жену свою.

Доктор, согласясь за сто талеров, приступил к жене и хотел приложить пластырь, но она начала доктора ругать, для чего столь мало денег запросил. Доктор, не зная, что она столько злонаравна, на[ч]ал²¹⁰ ее уговаривать, а она с сердцов, схватясь, откусила ему палец. Доктор, воскричавши, принужден был бежать из дому, а муж не знал, что с нею делать, и по совету приятеля купил злую

210 Испр., в тексте назал.

лошадь, на которую посадя, отправил ее в город, откуда она не возвратилась живая. Приятель его, имевший такую ж жену, просил, чтоб он уступил ему оную лошадь, обещаясь столько, сколько ни потребует, за то денег заплатить. Но вдовец сказал:

– Я бы тебе, друг мой, и по своей цене отдал, если бы сам не намерен был еще жениться.

2. О целомудренной девушке

Молодой дворянин весьма долго искал себе честной невесты и выбором своим многим девицам наносил бесчестие. Наконец выбрал одну, которая показалась // ему весьма постоянною, ибо была она скромна и на многие его требования прежде времени не соглашалась. Дворянин, уверившись на свой выбор, на ней женился; а как, будучи с нею в компании, начал рассказывать своим приятелям о ее постоянстве, присовокупив к тому, что он действительно бы ее не взял, если б она желания его исполнила, то жена, несколько улыбнувшись, в ответ сказала:

с. 68

– Твоя правда, любезный муж, ибо я давно уже сие извела.

3. Влюбившийся пастор

Одна вдова, лишившись мужа, часто делала по нем поминовения; а как она была весьма пригожа, то пастор, страстно в нее влюбившись, не принимал за поминовение денег, сказывая, что он от вдов никогда не берет денег. Вдова, долго о том рассуждая, наконец отгадала его мысли; и как к тому не была склонна, то вздумала сделать ему отказ следующим образом. Будучи некогда в кирке, начала она неутешно плакать, а пастор, приметя сие, по окончании служения спросил ее:

– О чем вы, сударыня, так горько плачете?

с. 69 – Как мне не плакать, батюшка? – отвечала она, – у меня был осел, который служил мне весьма усердно и коего я весьма за сие любила, но к не-описанной моей // горести, съели его волки. А хотя и начала я несколько его позабывать, но в кирке, слушая ваше пение, тотчас его вспоминаю, тем наипаче, что ваш голос с голосом покойного моего осла весьма сходен.

– Я беру в вашей горести участие, – отвечал обиженный пастор, – но притом соболезную о том, что вы ослиную меру человеческой предпочитили.

4. Вдовья честность

Оставшаяся после мужа при великом богатстве одна вдова часто приятельницам своим говорила, что она за другого мужа для своей прихоти идти не желает. Сего не довольна, она отпустила на волю всех своих слуг мужеска полу. Но как ей приятельницы стали говорить, что с таковым богатством самой ей управиться без мужчины в доме нельзя, то просила она некоторую вдову, свою подругу, чтоб сыскала ей хорошего управителя. Приятельница обещалась в том приложить свое старание и спустя несколько времени представила ей разумного и знающего в домашнем управлении человека; а как он был еще и кастрат, то она думала, что тем больше ей услужит, почему и объявила ей обо всем подробно. Молодая вдова, заклившись твердо на-блности постоянство, с неудовольствием подруге своей сказала:

с. 70 – Хотя я в // намерении своем и очень тверда, однако желаю иметь у себя такого управителя, а про случай и двух, которые бы способны были разгнать задумчивость, а особливо тогда, как мы падаем по своим мужьям в беспокойство. Я думала,

сударыня, – примолвила она, – что вы одного из своих управителей мне уступите; а сей урод вовсе мне не надобен.

– Я, сударыня, в том бы вам служить не отказалась, – отвечала подруга, – если б задумчивое мое сложение тому не препятствовало.

5. Молодая девушка

Известная молодая девушка, будучи у своих приятельниц в гостях, между разговорами о скромности и честности холостых молодцов приятельницам своим сказала:

– Вы, сударыни, поэтому не столь знаете их, как я. Они мне в зубы навязли и очень не нравятся; ибо одни из них над меру скромны и стыдливы до того, что хуже нашей сестры девки, а другие такие нахалы, что и благопристойность теряют.

Молодой разумный мужчина, поодаль там сидевший, сказал:

– Это правда, сударыня, что девушки бывают иногда не весьма застенчивы. Я, сударыня, и в книге начитал, что первая девице добродетель, когда стыда не имеет; да и замужние жены стыдливость свою притворно // показывают только в первый день свадьбы, так как и во многих мужчинах на другой же день свадьбы к новобрачной любовь исчезает.

с. 71

6. Женская воздержность

Богатый французский дворянин много думал, из какого бы рода взять себе невесту. Наконец женился на одной двенадцатилетней молодой девушке, которая была знатной фамилии. После

свадьбы своей на другой день получил он от канцлера строгий указ, чтоб ему в два часа из дому выехать и явиться в самой скорости к своему королю, где более трех дней задержан будет. Дворянин, рассуждая о женской слабости, при отъезде своем забрал с собою всех мужеска полу служителей, а оставил в доме только дурака водовоза. Жене своей строго приказал, чтоб она никуда из дому своего не выходила и в дом бы никого из мужеска пола не впускала, обнадеживая ее, что он чрез три дни домой возвратится.

Молодая дворянка, отпуская своего мужа, прощалась с ним со слезами и уверяла его всеми клятвами, что все его приказания исполнит. А как свадебный жар в молодой нашей дворянке не утихнул, а больше еще // воспламенел, то того ж дня, с. 72 призвавши своего водовоза, велела в бане ему вымыться. Потом сказала ему:

– Слушай, дурак! Знаешь ли ты о том, что я твоя барыня и что ты должен все то делать, что я тебе ни прикажу?

Водовоз отвечал:

– Знаю, что ты моя барыня, изволь приказывать; но не худо, чтоб одно, а не десять дел делать мне приказали.

Дворянка, опасаясь вреда, велела ему свадебный жар утушать, что он и исполнил. А как на другой день доложил, что уже и воды недостает для утушения жару, то барыня приказала дать ему вина и обещалась на третий день от должности уволить. Водовоз сказал, что сего огня и в неделю он не потушит, ибо час от часу разгорается. Молодая дворянка, зная срок приезда мужа своего, на третий день водовоза уволила.

Как водовоз в небывалой должности чрез меру устал, то пошел из дому прогуляться. Между тем дворянин, приехавши домой, увидел свою жену

в великой веселости и рассудил, что она ему обр-
довалась. Потом востребовал чаю, но как водовоз
из дому сошел, то и воды в доме не было. Дворя-
нин, осердясь на водовоза, приказал его сыскать;
потом, призвав к себе, спрашивал, для чего в доме
воды нет и зачем он из дому отлучается. Водовоз
отвечал без // робости, что он другою должно-
стью по приказанию барыни занят был, от ко-
торой чрезмерно устал. Дворянин стал водовоза
спрашивать о другой его должности, который, бу-
дучи глуп и не имея ни о чем понятия, все свое
дело без страха обстоятельно рассказал господи-
ну. Дворянин, выслушавши все от водовоза, хотел
жену представить с водовозом на очную ставку, но
как она была знатнейшей пред ним фамилии, то
в том не призналась и еще мужа назвала дураком,
что дурака послушался. От сего задумался дворя-
нин и водовоза посадил в тюрьму, а сам от жесто-
кости подал в правительство челобитную о разво-
де его с женою; потом поехал по всей женниной
родне, которую к себе во время развода пригла-
сить вздумал. Жена по отъезде его из дому надела
на себя мужа своего платье, парик и весь офицер-
ский прибор и, призвавши водовоза, в лице свое-
го мужа сказала:

с. 73

– Слушай, дурак! Знаешь ли ты, что я твой ба-
рин?

Водовоз отвечал:

– Знаю.

– Когда ты жены моей приказания исполнил,
то теперь то ж дело и я тебе приказываю делать со
мною.

Водовоз, исправив сие немедленно, тотчас ото-
слан был опять в тюрьму. Как муж с женниными
родственниками приехал домой, то тотчас велел
привести водовоза. Увидев его, родственники //

с. 74

же делал он с барынею, что и с барином. Услышав сие, родственники сказали хозяину:

– Ты весьма основателен в том, что послушал своего водовоза; и так видно, что вы оба весьма разумны.

Дворянин, услышавши такое на себя от водовоза поношение, принужден был у всех женниных родственников и у своей жены за бесчестие просить прощения, а дурака водовоза сослал в деревню. И так был первее обещен, а потом осмеян; жена же в числе честных жен осталась.

7. О плодородной и упрямой жене

Некоторая женщина, будучи один только месяц замужем, родила два ребенка. Муж ее, думая, что она столь будет плодородна, что всякий месяц поставит по два ребенка, сказал:

– Надобно мне, жена, много земли купить для поселения детей, от тебя рожденных.

Потом пошел он к колыбельному мастеру и стал заказывать, чтоб он сделал ему двадцать четыре колыбели. Мастер, необычайному сему требованию удивляясь, спросил у него причины.

Я хочу, – отвечал он, – на целый год запасть колыбелей, потому что жена моя будет носить по два ребенка.

Потом, пришедши домой, объявил ей о подряс. 75 де колыбелей, // которая, осердясь за то на мужа, оказала другую свою добродетель.

Заупрямившись, целый месяц ничего не говорила она мужу и была, как немая; а как муж для произведения в языке ее движения ударил ее рукою по щеке, то она от того удара прикинулась и сделалась мертвою. Что видя, муж призвал к себе соседа и зачал притворным образом у него

спрашивать, что бы он присоветовал ему сделать с умершей женою. Сосед ему сказал:

– Надобно с нее содрать кожу, ибо я слышал, что кожа, содранная с упрямой жены, весьма дорогою ценою продается.

– Я тебе уступаю, – отвечал муж, – сдери себе ее.

Как скоро сосед зачал точить ножик, то мертвая жена, вскоча, бросилась ему в глаза и хотела их выцарапать, но сосед, не доводя себя до сей напасти, тотчас убрался из дому; и как остался один токмо муж, то она начала его ругать, сказывая ему:

– Если ты не можешь без соседей сам управлять домом, то должно мне быть большею и начальнейшею в доме.

Муж, не хотя дать ей начальства, учинил за то с ней драку.

Между тем постучался некто у ворот; муж, услышавши, вышел к воротам и спросил у того, который стучался, кого ему надобно.

– Мне надобно хозяина, – отвечал пришедший.

– Подожди не//много, друг мой, – сказал на то муж, – ибо как спор наш еще не окончан, то я не могу вам сказать, кто из нас хозяин.

с. 76

Потом, оборотясь назад, побежал в горницу. Как скоро он взошел, то жена его и он опять принялись за волосы и дрались до тех пор, пока жена принуждена была ему уступить победу. По одержании оной вышел он к воротам и сказал ожидающемуся:

– Изволь ведать, друг мой, что со мною надобно вам говорить, потому что мне досталось быть хозяином; а что прежде я о том вам не сказал, то у меня с женою сие дело находилось еще в сомнении.

Потом, несколько времени он с своею женою проживши, вздумал апробовать ее верность таким порядком: возвратившись однажды в воскресный день поутру домой с великого мороза и зная, что обедня уже отошла и что жене надлежало скоро

оттуда прийти, бросился ниц на землю и притворился мертвым. Как скоро жена взошла и увидела его в таком состоянии, то зачала у него щупать руки, поднимать ногу и другую и, не нашедши в нем дыхания, потому что он удержал свой дух, думала, что он заподлинно умер. Наконец, не зная, плакать ли ей или пообедать прежде должно, ибо она очень была голодна, сказала в себе:

с. 77 – Лучше мне пообедать, а наплакаться еще для церемо//нии довольно будет времени.

Таким образом, отрезавши куса с два ветчины, принялась ее кушать с поспешностью; потом, схватя ковшик, побежала было в погреб для принесения себе питья. Между сим одна из ее соседок закричала воротами и взошла на двор. Услышав сие, она бросила из рук ковш и бросилась плакать и приговаривать:

– Ах, любезный мой муж! Возможно ли тому стать, чтоб ты меня оставил, не простоя со мною...?

На крик ее сбежались другие соседки, что увидя, хозяйка принялась еще более кричать:

– Ах, муженек мой! Куда как я несчастлива! Что мне осталось теперь делать?

– Слушай, жена, – отвечал муж, приподнимая голову, – громче бы ты кричала, если б успела промочить чем-нибудь свою глотку, в которой, я думаю, теперь першит от ветчины.

И, вставши, попотчивал ее так хорошо, что на другой день и погребение поспело.

8. Дамская нежность

В некоторое время были такие дамы, которые между собою спорили о превосходстве в нежности. Спор их дошел до того, что они принуждены были

идти к судье и его просить, чтоб он, по выслушании их предложений, учинил справедливое решение. Первая сказала:

– Вздума//лось мне в один день поутру прогуляться по холодку в своем саду. Будучи в оном, села я под розовое дерево и стала себе мыть ноги весеннею росой; лишь только я за то принялась, то розовый листочек упал мне на ногу и от того была я хрома целые три месяца. с. 78

– Девка моя, – сказала вторая, – оправливая в один день мою постелю, оставила нечаянно маленький згиб на простыне, которая сшита была из самого тонкого голландского полотна; я по несчастию легла несколько скоро на том сгибе и переломила себе три ребра, которые старанием докторов едва могла вылечить в четыре месяца.

Третья сказала, что она всегда накрепко приказывала своей девке разбирать волосы при чесании ее головы, так чтоб не было больше ни на той стороне, ни на другой, будучи довольно известна, что ей от того случиться может великая болезнь, если поступлено будет противным образом; но в один день нечаянно переложила она тремя или четырьмя волосами более на одну сторону, от чего у нее так сильно нагнуло туда голову, что она и до сих пор не может ее исправить.

Новый Парис, выслушавши их предложений, пришел в такое замешательство, что не знал, которой из трех сих богинь дать преимущество. Пришедши домой, застали они у себя неко//торого человека, который пришел требовать должных денег. Между разговорами они поссорились, почему он и назвал их нечестными; а хотя сие приписал им по справедливости, однако трудно ему было то доказать. Дамы не столь за честность, как за деньги рассердившись, опять пошли в суд просить за бесчестие, в котором приказано с. 79

было ему доказать то, что он сказал, или признать их за честных дам. Весьма ему жалко было признаться в честности их, потому что он знал, что признание его будет ложно; однако для удовольствия их перед судом вздумал он избавиться от того словами, двоякое разумение значащими, и сказал пред всеми:

– Я вас назвал нечестными, это правда; вы честные дамы, я солгал.

Сие признание оправдало их перед судом, но заимодавца не удостоверило, ибо в спальне сих красавиц столь верно с ними он расшелся, что они ему ничем должны не остались.

9. Жалоба на жену

Один молодчик женился на девице, которая по причине худого своего поведения подала повод всем говорить о себе худо. Муж ее, узнавши про то, старался всеми силами ее исправить; но видя, с. 80 что старание его бесполезно, зачал на нее жа//ловаться отцу, а своему тестю, представляя, что он хочет с нею развестися. Тесть во утешение его сказал ему:

– Любезный зять! Надобно тебе иметь терпение, мать у нее такая же была и я ничем ее от того не мог унять; но как она достигла до шестидесятого года, то сама собою сделалась честною женщиною. Я надеюсь, что и дочь сделает так же, как и мать, и что в те лета будет она жить получше; положишься в том на меня и надейся, что то подлинно сбудется.

На что зять сказал:

– Я, батюшка, вам верю, только извольте ее у себя до шестидесят[и]²¹¹ лет подержать, а я верно обещаюсь тогда ее к себе взять.

211 *Испр. в тексте шестидесят.*

10. Женская старость

Некоторая престарелая женщина приехала посетить одного старичка, своего приятеля, который находился при смерти. Дочь господина не допускала ее войти в его покой, сказывая, что ее отец не имеет более обращения с женщинами.

– Сударыня, – ей сказала старушка, – по моим уже летам едва ли могу я быть в числе женского пола.

КОНЕЦ ВТОРОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ ЧАСТИ

Приложение II

***Похождение ожившего
нового увеселительного шута
Совест-Драла Большого Носа***

Основной текст:

изд. 1781 (экз. РНБ, шифр: 18.314.7.3)

Разночтения:

изд. 1798 (экз. РГБ, шифр: ИТ/98 П) – 1798

ПОХОЖДЕНИЕ
ожившего
нового увеселительного
ШУТА
и
великого в делах любовных
плута
СОВЕСТ-ДРАЛА
БОЛЬШОГО НОСА.
Часть третья
Печатано в Москве 1781 года
//

с. 1

Хотя в первой и второй частях не сказано, что честный Совесть-Драл имел жену, или, лучше сказать, супругу, потому что она жила с ним супругою, однако при всем том надобно знать, что он ее имел, и как удалой детина, то в сем случае никогда не хотел философствовать по-Сократову: ибо не токмо ни однажды не допустил себя до того, чтоб на него помойный излился дождик, но и когда начинался женниних речей гром, то, не учась электризации, по природной своей остроте отводил он сии тучи весьма искусно; сперва принимался он сколь можно звончае стучать по супружеским ребрам, а потом хватался за долгую ее косу, как будто за проведенную от электрического шара проволоку, и потуду

- с. 2 ее вертел, пока вступит в него огненный пот // и громовой треск утушится совершенно¹.

Книжка сия перво-наперво попала в руки показанной громоносице; а как она была дьячкова дочь, а потому и великая грамотница, то, прочитав крупными словами написанное заглавие, так Большого Носа испужалась, что в беспамятстве закричав: «Ой, вы! ой, еси люди добрые! уж стали вставать мужья мертвые!», и скоропостижно умерла.

- Час добрый, моя голубушка, счастливый тебе путь, видно ты тронулась, мое сердечушко? Да ей и было чего испужаться, а сторонним людям какая ж забота, хоть сто оживи Совесть-Дралов, только всякий говорит: «Что за чудо! Что за диковинка!». Совесть-Драл умер и конец похождения его напечатан, а теперь опять он начинается; не уж ли и на том свете удалая эта головушка курелесит и о своих проказах товарищам грамотки пересылает? Да лих оттуда ходок нет; но как я по некоему случаю о сем деле сведом, то намерен о смерти Совесть-Драловой согнутую дугу для читателей сделать оглоблю. Правда, что в конце второй части о похоронах проказника есть некоторый род тайной за-
с. 3 кавычки; однако все без//делья, дай лишь только время, а за то, что ненарочно я сказал правду, открою всем ныне сокрытую тайну.

Не чудо ли сие, что мертвый Совесть-Драл
По свету белому опять проказить стал!
Есть чудо, скажет всяк, да чудо и не вmale,
Не чудом будет все, читай листы подаде.

Всяк знает, что Совесть-Драла похоронили, и я скажу похоронили, и по преданию отец на поминках попили; а когда похоронили, то следовательно

¹ Аллюзия к известному анекдоту о Сократе и Ксанфиппе.

он умер: да он – не он, умер – не умер; (*лихое споро не умрет скоро*). Я моего читателя из одного лабиринта ввожу в другой, дабы умножить его любопытство и тем противуборие слов умер – не умер представить ему в приятнейшем виде; ибо что мы вдруг узнаем, не столько нас веселит, как то, что чрез многие околичности нам открывается. Не всяк ли за морское диво почитал и жадно хотел узнать, каким образом на гладком месте яйцо целое поставить можно; когда ж вдруг оное, разбив, поставили, то за открытие такого в свете дива сказали: не за что поднести и стакан пива². //

с. 4

Вот для того-то и я хочу открытие моей тайны оставить до другого времени, а теперь по пословице *тише едешь, дальше будешь*, скажу небылицу. Любезный читатель! Ясно вижу я на меня твое негодование и слышу, что говоришь: «Провались ты с своею небылицею, а скажи лучше о Совесть-Драле, как он умер – не умер». погоди немного, надобно человеку быть терпеливу, кушай, что поставили, а лучшее подадут: я в обещаниях своих тверд, как кремень, слово молвил, как топором отрубил. Хотя ж случается иногда соврать, однако... Извольте теперь взять обещанную небылицу, ее Совесть-Драл написал прежде еще, нежели умер – не умер...

Небылица

Небылицу я скажу, иль прямые враки,
Молошками на печи сено косят раки.
Деревенским мужикам кочет носит яйца,
Помогают молотить им косые зайцы.
Петухи идейски – щеголи, не куры,
Скачут, пляшут и поют, и чинят амурь.
Подберезные грибы славу деют толки,
Стерегут в полях стада не собаки, волки;
А медведи в смурье убрались кафтаны, //

с. 5

2 Отсылка к популярному анекдоту о Колумбовом яйце.

Пожирают пастуха хохлачи бараны;
 Доморощенные ж псы, труся черной кошки,
 Подогнув хвосты, бегут, лишь мелькают ножки.
 Вот я что хотел сказать: всем вам небылица.
 Вы, чай, ждали журавля: ах! прыг, прыг, синица!

Кажется и вправду в сей небылице напутаны враки, но если спросить Совесть-Драла, то не дивно, что он скрывает в ней нечто достойное вечной памяти; я ж толковать всякому отдаю на волю, ибо наступает время удовольствовать моего читателя плутовскою Совесть-Драловою кончиною, с которою и ныне живет он по-старому, но нрав его переменялся; а на долго-ль? и если не до первой встречи, пока удастся кого обмануть или где смошенничать (по словеси: *повадится кувшин по воду ходить, тут ему и голову положить*); не знаю, но... Теперь:

с. 6

Умолкни всяк и глас вниманием прерви,
 А ты, о Совесть-Драл, из мертвых оживи!
 Кто хитрости твоей последняя не знает,
 Тот мертвецом тебя и ныне почитает.
 Узнают ону все, ты будешь не мертвец,
 А будешь, как и был, живой еще плутец. //

Похождение 1-е

Каким образом Совесть-Драл умер – не умер

Во второй части девятом на десять походеении сказано, что Совесть-Драл, находясь в летах и немилосердою угнетаем старостию, впал в отчаянную болезнь, а напоследок умер и похоронен; по сказкам – это правда, а в самом деле – пустяки. Лет он был не больше тридцати пяти, болезнь его

принужденная, притворная и прикрытая обманом, а смерть в хитрых похоронах представлена была народу как новая трагедия, да и не дивно; худой мошенник чудесит много, а наш детина не уж ли последний.

Господин Совесть-Драл, живучи на свете, ни о чем более не помышлял, как только, чтоб не умереть с голоду и стужи, и потому главнейшее его старание было доставлять себе пищу и одежду каким бы то ни было образом; его на доброе не доставало, а на худое столь был пометчив, искусен и проворен, что и сам сатана ему завидовал. (Говорится ж, что иногда ученик и учителя превосходит). Склонность его больше всего простира//лась с. 7 к любовным делам, а без любовницы он пробывать не мог, как без воды рыба и без воздуха птица; но как рыба воду, а птицы воздушные места перемещают, то и он в любовных делах последовал сим тварям; да и то прибавить, что рубил деревья и не по себе с немалым успехом.

Скажите ж, к чему это? Полюбить можно за разум, красоту и за другое достоинство, но в Совесть-Драле все лады не в лад, только что был силен, плотен и природа одарила его преогромным носом, который был так прекрасен, как пушкарский кафтан. Се его талант, се его главное достоинство, он им часто хвастал, выговаривая, что все по желанию своему получить и всякого к себе склонить в любовь посредством любезного своего носа бесспорно может. На сей-то магнит он понадеясь, влюбился в одну особу в том доме, куда часто был вхож по ласковым приемам; любовь его от часу возрастала, и к великому удивлению на ту пору не полюбил он другую, но, утвердись в намерении сим предметом счастливу быть или умереть, все свои мысли истощил на выдумки, // каким бы с. 8 средством получить желаемое.

В одно время пришел он в сей дом и, уведомясь, что все, кроме любимой им особы, съехали с двора, а она по болезни осталась дома, вошел в ее комнату и по обычаю спросил о здоровье, не теряя ж драгоценного для себя сего времени, между разговорами столь много шутил, что ему выговорено:

– С тобою и быть для разбития мыслей.

– Разве вы думаете о чем? – подхватил Совесть-Драл, – и не уж ли о том, о чем и я?

– Я думаю, – сказала та особа в насмешку, – о твоём носе.

– А я, сударыня, о терзающей меня любви.

Выговорив и взглянув на нее, покраснел чрезвычайно. Для него ж покраснеть, побледнеть, упасть в обморок и сюда-туда притвориться стоило ничего, но чтоб речь свою несколько замять, тотчас подхватил:

– Что вы думаете, сударыня, о моем носе? Он того и стоит, ибо имеет разные выгоды и достоинства...

– А какие ж? – сказано ему.

– Великие, сударыня, с вашего позволения... Нос мой мне служит при огне вместо тенника, к погашению свеч вместо щипцов, для сзову собак вместо рога, к раздуванию угля вместо мехов, а из//
с. 9 ображенная в триумфах слава пользуется им вместо трубы; да притом представьте самых ученых людей, Юлиев, Цицеронов или Овидиев, они все были с великими носами, потому и должно судить, что весь разум заключается в носсах...³.

С сих слов больная наша так расхохоталась, что приехавший отец с фамилиею от сего смеха застал ее почти в слезах и, узнав тому причину, благодарил Совесть-Драла как за провождение времени, так

³ Аллюзия к прозвищу Овидия – Назон, т. е. носатый, с большим носом. В более открытой форме она появится на с. 81.

и за розгнание уединенной ее скуки. Совесть-Драл несколько еще там побыв, как было уже поздно, то, откланявшись, ушел на свою квартиру.

Наполнившие его голову любовные мысли не дали ему ни на минуту покоя; он чрез целую ночь, не могши глаз сомкнуть, до того додумался, что как пан Твердовский, шляхтич польский, хотел дать на себя черту подписку⁴, но вдруг пришла ему на ум старуха, которая в тот дом часто хаживала и с любимой им особою отменное имела обхождение; на другой же день нашел он ее в доме и по своей природе при тяжких вздохах, очистив грехи деньгами, нужду свою исповедал пред нею толь сокрушенно, что в // то ж самое время старуха обнадежила его успехом. (Ну, дело на лад. Совесть-Драл сыскал адвоката, старушенца в дело вошла, уж черту тут нечего делать!). Сия фея ему открылась, что любимая им особа употребила ее для сыскания себе любовника; что она его уже приискала и того ж дня хотела итти к ней с отповедью. с. 10

– Но теперь все будет по-нашему, не сумнись, дружок, все пойдет⁵ на вонтараты⁶.

С сим расставшись старуха и оставив Совесть-Драла в надежде, ушла к показанной особе и говорила ей следующее:

– Матушка! Я тебя люблю, как родную дочь, ноженьки для тебя поизбила, а что надобно, сыскать не могла; те, к которым я вхожа, сысканных мною любовниц покинуть еще не хотят, а другие, зная батюшки твоего строгость, и заглянуть в дом

4 Польские легенды о чернокнижнике Твардовском проникли в русскую литературу, а он сам уже в первой половине XVIII в. стал героем рукописной *Истории о пане Твердовском и его славных действиях*.

5 Испр. в тексте пойдем.

6 Простонар. 'навыворот', 'наоборот'. Ср.: СРЯ XVIII, вып. 13, с. 146.

ваш не смеют; но чтоб тебе, душенька моя, услужить, хочу теперь сказать. Есть у меня детинушка на примете, если б ты согласилась полюбить, то всего б ладнее.

– Кто таков, матушка, кто таков?

с. 11 – Совесть-Драл, сударыня, он к вам вхож, его батюшка и матушка принимают ласково, вы без всякого подозрения можете с ним любиться; притом же я знаю, что он скромн // и тебя, матушка, любит смертельно; он мне со слезами говорил, что никого лучше тебя не видал на свете и умирает по тебе с печали.

Выслушав девица сию проповедь, вспомнула Совесть-Драловы слова, что он думает о терзающей его любви, и тогда ж взаимственно платить любви вознамерилась. Старуха столь была проницательна, что тот же час ее мысли узнала и хитрыми словами невинную сию жертву довела до того, что она явно согласилась на свою погибель; а как Совесть-Драл о сем был уведомлен, то немедля побежал испытывать свое благополучие; и хотя обхождение с ним было как и прежде, но появившаяся в лице краска и глазам его встретившиеся милые взоры довольно уверили, что он будет счастлив, почему и никогда уже не пропускал случая быть в любимом том доме.

с. 12 Потом чрез несколько дней, по взаимном их друг другу любви откровении, в некоторый праздник, когда надобно было любовнице его с прочими съехать с двора в гости, то случившийся тогда тамо Совесть-Драл, усоветовав своей любезной остаться, притворясь больною (что она весьма искусно и доказала), так хорошо су//дил о ее нежной болезни, что домашние для прогнания скуки просили его до приезда их поостаться с больною, в чем не без искусства господин любовник однако согласился, не подав домашним ни малейшего подозрения.

Будучи двое и без помехи, вздумали наши⁷ разбить общую свою скуку не без приметы: играли, шутили, разговаривали и порезвились. Совесть-Драл тут носа чуть не лишился, однако дотешились и до последнего... знака, то есть... любовного... плода; и тем причинив себе жесточайшее мучение, Совесть-Драл потом призадумался и начал от того дому отставать, а тем самым навел на себя подозрение, так что отец и мать, приметив в девочке возрастающую тягость и догадавшись о Совесть-Драловой честной замашке, велели своим людям проучить лишением скарёдной его жизни; но он сведал о том чрез старух и хотя всякие предпринимал осторожности, однако скоро потом вечером попал было в руки, и если б не помогли ему данные любовницею деньги, то б вечер сей последним был его жизни; и я б принужден был бы честную его историю на сем окончить. Наконец строгий его мститель, возымев // подозрение на своих холопов, подкупил сторонних, усиливаясь на конечное Совесть-Дралово погубление, и по окончании дела обещал дать немалое награждение; и о сем-то Совесть-Драл хотя чрез того ж Меркурия узнал, но, не предвидя средств к своему сбережению, прибегнул к природным своим хитростям и, надумавшись, бросился к плебану, который в любовных делах весьма сходствовал с его мыслями и тогда держал у себя молодую кухарку.

с. 13

Совесть-Драл рассказал ему всю свою тайну и как духовного плута отца плебана просил о спасении.

– Я все, – говорит плебан, – для тебя сделаю, лишь только ты подумай, как бы лучше!

(Детине вздумать, как блинок скушать.). Сими словами обрадованный Совесть-Драл, ударив пер-

⁷ 1798 они.

стом по премудрому своему носу и прижав руку к груди, плебану сказал:

с. 14 – Честный отец! В вашем костеле есть склеп для погребения мертвых: внутрь его проберем мы стену, чтоб в свое время из него можно было войти в костел: я умру, ты меня опустишь в землю близ самого того места, где будет разобрана стена, откуда в склеп, а оттоль проберуся я и в костел; а как сему сбыться, дело // докажет.

Сие выговорив, вручил честному отцу на свершение строения по новой архитектуре пять червонцев, и как во всем условие положено твердое, то Совесть-Драл с спокойным духом пришел на квартиру и, подкупив хозяина, к вечеру вздумал занемочь.

На другой день поутру призван был плебан и при домашних и посторонних читал Совесть-Дралу оздравительные молитвы, присовокупив к тому и некоторые завещания: но наш прожектёр более разнемогался; будучи ж уведомлен, что склеп уже пробран и церемонное погребение готово, по полудни шестого часа в 49 минут изволил умереть без всякого душевного смущения. Хозяин, лишись любезного друга и натерши глаза луком, разрывался с жалости и, созвав соседей и своих знакомцев, жизнь Совесть-Дралову выхвалял столько, что редкие из них не прослезились; и так оракул наш представился по счастливой выдумке, а по совету знакомцев и самого плебана вынесен на кладбище. Того ж дня *под*⁸ вечер в провожании его было довольно особ; он положен не в худом гробе, но весьма суковатом. А чтоб ус[о]пшему⁹ // не задохнуться, то из нескольких сучков сделаны дыры; в пресечение ж гнева гонящей особы ход церемонный учрежден плебаном мимо того дома, где жила новопреста-

с. 15

8 Испр. по 1798. Здесь над.

9 Испр. по 1798. Здесь успшему.

вившегося любимая особа: таким образом внесли мертвеца в костел и по отпетии погребальных стихов, как уже было темно, опустили душу на покаяние в землю, тотчас накрыли досками и насыпали бугор земли, а по окончании модных сих похорон хозяин плебана и многих других звал к себе на учрежденный поминок, в котором действовали усердные живопокойниковы червонцы. Как между тем воскресший Совесть-Драл, подняв гробовую крышку, шествовал во склеп, а оттуда и в костел, где нашел свое приготовленное платье, оделся в него и ожидал к себе плебанова прихода.

Похождение 2-е

Каким образом Совесть-Драл после плутовской смерти жил в костеле и как из оного вышел

По окончании трагедии плебан в квартире Совесть-Драловой, где хозяин на счет покойника приготовил // хороший стол и как для себя, так с. 16 и для гостей припас разного питьеца, вкупе с созвannoю братиею так помянул чудесного великопроказника, что и при двух проводниках, возвращаясь в дом, обошел дворов с пятнатцать и вместо условия, чтоб навестить ночью честного Совесть-Драла, в поминочном тумане запутавшись, повалился прямо в объятия своей кухарки; а как под утро поразнемогся, то и вовсе позабыл про своего костельного затворника.

Господин Совесть-Драл! вспоминая твое блаженное имя, пьют и едят, а ты Макавей поговей. На третий уже день честный отец, очнувшись, отдал племяннику своему от костела ключи и велел проведать о Совесть-Драле; сей затворник, трои

сутки ни пив, ни ев, и вправду чуть было не умер и как взбесился, что всею честною своею совестью поклялся во что бы то ни стало отмстить плебану наичувствительнейшим образом. Плебанов посол отправился в костел не с пустыми руками; он взял с собою жареную баранью ногу, скляницу винца и другую пивца, что увидев, мучимый Совесть-Драл гладом и жаждою с восторгом вскричал:

с. 17 – Се небе//сная пища, се нектар и амброзия!

И не медля нимало при помощи пришедшего начал утолять прихоти желудка; как дядюшка своего племянника держал в ежовых рукавицах, то беспутному с плутом короткую дружбу свести не долго. За пивом и вином так разговорились, что, открыв один другому свои тайны, в знак вечной дружбы побратались, после чего в конечное уверение Аввакум (так звали посланника) открыл Совесть-Дралу самую главнейшую тайну.

– В сем, – говорит, – костеле сокрыта душа моего дяди, только не знаю, в котором месте.

– Разумею, – отвечал Совесть-Драл, – для того, видно, он и ключи у себя держит, и тебя одного в костел не впускает.

– Конечно так, – сказал Аввакум, – да и теперь бы в моих руках ключам не бывать, если б он не занемог, а более, если б тебя не было здесь.

Между сими разговорами два новосодруженные братца кончили все принесенное и простились в надежде видеться на другой день и по-братски посоветовать о душе плебановой.

с. 18 Совесть-Драл имел три причины тот же час искать плебановой души: первая, что ему надобны были деньги; // другая, чтоб оне ему достались одному; а третья, чтобы отмстить плебану за излишне наложенную голодную епитимию в костеле; посему, решаь, рекогносцировал¹⁰ в костеле

¹⁰ Т. е. осматривал, обследовал.

все места с такою прилежностью, что ни трещины, ни щелки и ниже одной из мышьях норок не оставил без своего осмотра; таким будучи объят всеобщим бдением, тщетно и уже по истощении трудов, впад в отчаяние, хотел было прожечь свои расположить на других размерах, но вдруг в костеле приметил на одной стене начертанную фигуру... и сие было поводом к новому положению в снискании плебановой души. Он мерял от того места и считал шаги и четверти на каждом из них девятом, примечая, нет ли желаемого знака; но как ничего не нашел, то напоследок от изобретенного знака, считая положенные вместо пола чугунные плиты, ясно увидел преддверие благополучной удачи, ибо приметил, что девятая плита несколько приподнялась и не столь твердо засыпана песком, как другие.

– Вот, о Совесть-Драл! – вскричал он в восторге, – блаженный луч твердой твоей надежды.

Но как проекту его вспомогательного орудия при нем тогда // не было никакого, то и приподнять плиту не имел он способа никакого, а потому и оставил изобретение свое до другого времени в тех мыслях, чтобы чрез нареченного брата осиккурсовать себя ломом и веревкой, ломом для взъема плиты, а веревкою для того, чтоб, обманув новую родню, удобнее мог вылезть из костела и таким образом чрез взятие плебановой души получить над ним победу за выдержку в костельной осаде тридневной голодной епитимии.

с. 19

На другой день честный отец в провожании племянника появился в костеле, и принесли с собою пищи и питья для троих столько, что и шестью попить, хотя б на именинах, довольно было.

– Здравствуй, любезный мертвец, – сказал плебан.

– Здравствуй, честнейший отец, – отвечал Совесть-Драл.

Потом, мало поговоря, плебан стал будто прохаживаться по костелу, а в самом деле осматривал, не тронута ль его душа, и, видя, что она невредима, сел, чему последовали и другие; все трое принялись начинять свои желудки. Когда ж плебан, прохаживаясь, оборачивался к двум братцам спиной, то в то время Совесть-Драл успел брату сказать:

с. 20 – Сей ночи принеси лом и веревку. //

Между тем стол продолжался, и они до того досидели, что уже смеркать начинало. Дядя и племянник, изрядно подгуляв, домой пошли, а Совесть-Драла хмель не берет. Он, надеясь на братнину услугу и на твердую осаду плебановой души, к вящшей досаде и ругательству взял карандаш и написал отцу плебану благодарные стихи, коих содержание увидим после, а между тем племянничек, укладв дядюшку, хотя и пьян был, но по братцову завету часа через два сквозь решетку в окно подал ему и лом и веревку, а к чему б братцу надобны были таковы приборы, не удалось спросить за росхмельем.

Обрадованный Совесть-Драл, будучи с сикурсом, как хитрый герой и разъяренный мститель, устремился с ломом к чугунной той плите, которую лишь поднял, то и нашел в песке кожаный мешок с привязанным лоскутком паргаминным, на котором написано: 900 червонцев. В сем случае описывать нашего героя восхищенную душу я не намерен, всяк, по желаньям удовлетворенный, примечай по себе. Он так был великодушен, что, поверив ерлыку, поверил и плебанову счету и, схватив добычу

с. 21 в свои объ//ятия, высадил в окно сквозь решетку, а сам в верхнее, где решетки не было, спустился по веревке, оставив вместо мешка отцу плебану благодарную повесть сию...

Отец наставник!
 Почтенный, о! плебан, меня ты хоронил
 И в землю опустил, я под землею гнил.
 И если б ты погреб меня не у костела,
 То б не осталось ни малой части тела,
 Рассыпался бы весь телесный мой состав.
 Твоей молитвою я ныне паки здоров,
 Твоя, честный отец, душа живуща в храме,
 Составу тленному коснулась в мрачной яме.
 Мне прежнее житие твоей души дано,
 В костел из ямы я, оттоль слетел в окно.
 Днесь легок, как зефир, куда хочу, летаю,
 Прости, драгой отец! Тебя я покидаю.
 В разлуке быв со мной, кухаркой веселись,
 Со мной навек, навек со мною ты простиись!

В следующий день плебан пошел навестить Совесть-Драла, один хотел с ним поговорить наедине, но, увидев привязанную веревку, так оробел, что // едва мог отпереть костельные двери. И как обозрел взломанную девятую плиту, на которой лежала бумажка, то, не читав оной и ничего не размышляя, снял с окна оставленную Совесть-Дралом веревку и, привязав в середине костела за кольцо, окончил на ней свое житие честно, тихо и добропорядочно... Чего и всем таковым Совесть-Драл всеусердно желает.

с. 22

Похождение 3

***Куда Совесть-Драл, вырвавшись
 из костельной тюрьмы, пошел,
 и что ему случилось***

Как скоро лишь Совесть-Драл вырвался из костельной тюрьмы, то немедленно бросился к наполненному золотом мешку и, подбежав к оному, как Еней своему отцу, говорил следующее:

Ну, мой драгой мешок, садись ко мне на шею.
Я подогну плечо, и труд сей снести умею!

с. 23 Потом, взяв драгое бремя на плечо, без ожидания погони пошел попроворнее. Он и в добрую пору имел привычку ходить скоро, но тут // шагал так, как будто б семимильные сапоги у него на ногах были. Милая ноша нимало его не отягчала, но учиненное им мошенничество много причиняло ему в пути беспокойства; дующий ветер казался ему конским топотом, а малый древесных листьев шум представлялся людским голосом и в такой приводил его ужас, что он, как трусливый заяц, бежал во весь опор, не оглядываясь; а напоследок, к ночи, при светящей луне пришел в густой лес, в коем, увидев перед собою большое дубовое дерево, сел под оным отдохнуть и от крайнего беспокойства вздремал так крепко, что проснулся уже гораздо по солнечном восходе.

с. 24 Пробудясь, озирает он все стороны, опасаясь гостей со стороны плебановой, но вместо того приметил недалеко оттоль лежащего человека, а, пришед ближе, увидел его в крови и в груди у него вонзенную шпагу, по одну сторону пару заряженных пистолетов, а в кустарнике близ его привязанную оседланную лошадь. Сие хотя и привело Совесть-Драла в некоторый ужас, но как никого тут не было, то он, побуждаем природною склонностию, начал мертвого всего // осматривать: в карманах у него нашел золотые часы, кошелек с червонцами и записную книжку, а на руке весьма небогий бриллиантовый перстень с прекрасным женского пола портретом. Потом, вынув из раны окровавленную шпагу, положил в ножны и привязал к своей бедре, а пистолетам дав приличное место, хотел было садиться на лошадь и скакать куда глаза глядят, но нечаянное в нем родившись любопытство принудило его заглянуть в записную книжку, в которой на самом

первом листочке увидел он письмо следующего содержания:

Государь мой!

Вы, видя сие меж густого леса страшное позорище, конечно приведены будете мертвым трупом в нечаянный ужас. Но, отложив страх, будьте великодушны и прочтите то письмо, которое держите в руках, а потом, как человеку, не отрекитесь оказать желаемой выгоды и исполните то, что в нем написано. К сожалению, хотя заслужить я такого одолжения, как видите меня, уже и не могу, но вы можете хвалить//ся, что и мертвый получил вами желаемое удовольствие. Я, твердое приняв намерение прервать течение несчастной моей жизни, заготовил сие письмо предварительно: тем прося вас, в близ стоящем в левой руке замке моего брата маркиза Бонивала. Покажите ему место моего спокойного пребывания и не оставьте утешить его в печали, ежели он, расставшись со мною навек, отдастся ей слепо, ибо о намерении моем никто не ведает и доселе, что я жизнь свою окончал отчаянно. Сверх того, взяв к себе и другое письмо, которое найдете у меня под правой рукою, вручите открываемой им виновнице моей горести; а для памяти вашей обо мне и моей вам благодарности, заклиная вас взять себе стоящую здесь в уборе лошадь, часы, кошелек и с руки перстень, дав знать обо всем моему братцу...

с. 25

Жуан

Совесть-Драга, прочитав сие письмо, оторопел и не знал, что делать; ехать ли ему искать Бонивала или себе убежища. Наконец, по долгом размышлении, решился искать и принести ему печальную ведомость. И так, взяв // по письму Жуанову вещи, с которыми б и без прошения расстаться не вздумал, сел на лошадь и пустил ее свободно, примечая, куда она поворотится сама.

с. 26

И как скоро только выехал из лесу, то и увидел вдали небольшое селение, к коему и лошадь стремилась упорно, и чем ближе подъезжал, тем оно становилось большим. Въехав таким образом на двор, спросил встретивших его слуг о господине

Бонивале, а услышав, что он у себя, по огромности строения уверился в том без сомнения и, привязав лошадь у крыльца, взошел в покои. Как Бонивал целые сутки, ожидая брата, в смущении похаживал по оным, то скоро, и увидев лошадь в окно и думая, что приехал Жуан, бросился навстречу; но, видя в передней незнакомое Совесть-Дралово лицо, с веселым видом спросил:

– Конечно, вы пожаловали с моим братом?

– Нет, – отвечал Совесть-Драл, – я приехал один на его лошади и привез вам от него некоторую ведомость.

Бонивал с учтивостию просил его в свой кабинет и хотя никакого не знал еще несчастья, но сердце его о том уже предвещало; а чтоб не ошибиться в приеме, спрашивал гостя о его имени, породе и о месте его рождения. Совесть-Драл, ничего не думая и нимало не краснея, отвечал:

– Я теперь вам скажу только то, что странствую под именем Совесть-Драла, а со временем все ваши вопросы удовлетворить не отрекусь.

Сей короткий ответ тем приятнее был для Бонивала, что он скорее надеялся узнать о состоянии своего брата; но Совесть-Драл, видя в зале накрытый стол и имея тощий желудок, сказал:

– Государь мой! Я примечаю, что вы о братце вашем беспокоитесь; а как стол уже накрыт и вы, конечно, в сие время изволите кушать, то и не теряйте аппетита, а в прекращение вашего беспокойства извольте взглянуть на держимую мною записную книжку.

– Она братцова, – сказал Бонивал.

– Конечно так, – отвечал Совесть-Драл и, показав в ней последнюю строку письма, где было написано: «Объявить обо всем моему братцу!» – спрятал в карман, и тем заменив в маркизе беспокойство стремлением любопытства, сели за стол.

Совесть-Драл, рожденный для произведения шуток, за столом не говорил ни слова, а вместо всего так // проворно переменял тарелки и опоражнивал рюмки, что хозяин, глядя на него, не мог не засмеяться. Дорогой гость, то поприметив, тотчас оговорился:

с. 28

– Государь мой! Ведаю, что в прошедшие без братца сутки вы кушали мало, и для того подаю вам пример, каким образом можно и должно ослабевшие подкреплять силы; извольте приниматься, как и я, за кушанье: пилося бы да елось, а дело на ум не шло.

Сколько ни старался маркиз одерживать благопристойности, но не мог удержаться от смеха; а гость, поначинивши брюхо, начал продолжать шутку за шуткой, да притом и кстати, чем Бонивала довел до того, что он с ним за столом поел и подгулял: ибо сказывают, что вино веселит сердце человека, то и наши развеселились. Хотя же наш гость пил не по-хозяйски, однако по привычке к питью был гораздо трезвее маркиза, почему и избрал сие время способным к объявлению привезенной им о брате вести и говорил так:

– Государь мой! На досуге хочу я первые ваши вопросы о мне удовлетворить; вы слышали, что я странствую под именем Совесть-Драла, но теперь, видя вашу ко мне благосклонность и // стараясь сыскать ваше дружество, открою вам о себе самую справедливость.

с. 29

– Нет, нет, – прервал речь веселый Бонивал, – кто бы вы ни были, я вас почитаю своим другом и докажу, что люблю вас чистосердечно; вы, пожалуйста, уведомяте меня прежде о моем брате.

– А когда вам угодно, – сказал Совесть-Драл, – то возьмите сию записную книжку, она вас о всем уведомит обстоятельно.

Бонивал с радостью ее взял у него, и первые в ней строки были причиною перемены: бледность

лица его хотя и весьма смутила господина вестника, но смущенный маркиз, дочитывая письмо, впал в жестокий обморок. Совесть-Драл вскричал, чтобы подали спиртов, и подбежал к маркизу; а камердинер его, видя столь нечаянное приключение, бросился в кабинет и вынес склянку с оживляющим лекарством, которым как скоро возвратили ему чувства, то с тяжким вздохом, прерывая голос, выговорил маркиз:

– Ах, мой брат!.. Любезный маркиз ты мой! Жуан умер!.. Отмщу, отмщу твою погибель!

И потом спросил карету и верховых лошадей и в провожании трех лакеев и камердинера, которые следов//али с Совесть-Дралом верхами, лишь с. 30 приблизился к мертвому Жуану, то вторично лишился чувств, впад в обморок, который был гораздо продолжительнее первого, и в то время, когда оживляли его спиртами, Жуаново тело положено было в карету, в которую Бонивал, пришедший в память, и себя велел посадить. Но Совесть-Драл, отправляя порядок, уговорил маркиза сесть на верховую лошадь, и как все уже были на лошадях, то вдруг Совесть-Драл необыкновенным голосом закричал:

– Стой! стой! Здесь плебанова душа!

И, соскочив с лошади, побежал стремглав к тому дереву, под которым он спал (ибо у него там завалены были хворостом плебановы деньги), и, разрывая землю, где положен был мешок, хотя и раскроил лоб свой об дерево до крови, но поклажу нашел в целости и положил в карете к ногам мертвого тела, сказав притом вслух: «Живые к мертвым не прикасайтесь!», и отправил карету. А как при сем случае Совесть-Драл представлял себя в самом смешном виде, то тем будучи несколько маркиз ободрен, выехал из леса посвободнее и прибыл с. 31 в свой замок, а Совесть-Драл // втащил свой мешок прямо в кабинет.

Как тело Жуаново внесено было в зал, то, распоров на нем платье, при раздевании под правую рукою найдено письмо; и как Бонивал от слабости лежал в постели, то Совесть-Драл взял его к себе. Потом, одевши Жуана, вынесли в другие покои. Бонивал по любви своей к брату не отходил от тела целую почти ночь и уже под утро, изнемогши от слез и беспокойства, лег на софе и весьма крепко уснул. Домашние, сим будучи обрадованы, ускорили исправить гроб и, в оной покойника положив, все потребное к погребению приготовили.

Бонивал, проснувшись и видя брата своего отлучку в вечное жилище, возобновил свои слезы. А как были жаркие дни, то для сего и для отвращения дальнейшего Бонивалова рыдания домашние и съехавшиеся соседи советовали тело предать земле, что и учинено того ж дня в половине.

И так Бонивал с Жуаном простился навеки. Возвратясь от погребения, гости по обычаю оставлены обедать, а Бонивал впал в жестокую печаль и лег в постелю, но Совесть-Драл, в то время отправляя должность хозяи//на, со всеми приезжими познакомился. По окончании стола гости, простясь с хозяином, разъехались, ибо в печальном доме сидеть скучно; а притом справедливо и то, что мы в счастливое и веселое время всегда более не токмо гостей, но и приятелей имеем.

с. 32

Как Совесть-Драл остался один, то, пришед к Бонивалу и видя его, не по благопристойности только, но и по сердечному чувству в великой печали, не старался препятствовать горячему течению первых сих слез, а, дав свободный путь стремлению оных, вздумал сотовариществовать маркизу и так о потере Жуановой вздыхал, соболезновал и великое в его печали принимал участие, что простосердечный Бонивал, тронут будучи чувствительно, от усердия своего, обняв Совесть-Драла, сказал:

– Я вас, любезный Совесть-Драл, почитаю вместо Жуана.

(О! превратный свет! Почто человеческих мыслей проникнуть и сердец их видеть невозможно! Честный человек первого плута почитает братом!). Но Совесть-Драл с своей стороны поблагодарил Бонивала, разговаривал с ним о разных материях, потом, остановившись, сказал Бонивалу так:

с. 33 – Любезный маркиз! Будьте // уверены, что все мои стремления клонятся к тому, чтоб нечувствительно возвратить вам покой. Печаль ваша, угнетающая мое сердце, заставляет меня пуститься на все то, в чем бы я успел найти ваше облегчение.

Потом, вздохнув, умолк. Как только хотел Бонивал за сию методу, обняв нового Жуана, поцеловать, то господин краснобай, как будто после глубокой задумчивости, схватив Бонивала и прижав к груди, весьма нежно вскрикнул:

– Позволь, дрожащий маркиз, объясниться откровеннее, – и замолчал.

Бонивал, не воображая, чтоб из сей хоромины вылетел сыч или сова, а думая, что он хочет открывать о себе некую важность, весьма дружески отвечал:

– О, любезный друг! Если верите вы моей вам преданности, то ваша откровенность более оную умножает: я во всем касающемся до вас равное с вами приемлю участие.

– Вы равное со мною, – с веселым видом вскричал Совесть-Драл, – желаете принимать участие! Словам вашим я верю, но что до дела, извините, сомневаюсь.

с. 34 Бонивал, сим воображением разбив несколько свои печальные мысли, не на словах сказал, но самым делом, что «я вас люблю, доказать не отре//куся». Совесть-Драл, несколько подумав и взглянув на Бонивала, начал говорить следующим образом:

– Я, государь мой, хотел умолчать, и умолчал бы, если б данное ваше обещание в принятии равного со мною во всем участия к открытию сего дела меня не понудило; теперь извольте слушать. По окончании печальной церемонии, возвратясь в дом, от беспокойства и горести вы прямо пошли в постелю; гости сели за стол, где я с вашего позволения хозяйскую отправлял должность; гостей было много и все между собою знакомы, а я один как пест в ложках замешкался между ими. Все меня о том и другом спрашивали, я, всякому удовольствие делать стараясь, без приличного ответа никого не оставил и, на вопросы каждого отвечая, с начала до окончания стола не успел ложки обмокнуть и оставшись голоден так, что теперь лучше бы из них у кого-нибудь на похоронах отобедать согласился, для того ныне открываю вам сокрытую в желудке моем тайну: мне смертно есть хочется.

Выговорив сие, умолк, разинув рот и вытаращив глаза на Бонивала, как будто его съесть хотел. Сей сколько ни был печален, а притом ожи// с. 35
дая от него чего-либо важного, взглянув и увидев Совесть-Драла с разинутым ртом, разрывался от смеху и велел накрывать стол, коль можно скорее. Маленький столик тотчас изготовили: и как подали кушанье, то Совесть-Драл для обоих потребовал по стакану водки. Бонивал не хотел было пить, но Совесть-Драл ему сказал сие:

– Как вы обещались во всем равное со мною принимать участие, то и должны выпить, так как и я. *Р. С. Т.¹¹ За неустойку бывает дурно.

Сим обещанием связанный Бонивал принужден был равный стакан выпить и по примеру от-

¹¹ Славянские буквы Р, С, Т, т. е. **рцы** – **слово** – **твердо**, следует читать *иносказательно*: Будь крепок в слове. За мощь в расшифровке этого чтения благодарю С. И. Николаева.

крывателя желудочной тайны, тарелки и рюмки опорожнять; а как после ужина спать еще им не хотелось, то Бонивал спросил о письме, которое было у покойного брата под рукою. Совесть-Драл оное вынул и начал читать с таким выражением.

Дражайшая Лилия!

с. 36 Дар природы, с которым вы рождены, причиною всех моих горестей, страданий и самой отчаяннейшей смерти. Я, несчастный, пылая к вам, сколько нежною, столько и добродетельною любовью; поз//дно узнал, что сердце мое страдало без корысти, и вы, как казалось мне, чувствам моим платили видимою холодною. О рок! Какого ж еще удара изнуренной груди?

И когда смешанные с строгостию ваши прелести довели жизнь мою до отчаяния; пламень мой вам известен был, и сердце мое, страдая в глазах ваших безвозбранно, поминутно оказывало, что жизнь моя от вашей зависит воли: почто ж, испытую ль мою твердость, или почитая недостойным, являли душе моей вид, попускающий моей воле? Вот замена жизни моей отчаянностью и окончание смертию!...

с. 37 Но нет, Лилия! достойнейшая Лилия! Причиною ль моей винности, когда я столько счастлив, и когда горести определены были жизни моей спутником! Ах! что я открою в заглаждение моей победы и на что подвигну умерщвленную руку! Сказать ли, что я умер, что умерщвлен своею рукою? Сия ли замена и сей ли плод страданий! О, любезная смерть! Ты низвергла их, ты кончила мучения, пресекла горестные вздохи и принесла мне то спокойствие, кото//рого я в жизнь чувствовать не отваживался; с ним я умираю, жизнь мне не жалка! Горести, оставайтесь в лесах; а ты, любезный предмет, когда не пожалеешь, то по крайней мере знай, что я тебя любил, и любовь с верностью запечатлел вечно печатью смерти.

Так вещает дух несчастного Жуана. Прости!

Совесть-Драл, читая письмо, взглядывал на Бонивала, горчайшие проливающего слезы, и, окончив, сказал:

– Меня немало тревожит то, что я должен завещание исполнить; а кому и где сие письмо отдать, не знаю.

– Не беспокойтесь, – прервал его речь заплаканный Бонивал; – вы чрез меня найдете сию бесчеловечную особу, сию брата моего может быть и невинную убийцу... Виновна ль или нет, посмотрим.

– Да где она? – вскричал ревностный Совесть-Драл, – где б повидаться с сею красоткою?

– Она живет близко моего дому, – отвечал Бонивал. – Знатность и богатство довели ее до того, что она себя всем предпочитает. Но, о Жуан, любезный Жуан!

– Да где она? – кричит Совесть-Драл.

– Завтра ж вы можете ее видеть, – сказал Бонивал, – и ехать, назвавшись моим другом, в дом ее // отца и объявить мою печаль о смерти брата. Притом сказать, что его в поле при наших глазах убила лошадь, а между тем по способству времени отдайте ей письмо. Я бы вас до сего никогда не допустил, если б горячность моя к брату не принуждала меня исполнить его завещание. Впрочем, буду стараться принести ей ту благодарность, которую она заслужила.

с. 38

Потом о разных случаях разговаривая, Совесть-Драл приметил, что хозяин хочет отдохнуть, ради чего, пожелав ему спокойной ночи, и сам лег для отдыха в отведенной ему комнате.

На другой день Бонивал подарил Совесть-Драла самым лучшим Жуановым платьем, которое он делал незадолго перед своею кончиною и еще не вздевал на себя. Совесть-Драл, одевшись как можно получше, в провожании двух лакеев отправился к графу Б. для исполнения порученной ему комиссии. Графский дом не далее был расстоянием от маркизова, как на одну только милю, и так приехал

он туда к самому обеду. Вошел в залу, застал в ней графа, пред которым извинял себя как незнакомый человек, а потом, подвергаясь его приязни и милостям, сказал, что он, маркизу Бо//нивалу будучи давнишний друг, по его просьбе имеет честь уведомить Его Сиятельство о Бониваловой печали и болезни, причиненной ему смертью Жуана.

– Жуан умер? – прервал речь его граф.

– Так, милостивый государь! – отвечал Совесть-Драл; – мы все трое поехали в поле на охоту, и он при нашем видении, поскакав во весь опор за зверем, упал с лошади, и на том самом месте подняли его мертва. Но чтоб уменьшить рвение Бонивалово, то на другой же день его похоронили; сие приключение причиною и Бониваловой скорби и моего доселе у него пребывания, так что я, будучи убежден его дружбою, не мог лучшего вздумать для истребления дружеской тоски, как чтоб, покинув свои надобности, остаться у него на несколько времени.

Граф, будучи издревле приятелем маркизам, весьма долго вздыхал о любимом им Жуане; наконец сказал:

– Потеря Жуана стоит для меня много, но быть в печали и Бонивалу весьма безотрадно, для чего и намерен я навестить его неминуемо, но притом хочу знать вашу фамилию.

– Я, – отвечал Совесть-Драл, – барон де Назе, имея склонность к путешествию, вояж имею под чужим именем.

с. 40 Как // стол уже был накрыт, то граф просил Совесть-Драла остаться отобедать, а барон де Назе, поблагодарив графа за благосклонность, охотно согласился.

Во время стола наш барон, как полированный Совесть-Драл, довольствовал графа разными благопристойными шутками и веселым своим нравом

ему чрезвычайно показался. После стола граф, Лилия и барон де Назе прохаживались в саду и лишь сели в средней беседке, то, пришед управитель, сказал нечто графу на ухо; граф тотчас пошел в покои в провожании своих людей, а барон де Назе, не теряя удобного времени, поднявшись сказал:

– Милостивая государыня! Счастье одаряет меня желаемым временем, когда я ныне, будучи при вас один, могу уведомить, что я приехал не к батюшке, а единственно к вам исполнить возложенный на меня известною вам особою не без важности обет. Я должен вручить вам письмо.

Которое ей тотчас и подал. Графиня, оное приняв, просила барона в свою половину покоев, куда входя с господином де Назе, увидела на его руке дареный Жуану свой перстень и сказала барону весьма смущенно:

– Я не знаю, ве//рить ли вести, принесенной с. 41 мне от моих домашних, что будто вы говорили батюшке о Бониваловой болезни, которой причиною Жуанова смерть. Прошу покорно, барон, удовлетворить мое любопытство, точно ль вы разговаривали о том с моим родителем?

– На сие, – сказал де Назе, – вы можете о том знать бесспорно; но прежде извольте рассмотреть порученное мною вам Жуаново письмо.

С неописанным стремлением развернула его любопытная Лилия; но лишь вперила взор свой к совершенному исполнению своих желаний, то вдруг в перемене лица и в прежалостнейшем виде вскричала:

– Ах, возможно-ль!... О, судьба! какая весть!... Увы, дражайший Жуан!

И впала в обморок. Барон вскричал, и сбежались ее горничные девушки; а как господин де Назе играл тогда роль особы почтенной, то по его совету графиню положили в постель и едва могли

оживить спиртом. Очувствовавшаяся графиня нашла близ себя воздыхающего барона, который, сидя у ее кровати в креслах и выслав из спальни всех, начал говорить так:

с. 42 – Прекрасная графиня! Так действительно свершилось, как я маркизу в предостережение¹² говорил; но будьте уверены, что вы // оба виною беспредельных ваших смущений; вот перстень и та табакерка, которую я у него нарочно взял для доказательства моей истинны. Оставьте печаль и берегите прелести для взаимной пользы. Он жив, Жуан не умер, но сердце его, плененное вами, без всякой отрады пылает жаром, соединенным с нетерпеливостью, и доводит дух его до отчаянности, вот настоящий повод привезенного мною письма. Он меня просил, и я, будучи предан, не мог не отважиться на все, хотя б и с потерей и собственной жизни. Нежный Жуан меня ожидает.

Тут графиня, прервав его речь и вздохнув, томным голосом сказала:

– Ах, Жуан! Та ль награда от тебя за мое постоянство? А вы скажите, господин барон, для чего ж Бонивал чрез вас дал знать батюшке, что Жуан в поле лошадью убит на охоте?

с. 43 – Не Бонивалов умысел в том деле, прекрасная графиня! Я вам уже сказал, что для Жуана я готов на все, он с отчаянием предприняв сей поступок на удачу при самом поезде моем к вам. Он, залившись слезами, говорил мне: «Любезный барон! Разве знак дражайшей Лилии, привезенный тобою, уверит меня, что я еще должен // жить и жить для ее одной!» И так, графиня, если вам нужно, чтоб Жуан был счастлив, то вы, поверив мне, для доказательства ему о вашей благосклонности, какой избрать можете знак, может быть скоро увидите и Жуана, возвращающего вам оный и просящего

12 1798 предосторожность.

согласия у графа, родителя вашего. Но что я говорю, ускорил бы он приездом своим и назавтре к вам, если б не отягчала его простудная болезнь, в которой однако сомнения нет, если не умножите ее вы, графиня, сами. Из сего представьте, какое лекарство восставит в нем силы, как не ваше письмо. Не укосните его написать. Что ж принадлежит до объяснения истории нашей пред графом, то верьте, что все приуготовлено мною, да и возможно ль, чтоб сила любви лишила Жуана желаемого успеха. Притом вы знайте, что я у графа долго быть не намерен, чтоб скорее увидеть мне любезного маркиза...

Господин читатель! Посуди ты сам, не достоин ли наш Совесть-Драл баронской степени? Как прелестно, нежно, тонко и скоропоспешно вздумал, а при всем том устоял и в чести, ни малейшего не дав знака обмана, и что чуднее всего, что и не // с. 44
покраснел любезный Совесть-Дралушко. Вот то-то шут, вот то-то плут, вот то-то нос, премудрый нос!...

Смущенная графиня хочет писать письмо и останавливает руку, усиливается в том и с смущенною душою дивится слабостям своим (ибо встревоженный сей нежный пол так ли скоро оправляется после удара, как наш барон вздумал). Наконец, Лилия, упросив барона, чтоб он до выезда самого Жуана умолчал обо всем пред графом, ее отцом, и соучаствуя в Жуановой к нему дружбе, дарила его пребогатою табакеркою. И, собравшись с силами, написала следующее письмо:

Любезный Жуан!

Неограниченная ваша любовь и жестокостию исполненное письмо, коликих во мне тягостей причиною? Но в том вас прощает то сердце, которым вы владеете: живи, маркиз, и прими знак моей к тебе горячности. Барон вручитель и свидетель моей горести...

Лилия

Написав, отдала Совесть-Дралу и, сняв перстень с руки, весьма высокой работы и цены, поверила с. 45 ему для отдачи покойному Жуану. //

Господин де Назе, приняв перстень с письмом, как бешеный актер на театре, вскричал:

– О, златое время! Какими ж осыплет меня благодарностями Жуан? Тем паче, что совет весь мой не на шутку, и как дух мой вещал, когда я ему с улыбкою сказал: «Ну, маркиз, перстень на перстень, письмо на письмо; я не барон де Назе, если не выпрошу у графини в знак твоего уверения». Я вами одолжен, прекраснейшая графиня! И сию удачу припишите вы баронской выдумке: но мне пора спешить к объятиям любезного друга; а вы, великодушная Лилия, будьте терпеливы и в Жуановом медленном приезде не поскучьте, ибо мне ныне остается приложить крайнее старание в выздоровлении его.

Графиня по влюбленности и тогдашней своей слабости, не разобрав слов, причла сии восторги вернейшей их дружбе и с надеждою расставалась с плутом, весьма весела и благосклонна, так что наш де Назе, к свершению своих затеев прибавив шуток и расцеловав графиню, с доказанием смешных Совесть-Драловских замашек, расстался с нею как честный человек.

По окончании благополучной своей комиссии с. 46 барон вылетел в сад и, // спеша в покои, в третьей аллее встретил идущего к нему графа. Сей, видя его одного, изъяснился перед ним весьма ласково и пеняя себя в том, что вызван будучи для некоторого важного дела из саду, оставил его одного, с чаянием скоро возвратиться, просил барона в половину комнат своей дочери; но барон, отзываясь крайним недосугом и оставляя то до другого времени, откланялся графу в его покоях. Граф, по отзыве своем от тогдашнего поезда к Бонивалу за

важною некоторою причиною, просил барона о его к нему приезде и обхождении с ним, как с другом; а потом барон возвратился к Бонивалу счастливым Совесть-Дралом.

Бонивал нетерпеливо ожидал возвращения Совесть-Драла и лишь увидел его, въехавшего на двор, спешил к нему в стрелу¹³, как к верному другу; а, пришед в его спальню, прежде всего спросил, как его граф принял и какова показалась на его глаза Лилия. Совесть-Драл по своей чести, следовательно и привычке, нагав маркизу, как ему хотелось, выхвалял больше всего Лилиину нежность и доброе сердце, чем по неведению маркизову хотя и произвел тогда неко//торый род рвения, но скоро потом прервавшая жизнь сей невинной красавицы смерть истребила до остатка в Бониваловом сердце напрасно пылавшую мщением злобу. Сие приключение последовало чрез две недели после бытия Совесть-Драла у графа, а причиною тому совершенное уверение о Жуановой смерти, которого нежная Лилия, любя с осторожностью, лишив жизни по его нетерпеливости, и сама лишилась наконец невинно, быв утешою отцу, 19 лет, и никогда не видала своей матери, которая, заменившись ею, при родах замучилась.

с. 47

Как между тем Совесть-Драл по приезде от графа, для избежания платы за свои дружеские обманы, надумался расстаться с Бонивалом, то на другой же день за вечерним столом вздумал говорить о своем отъезде; но маркиз, его удерживая, сказал:

– Я, ваше у меня пребывание почитая знаком особенной ко мне вашей дружбы, вседушно бы желал, чтоб вы, потерю моего брата собою заменяя, навсегда у меня остались и к крайнему неудовольствию моему внимаю necessitatibus, отвлекающим вас от меня. По крайней мере прошу хотя

¹³ 1798 навстречу.

с. 48 недолгое время побыть у меня, дабы мне приуготовить // к отъезду вашему все то, что я намерен, ибо я для препровождения отпущу с вами верных двух человек: Тацита и Фиделла.

Совест-Драл, пристойным образом поблагодарив, тотчас опорожнил рюмку за его здоровье и завел посторонние речи, служащие к увеселению маркиза, с сими¹⁴ и расстались они уже по полуночи по своим спальням.

Совест-Драл, услышав от маркиза, что он отпускает с ним в дорогу Тацита и Фиделла, всячески старался их приласкать к себе словами и подарками и той же ночи, позвав к себе, хитростию своею до того их довел, что они, презрев настоящую свою должность пред маркизом, ему вечно служить с. 49 и верными быть с клятвою обещались. //

– Вы мне обещаетесь, мои друзья, служить ревностно и обещаетесь быть верными; но будете ль в самом деле таковы? Должно мне вас испытать, – говорил Совест-Драл, – и после о вашем усердии остаться уверенным. Для того я говорю с вами дружески и откровенно, вы знаете, что в путешествии деньги нужны, хотя они у меня и есть, но чтоб жить побогаче и таких молодцов, как вы, содержать приличнее¹⁵, надобно их иметь поболее¹⁶. Пока мы еще отсюда не уехали, постарайтесь все общее нужное нам заготовить. Лиза, которую маркиз любит, имеет все у себя в руках; если бы вы ее склонили к отъезду с нами, то я имел бы две пользы: первая, что были б у меня денежки; а другая, что у меня, как у вдовца, была б совестная жена. Вот дело, в котором докажете мне опыт обещанной мне вашей верности, а ревность я всегда найду в своем кармане, если только исполнение моего желания будет оной доказательством.

¹⁴ 1798 чем.

¹⁵ 1798 щеголевато.

¹⁶ 1798 с избытком.

Совесть-Драл сие с тем говорил, что хотя бы они и отреклись войти в его господские предприятия, то он, одну хитрость другою прикрыв, объявил бы маркизу о намерении их от него бежать; но сии оба новички без всякой застенчивости с охотою потрясли душею, исполнить его волю обещались и в том не обманули, ибо той же ночи пред рассветом, как все люди спали, пришли они с Лизою в Совесть-Дралову спальню, и все трое единогласно, возобновив клятвы своей верности, докладывали ему о неукоснительном от маркиза отъезде:

– А у меня, – воспела Лиза, – все лучшие маркизовы вещи будут готовы, сыскайте лишь способ, как // бы удобнее и скрытнее мне отсюда вырваться... Э, барон, барон! Правду ль вы говорите, что я вам вечно гожусь, знать-то вам кто сказал, что я не холопья, но не без знати поколенья! Вы без ошибки избираете меня себе женою, я вам буду верна и полюблю так, как люблю маркиза. О, маркиз, маркиз! Не умел ты птички держать на кормочке!

с. 50

– Не тужи, – сказал Совесть-Драл ей, – об этом, только будь в готовности, а то все будет шито да крыто.

И так Совесть-Драл, прожив до уреченного времени, просил маркиза вторично о своем отъезде. Маркиз, на то согласившись, велел приготовить коляску и все потребное для дороги. И как все уже готово было, то Совесть-Драл по маркизовой просьбе принужден был остаться у него до другого дня, ибо хозяин обещал его проводить до первого ночлега сам; а Тацит и Фиделл, твердя свое условие, наняли на стороне извозчика, чтоб он был в готовности в дорогу, когда его спросят. (По полету птица, по Сеньке шапка, на ловца зверь бежит: сбежалась куча, сделалась шайка, а Совесть-Дралу хлопотать уже не доставалось. Удалой знает, что ему // надо:

с. 51

ум хорошо, а два и лучше того.) Между тем наступил и Совесть-Дралова отъезда положенный срок.

Маркиз, прощаясь с другом, подарил ему с кошельком 500 червонцев и, отдав лучшую лошадь во всем уборе, просил о продолжении дружбы, нимало не воображая, что он в пазухе отогревает змею, готовящуюся уязвить его¹⁷. Честный Совесть-Драл по своему проворству тотчас нашел слезы и вздохов бездну, казалось, что он попал бы в который-нибудь из обмороков, если б уже опорожнил бутылку, а по крайней мере две; я не знаю, сии ль или природные его соки изменили ему в тот час по его страсти, ибо он, обняв маркиза, надрывался с плачем, возвращая его и покойникову лошадь с прочим, уверяя притом, что он по одному перстню дружества забыть не может. Но лишь маркиз начал было обессилевать в упорстве, то честный Совесть-Драл Тациту и Фиделлу велел лошадей принять в путь, а прочее покласть в коляску. Читатель сам уже догадывайся, что было на уме у Совесть-Драла. Вот сею то дружбою выехал господин плут из замка с маркизом. //

с. 52

Похождение 4

Каким образом маркиз Совесть-Драла провозжал и как с ним расстался

Как маркиз с Совесть-Дралом сидел в одной коляске, а другая шла пустая, то он дорогою не переставал разные маркизу пересказывать приключения с тем умыслом, чтоб как можно заманить его подале, почему неприметно за половину

¹⁷ Аллюзия к басне на сюжет «Отогретая змея». Русские обработки XVIII в. перечислены в *Опыт*, с. 118.

дня пробыли они в дороге; и как обоим им желудок напоминал уже о пище, то приказано вдруг остановиться при речке и приготовить дорожное кушанье.

Совесть-Драл родился плутом, взрос мошенником, ворочается обманщиком, а с чем опять умрет, не знаю, хоть и говорят старые: *каков в колыбельку, таков и в могилку*; но я, выпутавши нашего господина барона из мертвых, помышлять о будущих его смертях не смею, а скажу, что он, прохаживаясь с маркизом на берегу той речки, где они остановились, умышленно охватывал все свои карманы до тех пор, как маркиз третий раз уже просил его об открытии, чего он ищет; на что он отвечал, что // забыл в комнате записную книжку, в которой лежат все его самонужнейшие письма и записки. Маркиз, сие услышав и ведая, сколь дорого стоит иногда и маленькая бумажка, призвал Фиделла, как верного слугу, и велел скакать ему домой как можно скорее и привезть помянутую книжку. Сей, будучи о плутовском умысле уже известен и имея книжку в своем кармане, поскакал во весь опор к приготовленному ими извозчику, с которым приехав в замок, набрюзжал домашним, что маркиз прислал взять несколько бутылок с напитками и домой ночевать не будет, а поедет и еще на день провожать господина Совесть-Драла. С неописанным подобострастием подал записку Лизе, подтвердив притом, как можно, сударыня, поскорее, чтоб не разгневать маркиза. Лиза не без ума побывала кума тамошнего управителя и по безграмотству поверила прочесть, что написано в записке; кум, видя руку господску, начитал ей с лишком на 5000 червонцев, притом, дивясь чудесам, окончал и сам:

с. 53

– Убирайся, кумушка, скорее, маркиз тебя ждет и видно не без дела.

с. 54 Но Лиза, сей умысл ведая, одевалась будто не с охотою; и как // кум ее постращал гневом господским, то наша горлица нагрела гнездышко десятью больше той цифиры, которую начел ей куманечек, и, наполнив коляску лучшими напитками, с радостным страхом отправилась в путь, куда было надо. Фиделл поскакал прямо к Совест-Дралу и в лице маркиза отдал ему книжку, уверив притом, что больше уже ничего не осталось; а баронесса де Назе убралась восвояси, где было положено собраться братии вкупе. Совест-Драл, получив от Фиделла книжку, принял на себя чрезмерно веселый вид, сказывая, что сии записки для него очень дороги. Маркиз по добродушию сему поверил и, участвуя в его удовольствии, на провожанье распотешился не без причины, ибо к лучшему поехал еще провожать Совест-Драла подале, обещаясь ночевать с ним вместе, что и самым делом исполнил, а на другой день, с Совест-Дралом простясь и весьма искренно уверив о своей дружбе, возвратился потом чрез день в свой замок.

с. 55 В нашем веке чистосердечие справедливо почитают, однако хитрость весьма предпочитается¹⁸. Совест-Драл у маркиза жил, пил, ел и // сверх того награжден; а в знак благодарности подговорил людей, сманил любовную девку и обокрал любезного друга нежными руками за хлеб, за соль и за гостинку увез с собою все дорогие маркизовы вещи. Не мнимо ж говорится, что *простота хуже воровства*. Маркиз, возвращаясь домой, увеселял свой взор зеленеющими лугами, тихо шумящими рощами, и продолжал путь весьма приятно; и, ведая, что ему в замке одному будет скучно, для провождения времени заехал к одному из своих соседей, у которого пробыл целые три дни. Между

¹⁸ Испр., в тексте предпочитается.

тем как Совесть-Драга скакал во всю рысь¹⁹ туда, где его ожидала Лиза, тут с извозчиком расплатился, а голубку посадив к себе в коляску и лошадям дав немного отдохнуть, ударился скакать в сторону и в одни сутки столько уехал, что после сам тому не мог верить.

Господин читатель! Для твоей бесспорности я включаю весточку, что у Совесть-Драга с своими друзьями все было настроено прежде, а без того подумают, что либо он, вставши из мертвых, вживе чудит духом, или ребята его были языческие боги; но ни то, ни другое, а они были плуты; барон де Назе плут // над плутами, а о матушке Лизоньке скажите вы сами. с. 56

Маркиз приехал домой уже ночью: и как в дороге несколько обеспокоился, то ни о чем домашних в тот вечер и не спрашивал. Будучи ж занят разными мыслями, лег в постель, а на другой день, проснувшись, свиснул, как умные люди кличут собачку. Тотчас прибежал распудренный камердинер, имея в готовности все, что принадлежит к одеванию господина. Он приказал, чтоб Лиза на заре вошла к нему в спальню с чаем, а камердинер, не зная, что сказать, отвечал, что она еще домой не бывала.

– Откуда? – вскричал маркиз, – разве ушла к тетке?

– Нет, милостивый государь, – донес камердинер, – она, взяв напитки и дорогие вещи, уехала с Фиделлом к вам и еще не бывала.

Вдруг страх, ревность и видимая измена, овладев маркизовым сердцем, подняли его с постели; он бросился к комоду и, увидев, что в нем ни кресты, ни перстни, ни светлые денежки, но перегородки одни блистали, пусто, чисто, весьма оплошал, дивясь чудесам любезного друга. Но не

19 Испр. по 1798, в тексте рысь.

с. 57 уверяясь, созвал своих домашних и как свидетелей спрашивал всех о путешествии Лизы. Все заревели, как шмели, // все пеняют, «на что было писать, сударь, на что было писать, кому изволил поверить, будто не стало в доме людей». Но маркиз, не понимая реву своей музы, за совет и пеню платил им оплеухами и тому подобным, и когда открылось, что письмо писано не им, а рукою Фиделла, который писал с ним сходно, то верно узнал, что он обманут честным Совесть-Дралом; но сию болезнь лечить было поздно, ибо пять дней уже прошло, как гость с ним простился, взяв для провожания двух верных ребят и для скуки верную ж Лизу.

Таков обман не столько б маркизу был чувствителен, если б при всем том его не окрали, оставив в залог пышное маркизство, в котором будучи побуждаем к мщению, по бедности велел трем человекам оседлать лучших лошадей и, вооружась исправно, скакать в погоню. Бедные, повинуясь гласу разъяренного маркиза, в беспамятстве, или лучше стремглав, поскакали с двора и другого дня уже вечером заставил голод одуматься, что они скачут без всякой пользы. Тут, поговорив меж собою, поехали тише и своротили в близ стоящую деревню, якобы для разведания, а в самом деле с. 58 исполнить совет // тощего желудка. И как узнали, что за три дни уехавших мошенников догонять трудно, к тому ж и в деревне той жили дяди их да тесть, с коими они давно уже не видались, то все обще пали на роздых; для любви ж к родству переночевали ночь, потом и другую, а по третьем расвете возвратились домой и донесли маркизу, что ни Совесть-Драла, ни Лизы найти не могли, кроме слуху от посторонних, что в стороне от большой дороги проскакала коляска дня за три назад, а куда, неизвестно, ибо ни в котором селении она не останавливалась.

Простодушный маркиз тому поверил и учредил поиск в трех партиях из 15 человек вооруженных конных по разным дорогам. Но пусть они ищут, комодец чистенек; *мосье марки, адье, жюск ревуар²⁰ на другом свете; а Совесть-Драл между тем с капитальцем прибыл в город Т. и под именем барона де Назе, наняв приличную квартиру, расположился житьем не без веселья. //

с. 59

Похождение 5

Как Совесть-Драл, живучи в городе Т., влюбился в купеческую жену, и каким в любви жалован успехом

Смешная мне сказка! Совесть-Драл нанял приличную себе квартиру, а она была о двух этажах; Совесть-Драл... Плут... Шут... Ну, коли шут или плут, так и должно ему иметь лучшую квартиру, да для чего ж? Эх, на еще, для чего, спрашиваешь? Для чего шуты и плуты, когда раззуты? Где одеты²¹? Любо глядети, а вам-то плаксам степень да сухарь; лучше в моде башмак, а сапог не так, знать тебе завидно: согрешил окаянный! О, господин Совесть-Драл, не все твои чести, не все выразил титулы. Я не беззаконник таить чужбину, сказано шут, сказано и плут. Нет, государь мой, господин читатель, прошу позволить мне объясниться. Ближнего добро я не отнимаю, если б был не тверд и не знал обрядов, дело другое, а то претит совесть, чтоб уменьшить хвалу. Кто меня принудит? Верно б промолчал звания и достоинства, которыми должно величать господина барона в новой квартире; ин после скажу. //

с. 60

20 Франц. господин маркиз, прощай, до свидания.

21 1798 не одеты.

Натуральное право не велит желать ближнему того, от чего у самого в мозгу вертится; ну кабы²² теперь какого большака назвал кто-нибудь вашей милости... Государь! чешется в затылок, скажи-ка так, а я боюсь. Высоко лучше, а превысоко еще больше... Так и мне долг велит Совесть-Драла почитать во всех его титулах и быть честным, или, так сказать, хотя поневоле, то есть, наблюдающим благопристойность, а что это значит в самом деле, право, не знаю. Да я ж и от дела отшибся, хотел сказать о всех Совесть-Драловых титулах, а накалякал пустого. Он имеет еще чин Большого Носа, и так шут-плут Большой Нос имеет квартиру о двух этажах. Не дивно, почему, а вот почему: шуты и плуты, как выше сказано, в моде, а большие носы по физиогномии должны быть счастливы, потому и не дивно, что Совесть-Драл живет в покоях о двух этажах, жить-то можно, да как живет, послушайте.

с. 61 Против самого его окошечка чрез чистую только улицу тут жила-была молодая жена, как у старого хозяина, у седого, у богатого, у ревнивого; он калмыцкого был порождения, а ска//зать без стоп, был калмыцкий поп, которого уже нет. Он им произведен на свет, глупец, скупец, он же и купец. Кто читал третьей Совесть-Драла похождения части начало, тот, коли²³ не беспамятен, то знает, что сей проказник ни к чему больше не имел охоты, как поволочиться, полюбиться, подбиться, потаскаться, поамуриться, посвататься, подмигнуть, подкивнуть, помахнуть и подарить десятерым по черной ленточке, уверив притом, та-то и милее, что с черною лентою.

И так наша вышенареченная старого мужа хозяйка воспламенила Совесть-Дралово сердце. Она была собою очень недурна, а по моде сказать, добра, и всегда под окошком сиживала, и песенки

22 1798 если бы.

23 1798 если.

подпевала, держа на белых ручках маленькую, прекрасную видом собачонку, сучонку, называемую мамашку. Совесть-Драл был великий охотник любить и умел льстить; но как случаю не было незнакомой женщине оказать свое почтение, то он выдумал вот что: написал к ее сучке письмо следующего содержания: //

с. 62

Письмо к сучке мамашке²⁴

Сидя в скуке на окошке,
Воздыхаю по мамашке,
О, несчастная любовь!
Нет на свете злей досады,
Как без всякия награды
Пламенеет в жилах кровь.

Взоры я твои встречаю,
Но, к несчастью, примечаю,
Что противен я тебе;
За любовь ты ненавидишь,
Ах! почто красу ты видишь,
Я достоинство в себе.

Коль старанья безнадежны,
Не прельщайте взоры нежны,
Не прельщайте вы того,
Кто в награду за мученья,
Кроме слез и огорченья,
Не получит ничего.

Как моя любовь несчастна!
Что мне пользы, хоть прекрасна
Ты произведена в свет.
Вид прелестный, черный волос
И струнам подобный голос
Мне покою не дает. //

с. 63

Я терзаюсь, ты не любишь,
Я люблю, ты жар сугубишь.

²⁴ По данным СРЯ XVIII (вып. 12, с. 57) мамашка – это простореч. ‘женщина легкого поведения’.

О, прелютая напасть!
Долго ль в страсти мне томиться?
Ах! не лучше ли открыться,
Что хочу я сучку скрасть.

Сучка, ты к мученью злomu,
Уж досталася иному;
Ах, возможно ль то снести!
Мне любезную сучонку
Поручили калмычонку.
Ах! мамочка прости!

с. 64 Совесть-Драл, не ведая, каким образом доставить своей любезной сие письмо, подошел в одно время к ее двору и увидел у ворот молодую шестидесятилетнюю девушку, которая одна только у купца и была, и по ревности старого черта выходила со двора за покупкою в неделю только один раз. Коли кто хочет кого обмануть, что делает, скажи, господин читатель, если бесстрастен? Так-то и Совесть-Драл запачканной девушке вручает письмо, прося, чтоб оное отдано было хозяйке. Девка непротивна, живет в загоне, трясется, боится и не смеет взять, что ей детина сует. Но как деньги, о деньги! вторая человеческая // душа, могут все испорченное поправить, начатое продолжить, а со временем и кончить, то Совесть-Драл при первом свиданье девушке подарил два червонца, два червонца! Она от роду их у себя не видывала и, обольстясь золотом блеском, приняв вручаемое незнакомым человеком письмо для отдачи своей боярыне, пошла за покупкою. А как она долго прокалякала и больше прежнего на рынке промешкала, то по возврате своем от хозяина была ругана, сверх того и подарена двумя оплеухами, которые затмили ее мысли так, что вовсе забыла говорить о врученном ей письме. Вот-те красна девица два червонца, а в надрачу две оплеухи. Черт знает, что в этом случае думать. Стоит ли оплеуха по червонцу? Судите

сами, а мне кажется дорого; да что пустое болтать, лучше скажем просто, что Совесть-Драл в молодую, хорошенькую, пригоженькую, чернобровенькую купеческую жену влюбился по уши и ожидает от своей меркурши желаемого ответа; но оно должно было ждать целую неделю, потому что девка выходила со двора только по субботам.

Пришел урочный день, Совесть-Драл караулил девицу на улице, как // кошка над щелью мышки: с. 65 увидев, подлетел!

– Здравствуй, любезный стряпчий! Здравствуй, моя красавица!

А красота ее была такова, что если нечаянно выглянет в окно, то собаки, испугавшись, лают часа по три и по четыре. Спрашивает о здоровье, о письме; а, как видно, сия посланница была чистосердечна, то Совесть-Дралу порядочно о неудаче рассказала, обещаясь со временем все в его пользу исправить; у молодца денежки водятся, он пожаловал ей и еще пару червонцев; то не беда, что на деньги идет, а то беда, как и деньги не берет. Деньги принудили девку калякать с ним доле, а время-та идет, хозяин обеда ждет.

Пришла красна с рынку, девку не один хозяин, и хозяйка уже бьет. Не тужи, девушка, побои на спине, а червончики в мошне. Господин Совесть-Драл, нет, брат, удачи, осталось твое письмецо еще на недельку в засаленном кармане; что засалены карманы у девки, это правда, только вот в чем ошибочка, они не были карманы, а были настоящие сумы.

Как-то хозяин в свои именины растороватился и, считая деньги поутру, подарил своей кухарке, управительни//це, барской барыне на карманы два с. 66 пустые денежные мешка. Кухарка – Совесть-Драл, управительница – шут, барская барыня – плут, а Большому Носу отчету нет, для того и живет в хорошей квартире.

Поутру мешки подарены на кармашки; а как в доме не было тряпицы, то после обеда они вступили в другие разные сверх своего звания должности по воле своей обладательницы: ими терла сковороды, оловянные ложки, плошки, сальные тарелочки, и так прямо засалилась. Прошла другая неделя, она влюбленному показалась годом. О, мучительная любовь! ты отнимаешь сон, ты тревожишь дух, ты не даешь людям покою. Совесть-Драл субботу не меньше почитает, как жида, он говеет; не спит и ожидает выхода прекраснейшей своей Елены. Он ее почитает троянкою для того, что имела тройные губы да и незакрытые кривые черные зубы.

с. 67

Настал желанный час, и уже она из врат своих течет
На рынок за крупой, притом и за мукою,
Кулечек на плече искривленном влечет
И тащит два мешка запачканной рукою. //

Что ж вышло? Дело-то вскрылось на нолях. Она рассказала Совесть-Дралу, как ее хозяин и хозяйка колотили, а может быть и молотили; от напоминания сей жестокой войны потекли из мочных ее очей прегорячие слезные потоки так сильно, что Совесть-Драл увидел превеликую у ног ее лужу; ведь это очень жалко.

– Ну, голубушка, не плачь, – сказал Совесть-Драл, – вот тебе еще денег, а если отдашь своей хозяйке мое письмо и расскажешь, что я в нее смертельно влюблен, то дам право второе.

Денежка мана, сорвала у девки с язычка вот какое словцо:

– Теперь меня хоть будут мучить, только ваше письмо будет хозяйке отдано. А в знак, что дело будет сделано и барыня любить вас согласна, повешу на дворе эту мою юбку, (у которой одно только было ю: а бка была вся в заплатках и лоскутьях),

и как вы юбку на дворе из своего окошка увидите, то прямо и смело летите на двор. Эта вывеска будет значить, что письмо отдано, хозяйка согласна, хозяина дома нет; теперь прощай, спешить надобно за покупкою.

Взмахнулась, поднялась, на рынок поскакала. // с. 68

Ну, говорится же, что сам собою ничего не уса-
лишь, чему быть, тому не миновать, девка на ры-
нок бегом, а дождик полил ведром. Пока она домой
пришла, то не осталось на ней сухой нитки; девку
бьют, торопят, велят стряпать, бросилась за дро-
вами, солнышко проглянуло, у девки течет, велят
юбку скинуть и развесить. Забыла девка свое усло-
вие, развесила на дворе юбку, а Совесть-Драл, сего
знаку как ворон крови ждав, увидел, обрадовался,
обрислся, умылся, нарядился, взлетел на двор. То-
то ладно, бежит по двору как журавлик, попрыги-
вает как попугаюшко, взлетел наш сокол прямо на
крыльцо и, будучи в надежде, что по желанию его
все совершилось, думает упасть пред любезною на
колени; но как часто надежда бывает обманом, то
вот что последовало.

Как сей молодой детина шел распудренный
двором, то хозяин, увидя его в окно и считая пря-
мо своим соперником, бросился в сени без памя-
ти, да у него ж она уже на достаях была, стал за
дверью, ожидая прихода нечаянного гостя. Как
скоро показался Совесть-Драл в сенях, то сей домо-
вой дедушка схватил его за руку, ска//зав по про- с. 69
сту без затей:

– Здорова, брат, зачем?

Нечаянность, а наипаче в плутовстве, всегда
человека встревожить может. И так наш Большой
Нос повис, щеки побледнели, и надежда исчезла.
Хозяин, будучи богатый купец, а более плутец,
позвал его в покои и, ведучи семо и овамо, завел
к черту на рога и, столкнув в потаенный погреб,

запер дверь преогромным замком, какие у таких тварей обыкновенно бывают, а ключ положил за пазуху в кожаную сумку. Вот тут то дело пошло. Совесть-Драл из любовника сделался затворником. Ну, брат, место прохладно, место покойно, и вместо мягкой постели ложися-тко на голой земле да и почивай, а не хочешь, так песенку вспой.

с. 70 Что сия комедия была сыграна, о том ни хозяйка, ни девка не знают. Ревнивый старый входит в покой, пытит и изменяется в лице, ворчит, гремит, невинную хозяйку и девку ругает, грозит побоями и, разрываясь от досады, то и дело подходит к поставцу и вино попивает; день прошел, старый бешеный, пьяный приказывает, чтоб к завтраму кушанье // готово было блюд на десять и более. Хозяйку сия редкость удивляет, она думает, не уж ли мой муженек завтра умрет и мы будем попов кормить, а у старого черта не то на уме: он, приказав да прибавив в голову винного туману, повалился без чувства спать, а сумку с ключом положил под головы. Ну, приказ отдан стряпать, надобно его исправить, а на дворе уж темненько, кухмистров нет, а кухарка одна, принимайся, хозяйюшка, с вечера и сама, полно тебе забавляться своею собачкой. Убили гуся, ощипали, надобно его опалить; пошла девка за щепами и, ходя по двору около проклятого того погреба, в который господин барон де Назе сослан в заточение, сама себе говорила:

– Вот проклятое житье, ни день ни ночь покою нет, чтоб тебе старому дьяволу этим стряпаньем подавиться.

И как девка у погреба ворчала не про себя, то Совесть-Драл, услышав и узнав ее по голосу, из проведенного вверх окошка закричал:

– О, злодейка! твоя юбка меня погубила!

Тут-то девка трекнулась²⁵, поговорила и увидела у дверей висящий большой замок, принесла щеп, дрожит, трясется, бледнеет. Хозяйка спрашивает:

– Что тебе сделалось? //

с. 71

– Ничего, сударыня, – отвечает, – я нечаянно испугалась, мне померещилось какое-то страшное лицо.

Шутка на сторону, а девка в самом деле видно была ходок: как хозяин ложился спать, то она приметилла, что он клал сумку под головы. А как видела у погреба большой замок, то вздумав, не ключ ли он прятал, ворвалась потихоньку в спальню и вытащила из-под голов сумку, в ней нашед ключ от запертого ада, бросилась стремглав на двор, отперла погреб и Совесть-Драла выпустила; сей, ни слова не говоря, чрез забор как птица перелетел, не оглядываясь. Девка ж, на место его втащив в погреб доморощенного из конюшни превеликого козла, дверь по-старому заперла, ключ в сумку, и положила старому дедушке опять под головку.

Дело сделано, хозяйка ничего не знает, девка со двора вошла в кухню будто не та, стряпает, суется, и очень весела, для хозяйки дико.

– Кой прах! – говорит. – Что на двор ходишь, то все перемена, раз пришла – трясешься, а теперь смеешься.

– Ничего, сударыня, все будет ладно, шито да крыто. Надобно стряпать, я тому // рада, что завтра однажды в год пообедаю хорошенько, что-то наш хозяин задумал погулять, да ему не удалось, он теперь спит.

с. 72

Это сказано было с умыслу, но хозяйка в суетах не поняла, а только приказывает девке делать и то, и другое, и сама трудится в ожидании, что поутру будет.

25 Т. е. догадалась.

Все приготовили, легли спать, отдохнули, настало утро, встали, и хозяин очнулся, хватился ключа, ключ тут, опохмелился, спрашивает, будет ли готов повеленный стол. Робкая хозяйка отвечает, «все будет исправно»; старый хрыч побежал созывать женину родню: отца, мать, братьев и дядей; пришло время, съехались, кушанье готово, пьют водку, садятся за стол и обедают хотя тихо, да видят, что хозяин сердит, притом с похмелья, и удивляются в незнании, что за пирушка, ибо и в самые именины такого стряпанья не случается; но наконец открылись у всех глаза, заговорил наш домовый незнаему песню:

– Что, мои государи, кабы у кого жена имела полюбовника, а муж бы ее поймал у себя на дворе и запер бы в погреб, чтоб нельзя было ничем жене-то
с. 73 увернуться, а то // бабьи увертки²⁶ мудренее черта.

Иной из гостей говорит: «эдакую жену нада прибить», другой – «мучить», третий советует удавить; а как вся женина родня не знает его думы, согласны были неверную жену кругом затаскать, то хозяин, указывая на свою безвинную жену, вскричал:

– Вот она-то этакая злодейка!

Взбесился, ухватил пук свеч, зажег и повел всех гостей к погребу, будучи от злости почти в безумии.

Жена упала в обморок, а девка, сыграв шутку и зная, что ничего не будет, стоя в кухне, хохочет. Идут все, как будто с процессиею, к погребу, ждут, чем пир кончится. Старый муж сердится, бранит жену, шумит, кричит, подходит к дверям, вынимает ключ, отпирает дверь, а рогатый любовник, не ев ночь и полдня, кричит во весь свой козлячий голос; однако пьяному хозяину, к тому ж и бешеному,

26 Отсылка к популярной новелле *О купцовой жене и прикащике* и лубочной картинке на сюжет «Жена хитрая (бабьи увертки)». Ср. *Опыт*, с. 66–68.

голос не внятен; он думает, что кричит человек, и, отпирая дверь, грозит ему:

– Вот я тебе, распудренный черт!

И подлинно белый козел был похож на распудренного. Как скоро дверь отворилась, то бешеный козел с тоски и голоду начал пырять рогами всех, кто ни попался, // и кроме козла по обыску никого в погребу не оказалось. с. 74

Ну, хозяин! молодая твоя жена упала от угроз в обморок, а ты теперь отдувайся. Принялися все гости за работу. Кто за волосы, кто пинками, кто кулаками, а иной было побежал и за поленом; однако втащили седого черта в покои, бросили на пол и дали одышку перевести. После такого потчивания не скоро очнешься, отдохнул старик и, видя беду немину, упрашивал гостей, мирился с хозяйкою и подарил ей на мировой на пару платья пукетового²⁷ штофу, и обещался впредь не быть по пустому ревнивым. Таким образом сия война окончилась и заключены мирные договоры. После чего гости повеселились и по домам разъехались, а хозяин, запершись в особливом покое, в глубочайшее пал размышление, говоря сам себе:

– Что за диковинка и что за чудо! Своими глазами видел на дворе молодого щеголя, сам с ним говорил, своими руками толкнул в погреб и запер, а вместо того, что был в погребу молодой детина, выскочила рогатая с бородой скотина; чудеса да и полно, сколько ни // думай, ничего больше не выдумаешь, как только, что это был дьявол, самый сатана Ерарзаул: он мне на дворе показался молодцом, а в погребу окаянный оборотился козлом. О проклятый козел! мне тебя век не забыть, да и нельзя забыть, для того, что ребра-то мои, да они ж у меня как будто в мешке перещупаны. с. 75

27 Т. е. (от испорченного «букет») с цветочным узором.

Когда он в такие рассуждения углубился или, так сказать, сам себе не веря, от недоумения позадумался, то вдруг в его покое со стены полетело большое зеркало и разбилось вдребезги, и наделало превеликого грома. Старый дедушка, испугавшись и позабыв, что бока болят, бросился опрометью в двери; ему показалось, что на его погубление стремится уже вся адская нечистая сила. Кричит, «да расточатся врази! да расточатся врази!», а сам без души на двор, а со двора без памяти на улицу, кричит: «караул, караул, бьют, мучат, давят, душат», смотрит кверху, не сорвана ль кровля, озирается во все стороны, да того только и ждет, что его ухватят черти и прямо в тартары посадят.

Народ, идущий на улице, останавливался и, час с. 76 от часу умножаясь, // окружил старика; ему в беспомощности все люди казались чертями, он на чертей кричит «караул». Ведь то-то, чему быть, тому быть, неподалеку от того народного сборища два трубочиста чистили трубы и, спустясь с кровли, подошли посмотреть, что за сборище и что делается в народе. Как они с обыкновенным своим орудием, то есть с предлинными крючьями и помелами, в народ втерлись и увидели в кругу бешеного старика, то, вздумав над ним подшутить, закричали:

– Тащите-тко его, ребята, ведь он наш.

Старик, увидя сих оруженосцев, прямо с виду и наряду похожих на чертей, и считая, что уже последний час его жизни приближается, вовсе потерял разум, бросился сквозь народ. А как сумасшедшие обыкновенно бывают сильнее, то пробился сквозь всех и, ухватя одного трубочиста за ворот, свалил с ног и учал грызть горло. Другой, сжался над товарищем, да еще ж и деньги заработанные ими у него были в пазухе, устремился на полоумного купца сальной рукою да по грешному телу, ну его по щекам, по бокам, по зубам, по спинам

оборачивать и, выхватив голик, всунул с сажею в зубы. Вот тут-то // смех и горе, сделал из старика с. 77 черта чертом, а люди смеются. Пока ж сии герои барахтались, то и купец преобразился в трубочиста и, как арап, имел только одни, да и то мало белящиеся зубы. Народ, которому надобно было сие побоище унимать, надрывает живот и помирает со смеху, иной смешливый и хохочет, и кашляет, и чихает, и прочая творит, да и говорит:

– Одери их лукавый на барабан, пусть два молодые дьявола с одним старым чертом дерутся, видно, у них дележка пошла.

А бойцы стали все трое на ноги и встрепенулись; старый черт в безумии скрыпит зубами, а два черные евнуха, приняв свои орудия, зацепили дедушку за бок и потащили на съезжу.

Ну, брат старичок, бесися да отдувайся! Ведь съезжий двор²⁸ для купцов добр: он лечит сумасшедших, направляет испорченных и отгоняет бесов, и делает из сребролюбцев миролюбцев. На шум и крик умножался народ, в том числе сыскались стариковы родственники и, увидя, что его тащат черномазые баграми туда-сюда и сяк и так, начали упрашивать, ведая довольно, каково быть в руках... И, кое-как выпросив, увели домой. // с. 78

Бешеный старик домой нейдет, а кричит:

– У меня в дому завелися черти! Когда из вас кто меня не возьмет к себе, то я теперь же умру на улице!

Сими словами уверил наипаче родню, что в своем безумии запер в погреб вместо человека козла. И так один из родственников, сжался над ним, взял его к себе в дом, а жена с девкою остались кочевать одни в пустом своем доме.

Прошел день, прошел другой, хозяин не думает домой. Жена, будучи добросердечна, пошла

28 Полицейская управа с помещением для арестованных.

проведать о его здоровье, зовет домой. Глупец, скупец, купец то и твердит, что у него в доме завелись черти и беси, и дьяволы. Они стучат, гремят и его давят. Каково ж было слушать жене, а наипаче робкой и поневоле совестной. Сколько ни уговаривала мужа идти домой, но он упрямится, карячится и никак не соглашается. Побрела она одна.

с. 79 Покуда ж была у мужа, то девка ее троянка с Совесть-Дралом из окна в окно перемигнулась и махнула, чтоб он пришел на двор, а бывший затворник, верно знаячи, что никого уже, кроме прекрасной его Елены, в доме нет, пошел переговорить и завести часы вновь, которые от юбки // несколько было поиспортились. Поговорили и расстались; Совесть-Драл со двора, а хозяйка на двор пришла; тужит, рассказывает девке, что муж с ума сошел и домой не идет.

– Что ж, барыня, делать, разве мы одне не проживем? Да без мужчины-то как ты пробудешь?

Пошел часам новый завод, а хозяйка разинула рот; будучи в огорчении и никого в дому не имея, сама девку просит, чтобы сыскать человека; пошло дело на лад, Совесть-Дралу дается великий клад. Сей, будучи великий плут, согласился, поговоря с девкою, под чужим именем идти в лакеи, и на другой же день нанялся весьма за дешевую цену.

с. 80 Маркиз де Назе, богатый человек, идет в лакеи; а для чего? Можно догадаться и самому, господин читатель! не все уже одно плескать, я и поустал; всего ведь не пересказать, не переписать, однако Совесть-Драл хорошо сыграл. Дело решено, лакей и работница есть, два плута в доме, одна за деньги, а другой за цену. Хозяйка ничего не знает и, будучи пресная душа, в одиночестве, принимает нового слугу, который хозяйке служить давно был намерен. Как он был проворен и услужлив, // то хозяйке скоро понравился. И лишь только изо рта пара, и голубушка, сидя за шитьем, девке сказала:

– Куда этот наш лакей детина проворный! Если он за эту цену жить не захочет, то я ему и прибавлю.

Девку нечего учить, она все бывшие проказы вспомнила и не могла удержаться от смеху, но чрезмерно захохотала. Хозяйка спрашивает, чему *она смеется²⁹.

– Нельзя, сударыня, не смеяться; есть смешное дельце. Если, матушка, не будешь бранить, то я вашей милости расскажу.

А как хозяйка побожилась, что ни сердиться, ни браниться не станет, то девка, зачав историю от первого своего свидания с Совесть-Дралом, рассказала ей о всем подробно, довела до работника и кончила так:

– Я теперь захохотала, потому что вы хотите новому слуге прибавить денег, а ему деньги и ненадобны, он задаток ваш мне подарил, у него и своих денег не меньше вашего. Он-то самый тот козел, тот барон, который по вас умирает, его любовь принудила пойти к вам в лакеи; вот супротив наших окошек его и дом.

Название барона купеческой жене понравилось, и видно, что она была не Сусанна, вошла с девкою в разговор, // а напоследок велела кликнуть нового слугу; и как была неглупа, то, с ним поговорив, держать у себя во услужении столь знатного человека отказалась, а только просила, чтобы он ее навещал и в случае нужды помощью своею не оставлял.

с. 81

О превратность света! Трижды крещеный Совесть-Драл, шут, плут, Большой Нос, волокита, мертвый, опять живой, маркиз, затворник, барон, лакей, любовник, козел, а все один. О превратность света! Видно, что Овидий коротко знал сию превратность, когда написал книгу превращений. Он

29 1798 ты смеешься.

же был и Назон, то есть носатый, да и наш Совесть-Драл разве малonosый? Но к чему такие раздобары? Лучше станем говорить, что последовало с Совесть-Дралом и с молодою женою.

Детина, будучи учтив, да и не промах, частенько оную по ее приказанию навещал, да нередко для разгнания ее скуки у нее и ночевал. А как старый хрен жил у родственника в доме, то Совесть-Дралу учтивости свои его жене оказывать было способно и свободно. О время дорогое! О время золотое! Жаль его потерять! Совесть-Драл, будучи извест//ный плут, для продолжения своей удачи вот что выдумал. Он оделся в самое то платье и таким точно образом нарядился, в каком по милости седого купца в погреб козлу был антецессором; пошел в тот дом, где жила та разумная седая животи́на, якобы за покупкою надобных ему товаров. Хозяин того дому, будучи разумен, увидя нарядного господина и наблюдая свой по купеческому обычаю проклятый интерес, встретил гостя учтиво и ласково, взвел его в покой и просил сесть, пока поразговорятся хозяин купец, а гость Совесть-Драл плутец, нашел черт на дьявола в рогозином ряду! Кто то кого обманет?

Совесть-Дралу ни малейшей надобности не было ничего покупать, а его мысли стремились только видеть своей любовницы мужа. Как настоящий хозяин из покоя что-то приказать вышел, то Совесть-Драл отворил боковую дверь, заглянул в другую горницу, а в той-то и содержался ему надобный бешеный стар муж. Хотя он был и полоумный, однако тотчас мог по виду узнать, что к нему глядит тот самый щеголь, которого он запер в погреб и после козлом обо//ротился. Бросился на него, ухватил за шивороток, кричит сумасбродно:

– Вот тот самый дьявол, что меня помутил с женою!

Настоящий хозяин дома, услышав крик, бежит без памяти и, увидя, что гостя бешеный тормошит, испугался. А как Совесть-Драл по приходе своем объявил о себе, что он барон, то кликнул хозяин людей. Старого бешеного вяжут, он не дается под лад и кричит караул:

– Сюда те же, – говорит, – переселились черти, что у меня были в доме! Проклятый это двор, я уйду домой.

Бросился к окну, разбил в мелкие части, выскочил и полетел к своему двору; все за ним вслед, он кричит, бежит к себе на двор. Увидя его, жена бросилась на чердак, девка в подполье, а родня с людьми за ним в покой, а Совесть-Драл по переулкам да к себе на квартиру.

Все пошло бешеное, все пошла курелесица, кура, бура, арда, барда, вот тут-то разбирай, кто прав, кто виноват; а мне кажется – виноваты черти, да где они? В аду. А где ад? Я сказать не умею; если сказать – под землею, так там вода, потому что земля основана на водах, так они-то в воде // и живут, что мне кажется и справедливо; ибо как однажды ловил Алгвазил³⁰ рыбу, то ему что-то попало в невод большое, мохнорылое, усатое, с большим зевом, не черт ли это был? Ну, хоть черт, да ведь его добрые люди съели ж. Кабы эдаких чертей да побольше, ан бы в постный день за ушицу и не давал полтинки. Гей, добрые ребята, черти, валитесь в невод!

с. 84

Послушайте ж, что с купцом последовало. Как скоро он вошел в дом, то немедля призвал пастора. Пастор пришел, читает, поет, повторяет заклинательные молитвы и прочие для прогнания чертей чинит обряды. Дело кончено, проклятых дьяволов прокляли. Старик хотя после сего несколько

30 По-видимому, аллюзия к *Повести о хромоногом бесе* Р. Лесажа, переведенной на русский язык в 1758 г.

и успокоился, однако озирается во все стороны, смотрит по углам, не забился ли где в щелку какой чертенок. Напоследок по многом родственников увещевании затих, сошла к нему с горних мест хозяйюшка, вышла из преисподних горничная девушка, вся семья в кучу собралалися. Вот дело в лад: хозяин наш стал разговаривать и остался в своем доме, а родне только то было и надобно, как бы его с рук сбыть. И так // оставили, простились; при прощанье старик обещался всякий день ходить к обедне и прочитывать по целому молитвеннику, что и исполняет; а Совест-Драл между тем его жену посещает.

В одно время как хозяин пошел к ранней обедни, то Совест-Драл по данному ему знаку перебросился чрез забор на его двор в одном только халате без всякого одеяния. Вошел в покой, сел с хозяйкою, и стали, на постели сидя, чай пить, а может и кофе, кто до чего охотник. Прах их знает, я при том не был, а то бы и сам чашку выпил; меня еще смолоду добрые люди выучили, как пить чай и кофе и накрывать чашки, уж мне теперь много лет, да без смеху молодости своей вздумать не могу! Ах, молодость, молодость! я тебя до смерти забыть не могу! Хозяин пошел, как выше сказано, к ранней обедни, а Совест-Драл к нему на двор. Седой позабыл свой молитвенник и, воротясь домой, вошел уже в сени, ни хозяйка, ни гость, ни девка этого не знают. Тут-то надобно было всем увертываться. Хозяин в горницу, а гость сидит с его женою на постеле, куда деваться? // Нужда придает остроумия. Он бросился в угол и, оборотясь к стене лицом, закинул халат и покрыл им голову, ожидал, что будет. Хозяин вошел, молитвенник свой взял и, поворотясь обратно в дверь, увидел в углу новый, страшный и чудесный предмет. Кричит:

– Жена! Что это?

Она спрашивает:

– Где, батюшка?

Он кричит:

– Да вот, вот, в углу-та!

– Что это, батюшка мой, ничего не вижу?

Старик зовет девку, спрашивает, что в углу. Сия, как верная за деньги раба, отвечает тоже, что ничего в углу, кроме стены, не видит. Тут хозяин тряхнулся и сказал:

– А! а! ты, дьявол, опять меня искусить и в побои ввести хочешь! Нет, проклятый, не обманешь, с нами крестная сила, я лучше к обедни пойду!

Сказав сие, бегом со двора, оставя домашним изрядную причину посмеяться. Старик у обедни читает молитвы, а дома хохочут да грохочут и старого дурачат. И пока он был у обедни, то Совесть-Драл, посещение свое справив, убрался домой.

Что ж у него делается дома? Каково в лесу аукнется, таково и откликнется; он обманывает людей, а люди стараются обмануть его. Лиза, которую он увез // у Бонивала, приметя, что ее любовник, посещая соседку, стал к ней гораздо холоднее, от ревности и досады долго рвалась, а напоследок, подговоря обоих служителей Бониваловых и забрав все лучшие у Совесть-Драла вещи, также и немалое число денег, неведомо куда из дому пропали.

с. 87

Похождение 6

Каким образом Совесть-Драл с новой любовницею продолжал свое знакомство и что с ним случилось

Как в одну пору старый купец занемог и его в особливом покое положили, то Совесть-Дралу дано знать, чтобы он был для посещения. Филат

тому и рад. Пошел без отговорок и, чресчур просидев долго, остался там переночевать. Поутру пришел домой и, видя, что ни Лизы, ни лакеев нет, попризадумался и, осмотрясь, не сыскав лучшеньких вещей, гораздо свой нос повесил.

– Вот тебе раз! Заплатил, – говорит, – я этот ночлег очень дорого.

с. 88 Ну, господин Большой Нос! Плебан за твой похоронный обед заплатил тебе дороже; он потерял свои деньги и // жизнь, а ты еще жив, только денег лишился. Пустое, если цела голова, то вырастет борода, станет плутовать да воровать, так и с деньгами будешь; однако шутка на сторону, наш Совесть-Драл гораздо в великой тревоге. Ему после обеда мигают, машут, зовут, чтобы пришел посидеть, а у него не то в голове, уж молодцу и любовь на ум нейдет, он думает, что делать, где искать Лизу. У кого пропало, у того на уме сто дорог, а кто украл, у того одна. Он так идет да идет, а ты суйся во все стороны, как угорелая кошка. Думал наш нос да думал, что делать, наконец определил себя считать, в коль великом состоит он капитале. По счету не оказалось, что у него так мала осталася сумма, что и за квартиру платить будет скоро нечем, почему и расположился жить поскромнее. Выехав из огромного дома и наняв маленькую горенку, да ему уже большой не надобно было, потому что ни лакеев, ни племянницы его не стало. Он сим именем называл свою Лизу.

с. 89 И так Совесть-Драл, из богатого барона сделавшись убогим человеком, захотел поправить врожденным // плутовством свое скудное состояние и выдумал вот что. Чрез несколько дней пошел он к своей любовнице, а муж ее час от часу хуже становился; она ему в тоске своей обрадовалась, а он ей, насказав тьму новостей, также хлопот, забот и кучу недосугов, и извинялся, что долго не бывал,

объявляя, что отпустил свою племянницу с ее приехавшими братьями, которые очень небогатые люди, в чужие края на теплые воды, а ей почти весь свой капитал отдал, почему уже и недолго в сем городе прожить намерен, чтобы себя как переменою дому, так отменою житья не остыдить. Влюбившейся в него молодой купчихе потерять любовника барона было громовым ударом. Она его уговаривала, чтобы с нею не разлучался, уверяя, что в содержании недостатка иметь не будет. Сей природный плут проникнул ее мысли и с охотою остался в том городе ожидать кончины на смертном одре лежащего старого ее мужа, что в скором времени по общему их желанию и сбылось. В таком случае не пиво варить, не вино курить, а старика не квасить; все стараются, как бы скорее в могилу его опустить. Коли деньги водят//ся, так провожатых к ней наберется много и тотчас в нее хоть кого ссунут. Понесли старика хоронить, сунули в могилу и землю засыпали, да еще и притоптали. Не бойтесь, ребята, только бы туда кому войти, а то уж оттуда не вылезет; а воля ваша, иные право чуть ли не думают, что из могилы вылезть можно; и в сей будучи опасности сперва бедного мертвеца, положив во гроб, покроют крышкою, крышку приколотят алтынными гвоздями, опустят в преглубокую яму, да и сердятся, если мелка яма, засыпают натуго землею, а после еще навалят пуд в пятьдесят камень; нет, уж тут никак не выкарабкается, да и то возьмите в рассуждение: ведь такую церемонию, не щадя иждивения, добрые жены делают над мужьями от любви, а мужья над женами от жалости, что они долго с ними жили, да чтобы и век к ним не выходили. Печальная церемония кончена. Бедная, горькая, бездетная вдова, пока люди были, вся избилась, измучилась, а как ушли, то помаленьку стала успокаиваться. Ведь не умереть же с печали, на кого дом

с. 90

- с. 91 покинуть, чужие руки легки, да не к сердцу. В таких же случаях обыкновенно добрые люди // и разговаривают, а особливо старушки; оне как-то в этом искуснее молодых, или оттого, что много всего на свете видали и ума набрались, или оттого, что многих своих родственников перехоронили, да и пожитками их завладели. От чего бы то ни было, токмо старушки умеют утешать в печали не как молокососы. Благие советы уменьшили, а время вовсе истребило супругину горесть; она в два месяца забыла своего старика и вышла замуж за молодого любовника. Здравствуй, г[осподин] Совесть-Драл! Имею честь вас поздравить, совокупясь законным браком, хорошенько живите и молодую жену любите.

Похождение 7

Каким образом Совесть-Драл и долго ли жил с молодою женою, и как с нею расстался

- с. 92 Чудесный вопрос: каким образом жил Совесть-Драл с женою? Он жил как муж, а она как жена, то есть: пили, ели, спали, вставали, ходили, сидели и веселились; да долго ли веселились? Нет, очень недолго, с пол//года, не более. Его жена у первого мужа, будучи содержана в ежовых рукавицах, не видала Божьего света, а, вышед за Совесть-Драла, увидела свет; и как нововыпеченная баронша купила карету и лошадей, стали ездить по гостям; она стала жить в воле, а воля, как говорится, и добру жену портит. Эта пословица над ней и сбылась. Дома сидеть по-старому ей стало скучно, и сегодня в гости, и завтра туда ж. А как привычка есть другая природа, то она, привыкши гулять да гулять, влюбилась в молодого офицера и начала уделять ему

домашний благословенный кусок. Совесть-Драл – детина с носом, да в таких делах и сам великий рыбак, тотчас дometился и с новым своим любовником свел претеснейшую дружбу. Рыбак рыбака далеко в плесе видит. Тот полюбил его жену, а сей, увидя в гостях его прекрасную сестру, к ней подвернулся и до того дошел, что друг дружке одинакими деньгами платить стали. Пока дело шло скрытно, то у обоих пар были лады; а как в доме офицерском чрез десять месяцев его сестрица вывела оное дело наружу, вот тут и пошла все нелепица, один к другому перестали ездить и // оба готовились ко взаимному мщению. У Совесть-Драла к своей жене огонь погас, а у жены к нему жар простыл; пошло все другое: начались тайные переписки, пошли секретные чрез людей переговоры; ведь в этакое случае кто кого смога, тот того и в рога; однако тому и другому опасаться должно. *Concordia res parvae crescunt discordia maiorem dilabuntur*³¹. И так, если зачали браниться, то не быть пути, что и последовало. Совесть-Драла жена при первом муже не смела рта разинуть, а со вторым зачала уж в емки браниться³². Вот что делает воля, потому жену надобно любить как душу, а трясти как грушу. Да за что Совесть-Драл с женою бранится? За любовь с... с... Тише, офицеру сестру сим называли именем: однако я вам этого не скажу, а буду знать про себя, я малый скромный, ничего никогда до первой встречи не выболтаю; не честный ли я человек? Поэтому со мною можно всякому знаться, я не угольников³³ сыночек, своей одежей никого не за-

с. 93

31 *Лат.* При согласии малые дела растут, при несогласии великие дела разрушаются (Гай Саллюстий Крисп).

32 Емки мн. 'борьба, схватка, рукопашная драка'. Ср.: В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1: А–З, Москва 1978, с. 519.

33 *Испр. по 1798. Здесь угольков.*

с. 94 мараю, я благоуродный. Стой, что-то меня ударило в лоб; слыхал я от старых людей, что есть в народе какая-то совесть, конечно, она, плутовка, в лоб меня щелкнула; добро, // совесть, я тебя усыплю; хотя ты меня всегда беспокоишь, однако я в твою досаду благоуродным называться не перестану; но обратимся опять к любви.

Муж с женою за любовь бранятся, бранились, да и до того дошли, что вздумали развестись; полно, добрые люди, это плоховесовато, не долго развестися, да как вздумается сойтися, ан тут больше хлопот, все станут об вас говорить, как в набат колотить, а наипаче добрые соседushки-кокушечки, которые не дадут мимо своего гнезда воробью пролететь, чтоб его не видали и не сказали: «Остановись, воробейка, здорова ли твоя воробыха? Каковы твои воробятушки? Куда, зачем, откуда, воробушка, летишь?» А все то делает проклятое любопытство; любопытствовать не худо, только иногда, любопытствуя, услышишь то, чего слышать век бы не хотел. Мне кажется, если бы по слову философскому всяк знал себя, то бы, право, лучше было; а то черт знает, что теперь завелось, только и речей, что говорят про людей, а про себя ни слова; в чужом глазе видим сучок, а в своем хоть бревно торчит, то не чувствуем. И так, наш Совесть-с. 95 -Драл вздумал с // своею женою развестися. Приняв твердо сие намерение, наполнил свою голову хитрыми выдумками, а жене про то ни гугу, думает один про себя.

Как в одно время поехала его баронша в сад прогуливаться, то он без нее со всевозможною скоростью пошел посетить ее сундуки, ларчики и туалеты; и что было в них блестящее, все вычистил, чтобы жена глаз от сияния не попортила. Учинив сие, снарядился по дорожному и пошел скорыми шагами за город, где, наняв извозчика, поскакал

куда глаза глядят, оставя своей супруге полную власть и увольнительное письмо, в коем позволяет ей идти за другого замуж, если она хочет, а сам идет в монастырь. Пошел, прощай!

Как извозчик у него был нанят не до урочного места, а поверстно ехать, куда надобно будет, только с заплатаю за каждую версту по две копейки, то Г[осподин] Совесть-Драл скачет во весь опор, выпучив глаза как и лошади; а куда скачет и сам не знает. Между тем прискакали в селение, где, дав лошадям отдохнуть и утолив свой голод, пустился опять в дорогу, которую с малым отдохновением несколько дней продолжая, прибыли в город, в коем все при//езжающие могли жить свободно по своему произволению. Совесть-Драл, остановясь на постоялом дворе, расплатился с извозчиком и, наняв себе особливую комнату, начал там жить не по-баронски, как прежде, но хватился за разум. Живучи гораздо умеренно, и слыл, чего в нем не бывало, постоянным человеком. Причиною же таковой жизни было сохранение украденного им у молодой жены капитала; он одевался порядочно, но не щегольски; не напивался допьяна, не играл в карты и не имел у себя имения своего расточительницы, то есть любовницы. Сии твари подобны бездонным кадкам; сколько на бездонную кадку ни лей, никогда не будет полна; равным образом, сколько любовницу ни награждай, никогда не будет довольна; как страждущие водяною болезнию, чем более пьют, тем более жажда их мучит, так и любовницы: чем щедрее от своих пленников награждаемы бывают, тем большую к получению подарков чувствуют охоту и желание. Конечно, на это время такие обстоятельства Совесть-Дралу в голову втемяшились, потому что он долгое время не старался о снискании постельницы, или это для того, что ел умеренно и вином // внутреннего не

с. 96

с. 97

умножал жару at sine Cerere Vacho friget Venus³⁴. Что ж наконец с Совест-Дралом последовало? То, что и с мужиком! Как говорится: мужик день не пьет, и другой не пьет, а на третий день, как черт прорвет, то все пропьет; так и наш Г[осподин] Совест-Драл, долго не напивавшись и не играв азартно в разоряющие людей карты, в один вечер в трактире, познакомясь с новыми, с виду честными, а в самом деле пресовершенными плутами, по просьбе их сел с ними играть в шашки; а между тем, хотя с отговорками, однако подносимые рюмки опорожняя, подобрался гораздо и, прибавя цену игре, проиграл довольно. Господа игроки засвидетельствовать могут, что во хмелю и в азарте больше и скорее проиграют, нежели в трезвости и равнодушии, и всегда остаются в надежде: авось отыграюсь. Сею сладкою наш Г[осподин] Совест-Драл питаясь надеждою, час от часу проигрывал более и, свой капитал из квартиры в трактир перетаскивая, пота играл, пока все промахал до рубашки; сим игра кончилась, и новые знакомцы под видом стороннего смеху, довольно ему посмеявшись, разошлись. А // Совест-Драл на рассвете на свою квартиру в голях возвратился. Ему счастье послужило или конечно о нищете сердце его предвещало, что он по приезде своем на постоянный двор хозяину дал денег вперед за три месяца, а то бы вовсе нечем было расплатиться.

Тут пришла ему на ум молодая жена, которую он, обокрав, покинул; тут вспомнил он все свои прежде учиненные проказы и мошенничества; тут его встревожила совесть о смерти плебановой; тут им овладел ужас, и во всей своей гнусности глазам его представилась бедность. О, бедность, названием досадная, но многим полезная и спасительная!

34 *Лат.* Без Цереры и Вакха хладеет Венера, т.е. без хлеба и вина любовь холодна.

Если бы Совесть-Драл не доведен был до бедности, то бы конечно не поехал обратно проведать о своей жене, чтобы с нею помириться; но его надежда была тщетна, ибо она по его побеге, увидев себя ограбленну, поубавила щегольства; и любящийся с нею, проведав о ее упадке, вовсе ее покинул. После чего, покинув свой дом и все в нем оставшееся без остатку, от досады и горести в отдаленном монастыре постриглась и в скором времени к верному своему мужу на тот свет переселилась. //

с. 99

Похождение 8

Куда Совесть-Драл, проведав о смерти своей жены, девался и в какую вступил должность

Как Совесть-Драл от бывших соседей обо всем, до своей жены касающемся, верно и обстоятельно проведаль, то не знал, что начать, куда деваться и чем жить. Приняться по-прежнему за мошенничество боялся, работать не имел привычки, почему вздумал питаться рифмосплетением; хотя сие рукоделье мало его утешало, однако всякая нововыпеченная стихами бумажка приносила ему каждый день новый кусок хлеба и он так был сыт, что мог несколько времени не умереть с голоду. Сперва он писал билетцы, потом элегийки, а напоследок о разных материях стишки. В доказательство знания его в стихотворстве вмещу здесь некоторые его сочинения.

Совесть-Драл сам к себе говорит

Когда, о Совесть-Драл, стихи ты начал плести?
Тогда, как нечего мне стало вовсе есть.

О вы, имеющие различные таланты,
Вы разнovidные всегда комедианты!
Что представляете, смотреть я не хочу,

И попусту никак рубля не заплачу;
 Не токмо что рубля, не дам я и полтины,
 Не взять вам ничего у скудного детины;
 Хоть ваш театр и есть различных действий храм,
 Однако ж не пойду смотреть я ваших драм.

Окончилась же сия пирушка общим прощанием. На другой день Совесть-Драл пошел к одному бывшему с комедиантами на обеде для посещения, который в компании по виду и по поступкам важнее и скромнее других ему показался. Сему описав как можно жалостнее бедное свое состояние, просил его о вспомоществовании. А как онный почтен был главою всего того общества и был добросердечен, то предложил Совесть-Дралу, не хочет ли он быть в братстве комедиантов и делить с ними доходы, которые о//ни от доброхотных дателей без дальнего труда получают, а теперь-де и ваканция есть; принять же вас в театр в моей состоит воле. Совесть-Драл сему предложению обрадовался и со всеми знаками своего удовольствия и преданности благодарил нового покровителя, а сей, вынужденной комедиантам список, включил в онный Совесть-Дралово умя и дал ему из новосочиненной комедии действие, чтобы, оное выучив, пришел проговорить в пробе на театре.

с. 102

Как Совесть-Драл имел от природы хорошую память, то, данные ему стихи в два дни выучив, явился к своему командиру, ибо он был театра Г[осподин] директор, сам сочинял комедии, трагедии и прочее и никогда не гнушался быть в компаниях с актерами. Как началась проба, то новый комедиант так хорошо свою окончал ролю, что по справедливости все его похвалили, и с того самого дня определена ему, как и прочим, ненаемная квартира и пошло жалованье. А как обыкновенно водится, что принятые вновь в какую-либо команду потчивают своих товарищей, чтобы к ним

- с. 103 были ласковы, то и Совесть-Драл сие учинить не преминул; он выпросил у госпо//дина директора в зачет несколько денег, соорудил хорошенькую пирушку и просил актеров и актрис к себе отобедать. В назначенное время все собрались, сели за стол и, поздравив нового ставленника, принялись за кушанье по-комедиантски без церемонии. Совесть-Драл в рассуждении одиночества в суетах некогда было каждого из гостей примечать порознь; он, всех угащивая, никакого особенного ни о ком не имел примечания; но против того гости, каждый его рассматривая особенно, а наипаче одна молодая и пригожая актриса, хотя сидела к нему боком, однако часто обращала на него свои взоры и, пристально смотря, изменялась в лице; напоследок, сказав, что у нее чрезвычайно болит голова и делается тошнота, извинилась пред хозяином и компаниею и пошла из-за стола в свою комнату, а прочие гости, поверив ее словам и сожалея о приключившейся ей болезни, остались доканчивать бутылки. Как обед начался, то принялись все кто во что горазд: одни на инструментах, другие на голосах, кто плясать, кто прыгать, тот в карты, иной в шашки, а между тем все для проведения времени опоражнивали
- с. 104 подносимые теп//лые чашки; и так, препроводя время до полуночи без скуки, с хозяином простились и по своим местам разошлись со всяким удовольствием. А на другой день представлена была на польском языке комедия *Расточитель*, которая состоит в нижеследующих действиях. [На с. 105–250 напечатан текст комедии *Расточитель*] //
- с. 250

По окончании сей комедии на третий день на рассвете, лишь только Совесть-Драл проснулся, то вошел в его покои незнакомый человек и, поклонясь, вручил ему письмо следующего содержания:

Государь мой!

Я довольно ведаю, что вы по выезде из замка Боневалова были очень богаты и были бы таковы доселе, если бы с вами другие того же не сделали, что вы учинили с маркизом, и ясно вижу, что неожиданная вами скудость загнала вас в театр, вы хотя в теперешнем состоянии место сие считаете для себя выгодным и находкою, однако постарайтесь поискать любимую пред сим вами Лизу, и если непротивно, с нею примириться; чрез сей мир невидимо поправится ваше состояние и возвратится вся ваша пропаша, ибо хотя Лиза от ревности и досады вас чувствительно обидела, однако верно знаю, что и теперь вас любит, и // живет от вас очень недалеко; чрез сего посланного уведомьте меня, согласны ли ваши мысли с моим о вашей пользе желанием; а я всегда ваш покорный слуга N. N.

с. 251

Совесть-Драл, получив сие письмо, спрашивал у письмодателя, кто его прислал; но сей, ничего не отвечая, прикладывал руку ко рту и давал чрез то о себе знать, что немой, почему Совесть-Драл, ни о чем его более не спрашивая, написал такой ответ:

Государь мой!

Кто вы таковы, знать не могу, только вижу, что честный человек! Я вам от искреннего сердца благодарю за ваше о моей пользе старание и признаюсь пред вами чистосердечно, что я сам подал причину Лизе меня оставить. Правда, что сначала тяжело было сносить учиненную мне от нее обиду; но с давнего уже времени распростерты мои к ее объятию руки; о! если бы и теперь любимую равно мою Лизу ваше добросердечие мне доставило, то бы я был наисчастливейший в свете человек и ваш всегда благодарнейший и покорнейший слуга Совесть-Драл. //

с. 252

Р. S. Прошу покорно без продолжения времени обрадовать меня ответом и тем возмущенный мой дух успокоить, чего я от божества, пославшего ко мне немого Меркурия, с нетерпеливостью ожидаю.

С сим письмом отпустил вестноносца, а сам начал думать, кто бы таков к нему писал и кому бы

так коротко известны были его обстоятельства. Но никак не мог помыслить, чтобы к нему писано было от той актрисы, которая от него, притворяясь больною, из-за стола вышла, а она была самая им от маркиза увезенная и его ограбившая Лиза, что напоследок и открылось.

с. 253 Хотя Совесть-Драл, наложив на себя пост, целый тот день провел в беспокойных размышлениях, однако все в прежнем остался неведении. А как уже настала ночь, и хотел он смущенные свои мысли сном успокоить, то вдруг услышав, что у его дверей кто-то потихоньку стучится, называя его по имени, тотчас оную отпер и, увидя входящую в маске женщину, оторопел и не знал, что начать говорить; маска же, прямо сев на его // постелю и несколько помолчав, начала говорить:

– Г[осподин] Совесть-Драл! вы, как новый еще в сем городе человек, то конечно обхождения здешних жителей коротко не знаете, здесь царствует любовь провождаемая вольностью, здесь нет ревности и зазрения, здесь все стараются любить и быть любимы; почему не должны вы удивляться, что я вас в такое время посетила и с вами наедине осталась; мне довольно известна природная ваша склонность к любовному обхождению, и что вы без любовницы никогда пробыть не могли; последнею же доселе обладательницею вашего сердца была Лиза. Но вы должны ее истребить из вашей памяти за причиненную вам от нее обиду и платить мою любовь, которую к вам хранить навсегда обещаюсь. Что вы ничего не отвечаете?

Совесть-Драл, слыша от неизвестной женщины с полученным поутру письмом и с его мыслями о Лизе слова, почел ее за самую беспутную и, осердясь, сказал:

– Что я здесь новый человек, что нравы здешних жителей еще мне не известны, что я имею от

природы склонность любить и что Лиза доселе была последняя люб//ви моей предметом, это все вы сказали справедливо и меня не обидели; что же советуете забыть Лизу и быть вашим невольником, это меня беспокоит, потому что по вашим речам вы меня считаете прямо непостоянным человеком. Благодарствую за неожиданное посещение и за открытие вашей ко мне любви. Но при том будьте уверены, что я Лизу не любить не могу. И в рассуждении сердца моего деления не научился.

Услышав гостя таковой по желанию своему ответ, скинула вдруг с лица маску, и Совесть-Драл нечаянно узнал свою Лизу, которая, бросаясь к нему в объятия, просила о возобновлении и продолжении к себе прежней его любви и горячности. Совесть-Драл, неожиданное сие увидя превращение, от радости был почти вне себя и внутреннее приятное чувство с наружными удовольствия³⁵ соединяя знаками, даримые себе ласки и поцелуи платил с восхищением; в таковых и сему подобных сладостных упражнениях препроводя скоротекущую для любящихся ночь и, о чем было надобно, условясь, Совесть-Драл с Лизою на рассвете простились, и оба на собственных своих // местах отдались приятности сна, в котором по-с. 255
коиться ничто уже им не мешало; и так новосвидевшиеся наши Венерины пленники проспали до обеда. А как в тот день должно было Совесть-Дралу на публичном театре в первый еще раз играть любовникову роль, в которой Лиза представляла любовницу, тут Совесть-Драл, будто впервые увидя Лизу, по склонности своей всячески притворяться, в лице переменился и со изумлением у одного актера спросил:

– Давно ли эта у вас актриса? Как ее зовут? Откуда она?

35 Испр., здесь удовольствиями.

И, услышав на все свои вопросы ответ, с восторгом бросился к Лизе на шею и вскричал:

– Тебя ли я, дражайшая Лиза, тебя ли я, любезная моя сестрица, вижу? Узнай во мне верного твоего друга, узнай твоего брата Совесть-Драла! Окончи мое странствование и прекрати мучения, которые, искав тебя, доселе претерпеваю.

По сих словах Лиза, по-комедиантски притворясь, побледнела и упала в обморок. Актеры, издавна к ней подлипающие, бросились помогать, кто кропит водою, кто подносит нюхать спирт; иной растирает остановившиеся жилы, другой советует кинуть кровь, словом: все те театральные сатиры старались возвратить ей // чувства. Что ж касается до нимф сего места, то они внутренно о припадке ее радовались и разве бы в то время, да и то с принужденным притворством, потужили, когда бы Лизу увидели мертву; ибо во всяком роде и во всяком ремесле мастер другому искуснейшему мастеру завидует и прямо любить его не может. Почему и актрисы Лизу ненавидели, как для того, что она всегда с рукоплесканием роль свою играла, так и для того, что была моложе и нежнее, и живее. Она была между актрисами как роза между прочими цветами и своею красотою всех превосходила; но к досаде своих соперниц, якобы от подаваемой помощи, не быв в беспамятстве, скоро опомнилась, встала и, обняв своего брата, сказала:

– Мне мое сердце давно уже предвещало ту радость, которую теперь, видя тебя, чувствую и которой словами изъяснить не могу.

Она бы много подобного сему вздору наговорила, да и братец бы не оставил ее без ответа, но как время уже было готовиться к представлению комедии, то, оставя разговоры, пошли одеваться. Зрители собрались, и началось действие. Лиза, прямо будучи влюблена и имея пред глазами настоя//щего

своего любовника, так живо и прямо любовницу представляла, что и самые ее завистники похваляли и били в ладоши.

Между тем разнесся слух, что Лиза нечаянно в Совесть-Драле узнала своего брата, и сею находкою по окончании комедии как его, так и ее все знакомые поздравляли с желанием всякого благополучия. А как брату к сестре ходить нигде не запрещается, то и Совесть-Драл с Лизою во всякое время видеться и быть с нею наедине без зазрения мог. В скором времени торжествующая любовь возвратила Совесть-Дралу хотя не те самые, однако все, да еще и со излишеством потерянные вещи; и так наш Совесть-Драл, утвердись, стал на крепкой ноге и, сделавшись из бедняка богатым любовником, не мог далее преодолевать и скрывать природных своих склонностей. Он начал щеголять, играть в карты, в кости, пить, гулять и принадлежащим Лизе ссужаться с другими, от чего начал опасаться ху//дых следствий. Потом собрал все свое имение, а к тому несколько и чужого, никому не сказываясь, выехал из города и где скрылся, неизвестно.

с. 258

Конец

Приложение III

**Стихотворные жарты
на сюжеты *Совизжала смешного*
и *забавного***

О господине с курioзным

Знатной господин в народ публиковал,
Кто б полаты ево изрядно размолевал,
Все действия фамилии их описал,
Прелестным бы украшением росписал.
Курioзной за то дело хватился,
Великою ценою с ним договорился,
Таких же курioзных себе прибрал
И в тех полатах место избрал.
Стены убрал хорошими завесы
И накупил разных красок со примесы.
Объявил господину, поколь окончается дело,
Никто бы без него не смотрел смело,
Дабы тем молярство ево не искусилось,
От нечистова глаза и вовсе не помрачилось.
Господин на такой совести положился,
Всем накрепко заказать потщился.
Полгода тово время проходит,
Курioзному дело на ум не находит.
Поедет, гуляет, веселитца:
«Мое-де дело фигурую объявитца».
Потом господину дочь ево говорила,
Дабы она молярства посмотрела.
Получа то позволение, в полаты пришла,
Свое желание курioзному донесла.
Курioзной беду свою закрывает,
Господской дочери без стыда объявляет:
«Извольте, государони моя, смотреть,
Толко после в лице не гореть. //

Я наперед вам объявлю, будьте известна,
Ежели матушка ваша за отца шла честна,
То все ясно мастерства покажется,
А буде нечестна, то ничего не покажется».
И открыл завесу, стену показывает,
Будто как писанное рассказывает:
«Вот это-де до вашего рождение,
А это отца твоего похождение».
Потом все по ряду ей рассказал:
«Видите, государоня», – после сказал.
Она хотя и ничего не видала,
Только материн стыд покрывала.
Говорит: «Очень изрядное украшение, –
Сама¹ себе мыслит матери поношение. –
Знать, что она нечестная была,
Что я на стене ничего не видала».
Однако отцу и матери тово не объявила,
Куриознова мастерствохватила.
На то польстясь, пошла мать, смотрила,
Такое же украшение, как дочь, усмотрила.
Весма мужу ево похваляет,
Будто самую истинну объявляет.
Муж безмерно тому рад² стал,
Что драгова мастера достал.
«Во всем-де государстве слава будет,
Такова украшения нигде не будет».
И призвал куриознова, весело объявляет,
Что он утре сам смотреть желает.
Куриозной видит, что нелзя миновать,
л. 3 Приходит же беда уже накрывать. //
об. Говорит: «Изволь, господин, в чистоте приходить,
А мне время ныне от вас отходить».
Господин тово уходу ево не дознался,
Смотреть украшения прибрался.
Куриозной пришел в полаты, написал на стене:

¹ Испр., в ркп. сами.

² Испр., в ркп. род.

«Кто глуп, оставайся в той вине,
А я зделал здесь курioзные смехи,
Сам пошел до другой утехи».
Поутру господин писанное прочитал,
А боле тово ничево не видал.
Вздохнувши толко, разсмеялся:
«Теперь-то я вправду о том догадался.
Изрядно мне дочь и жена сказали,
Что они украшения такова не видали.
Заподлинно правда их открылась,
Что вся стена гола явилась».

На себя надобно пенять,
Зачем не умел нанять.

(БАН, собр. Тимофеева, № 2, л. 20б.– 30б.)

[Как шут землю в Польше купил]

О нем же

После того у короля великой бал был,
Приказано шуту, чтоб всех веселил.
В то время было господ великое собрание,
Огромная музыка, тако ж и танцование.
Шут же в шумстве строил шутки дивны,
Многим при бале казались противны,
Паче ж великое делал неостерегательство,
Но и кралеве пришло в посмеятелство.
По окончании бала кралева приносила³,
На того шута жалобу приносила,
Объявляла, чтоб учинить отомщение:
«Великое мне и другим строил поношение».
Король, призвав его, бранил,
Для чего он такие шутки творил.

3 Испр., в ркп.: провосила.

Шут: «Милостивой король, не буду от того отлучен,
Чем я от природы моей обучен.
Я человек слыву у вас шутливы,
Не изволте на меня быть гневливы.
Сами меня на тот бал призвали,
Для увеселения шутить приказали.
Я по вашему приказу все прошутил,
Которые в моей школе обучил».
Король: «Я хотя сам того и не видел,
Как ты королеву обидел?»
Шут: «Знаю, сударь, давно,
По моим шуткам все равно.
Я от вас великую милость получаю,
В своих шутках мало кого выключаю.
И ныне произношу те ж вести,
И кралева попалась с протчими вместе.
К тому ж на таковых людей гневливых,
Не имею в моих книгах шуток особливых».
Кралева сказала: «Ежели сему шуту здесь жить,
Ничем не буду себя веселить.
Повели ево в другую землю прогнать,
Я не хочу пред моими очами видать».
Король: «Отсель *ни часа⁴ в моей земли не живи,
Поезжай куда хочешь, служи.
Я тебя любил и хотел любить,
Ты же не так стал жить».
Шут: «Добро, господин король, отойду,
Я и другую землю себе найду».
Поехал, видя, нелзя жить болши,
И купил земли дерну в Полши.
У кого ж ту землю покупал,
Для виду своеручное письмо взял.
Купя ту землю, положил, в телегу сел,
Опять х королю весть велел.
Приехав, по всему граду разезжает,
Бес короля ездить ин никто не запрещает.

⁴ Испр., в ркп.: не чеса.

Дивятца, какую шут смелость возимел,
А король ему здесь жить не велел.
Шут же нарочно мимо короля езжал,
Дабы, видя то, к себе позвал.
Увидел король, осердился, приказал нагнать,
Немедленно шута к себе позвать.
Когда ж привели, свирепо король закричал:
«Или тебе жить уж не запрещал?
Ты ж слова мои пренебрегаешь,
По се время отсюда вон не выезжаешь.
Хощеши ли, что я учиню над тобою,
Как противен являеся предо мною!»
Шут королю: «Прошу в том не погневитца,
А на меня напрасно не надлежит сердитца.
Я вашею милостию прежде был доволен,
А теперь, где хощу, жить волен.
Здесь буду в земле пребывать
И вы не прикажите напрасно изогнать.
Я ныне, кроме вашей, свою землю имею,
На оной жить неопасно смею.
Изволте смотреть, нечего разсуждать болше,
Сию землю нарочно купил в Полше.
Теперь в телеге на сей живу,
Моя земля, ни на кого не гляжу.
Объявляю, милостивы король, чести вашей,
Нет вам дела до земли нашей.
Чисто та земля в Полши продана,
Изволте смотреть, крепость дана».
Король, прочет писмо, дивовался,
О умышлени шутове разсмеялся.
Нелзя того никак отменить,
Велел паки при дворе жить.

(РНБ, собр. Титова, № 4781, л. 38–40)

Оглавление

Введение	5
Глава I. История изучения русского перевода <i>Совизжала смешного и забавного</i>	9
Глава II. Путь <i>Совизжала</i> в Россию	18
Глава III. Источник и характеристика перевода	25
1. Модификация заголовочного комплекса	26
2. Отбор и расположение «историй»	29
3. Изменения в композиции романа	36
4. Качество перевода	39
4.1. Соотношение прямой и косвенной речи	43
4.2. Ономастическое и культурное пространство перевода	45
4.3. Семантические и идейные модификации	47
4.4. Перевод культурно маркированных реалий	54
Глава IV. Заимствования «с других языков» и «из русских сочинений» в <i>Похождении Совест-Драла</i>	61
Глава V. Описание и характеристика изданий	71
1. Описание изданий перевода	71
2. Редакционные изменения	84
3. Редакция 1793 года	87
Глава VI. Литературная культура переводчика	95
Глава VII. Читательское восприятие и реминисценции <i>Похождений Совест-Драла</i> в русской литературе и критике	99
1. Восприятие польского <i>Совизжала</i> и его перевода в России	99
2. Владельцы печатных изданий <i>Похождений Совест-Драла</i>	100
3. Критические отзывы о <i>Похождениях Совест-Драла</i> и попытки творческого восприятия романа	104

Глава VIII. Похождение ожившего Совесть-Драла Большого Носа	114
Заключение	136
Список условных сокращений	140
Указатель имен	142
Указатель произведений	145
Список иллюстраций	148
Список литературы	149
Приложение I	159
Принципы издания текстов	160
<i>Похождени нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совесть-Драла Большого Носа. Часть I</i>	161
<i>Похождени нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совесть-Драла Большого Носа. Часть II ...</i>	230
Собрание разных историй	270
Разные повести	277
Приложение II. Похождение ожившего нового увесели- тельного шута Совесть-Драла Большого Носа	291
<i>Похождение ожившего нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совесть-Драла Большого Носа</i>	293
Приложение III. Стихотворные жарты на сюжеты Со- визжала смешного и забавного	367
1. О господине с куриозным	369
2. [Как шут землю в Польше купил]	371

